

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X
ISSN 1818-9601

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Рассадина Т. А.** Гражданское общество в современной России: некоторые тенденции, проблемы, факторы формирования 129
- Ситникова С. В.** Концептуализация ценностного пространства общества 133
- Гончарова Е. Н.** Тенденции развития культурного туризма между городами-побратимами в условиях современной социокультурной коммуникации 138
- Ксенофонтова Е. Г.** Лидерство как стремление, или Исторические тенденции понимания феномена лидерства 142
- Бочарова Е. В.** Социальный потенциал работников сельскохозяйственных предприятий старших возрастных групп 148
- Антропова Ю. Ю., Калинин И. А.** Современный городской социум и пространство детства: проблемы сопряженного развития 153
- Бегина И. А., Шедловская М. А.** Социологическая рефлексия студенческой дружбы через призму социальных качеств 162
- Судьин С. А.** Гражданско-общественные организации в сфере психического здоровья: попытка классификации 165
- Мохнаткина К. В.** Факторы социальной интерпретации россиянами значимости здоровья: корреляционный анализ 170
- Кравченко Н. Ю.** Гражданская идентичность как условие снижения конфликтогенности общества 177

Слово молодым социологам

- Юренков И. Н.** Генезис концепта «социальная стабильность» в социологической науке 180
- Калинкин А. А.** Конструирование социальной реальности: социолингвистический аспект 183
- Антонова А. В.** Социальная сущность веб-документалистики в рамках теории новых медиа 186
- Ларин О. Н.** Социологические идеи А. А. Зиновьева: современный взгляд 190

Политология

- Данилов М. В., Казаков А. А., Попонов Д. В., Назаров Н. О., Сергеев С. Г.** Информационные предпочтения, оценка актуальных проблем и отношение к власти провинциального электората в преддверии федеральных парламентских выборов (анализ результатов массового социологического опроса и фокус-групповых исследований) 193
- Головченко А. В.** Инверсия оппозиционного статуса партии «Яблоко» в условиях обострения международных отношений 196
- Изергина Н. И.** Методологические аспекты проектирования правового государства 200
- Федотов А. С.** Глобализационный контекст современного политического процесса 205
- Барашков Г. М.** Аналоговые формы гражданского общества (на примере африканских стран) 208
- Хаугиев Ш. М.** Концепт «региональный политический режим» как теоретическая основа для понимания постсоветской российской переходности 215
- Ефанова Е. В., Колотилина А. А.** Противодействие национализму в условиях реализации политики государственной безопасности Российской Федерации 218
- Мирзаханов Д. Г.** Понятие «исламский мир» и глобальный контекст процесса его политизации 222
- Санакоев И. Б.** Идея национального самоопределения Южной Осетии в условиях разделенности осетинского народа 226
- Митрохин В. А.** «Реальная политика» в действии (к вопросу об идейных воззрениях И. Ф. Наживина) 231

Слово молодым политологам

- Великанов А. П.** Пределы политической гармонизации интересов работников и работодателей в рамках трипартизма: деконструкция европейского опыта 234
- Бахтеева Е. Г.** Рискогенный потенциал трансформации образов женщины и мужчины в политике 240

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.06.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,60 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 91-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Rassadina T. A.** Civil Society in Modern Russia: Some Trends (Tendencies), Issues, Factors of Formation 129
- Sitnikova S. V.** Conceptualization of Society's Value Space 133
- Goncharova E. N.** Development Trends of Cultural Tourism between the Twin Cities in the Conditions of Modern Socio-cultural Communication 138
- Ksenofontova E. G.** Leadership as an Aspiration: Historical Trends in Understanding of Leadership 142
- Bocharova E. V.** Social Potential of Agricultural Workers of Older Age Groups 148
- Antropov Yu. Yu., Kalinin I. A.** Modern Urban Society and Space Children: the Problem of Pairing 153
- Beginina I. A., Shedlovskaya M. A.** Sociological Reflection Student Friendship through the Prism of Social Qualities 162
- Sudin S. A.** Civil Society Organizations in the Field of Mental Health: Attempt of Classification 165
- Mohnatkina K. V.** Correlation Analysis of the Interpretation of Health as Russians Value 170
- Kravchenko N. Yu.** Civil Identity as a Condition of a Society's Conflictogenity Decrease 177

A Word to Young Sociological Scientists

- Yurenkov I. N.** Genesis of a Concept «Social Stability» in Sociological Science 180
- Kalinkin A. A.** The Construction of Social Reality: Socio-linguistic Aspect 183
- Antonova A. V.** The Social Nature of the Web-documentary in the Framework of the New Media 186
- Larin O. N.** Sociological Ideas A. A. Zinoviev: Modern Look 190

Politology

- Danilov M. V., Kazakov A. A., Poponov D. V., Nazarov N. O., Sergeev S. G.** Information Preferences, Current Problems' Evaluation, and Attitude to the Government of the Provincial Constituents in Anticipation of the Federal Parliamentary Elections (Analysis of the Massive Social Surveys and Focus-group Investigations' Results) 193
- Golovchenko A. V.** Inversion of the Oppositional Status of the Yabloko Party in the Context of Strained International Relations 197
- Izergina N. I.** Methodological Aspects of Designing a Legal State 200
- Fedotov A. S.** Globalizational Context of the Modern Political Process 205
- Barashkov G. M.** Analogous Forms of Civil Society (Exemplified by African Countries) 208
- Khautiev Sh. M.** The Concept of «Regional Political Regime» as a Theoretical Basis for Understanding of Post-soviet Russian Transistion 215
- Efanova E. V., Kolotilina A. A.** Counteraction to Nationalism in the Conditions of Realization of Policy of State Security of the Russian Federation 218
- Mirzakhonov D. G.** The Concept «Islamic World» and a Global Context of its Politization 222
- Sanakoev I. B.** The Idea of National Self-determination of South Ossetia in the Context of Separation of the Ossetian People 226
- Mitrokhin V. A.** «Real Policy» at Work (to a Question of Ideological Views of I. F. Nazhivin) 231

A Word to Young Politological Scientists

- Velikanov A. P.** Limits of Political Harmonization of Interests of Employees and Employers in the Framework of Tripartism: the Deconstruction of European Experience 234
- Bakhteeva E. G.** Risk-causing Potential of Transformation of Images of Women and Men in Politics 240

Information about the Authors

245

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

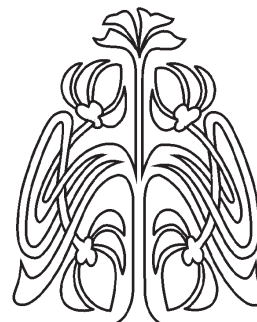
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

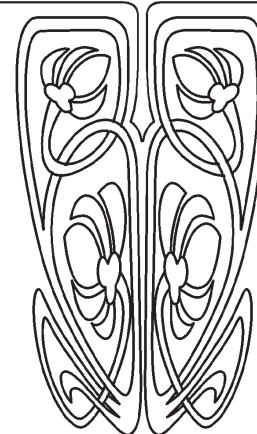
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

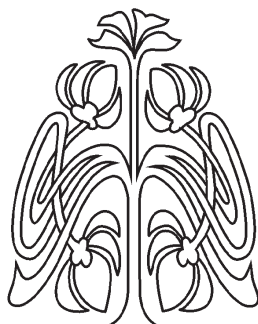
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

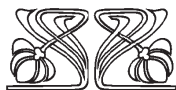
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

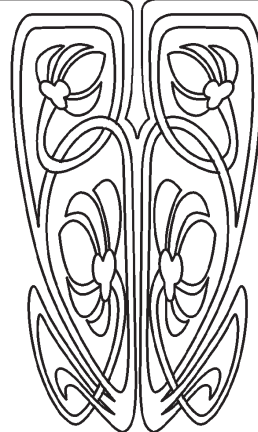
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Osadchaya G. I. (Moscow, Russia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.75

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Т. А. Рассадина

Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт)
E-mail: t.rassadina@mail.ru

Статья посвящена анализу современных тенденций формирования гражданского общества в России, внутренних и внешних факторов, влияющих на эти процессы, а также некоторых проблем и ограничений его развития.

Ключевые слова: гражданское общество, взаимодействие власти и гражданского общества, публичная сфера, социальный капитал, некоммерческие организации, социальная база гражданских отношений, гражданская активность.

Civil Society in Modern Russia: Some Trends (Tendencies), Issues, Factors of Formation

T. A. Rassadina

The article is devoted to the analysis of modern trends of Russian civil society formation, internal and external factors that influence on these processes and some issues and restrictions of its development.

Key words: civil society, interaction between authorities and civil society, public sphere, social capital, nonprofit organizations, social basis of civil relations, civil activity.

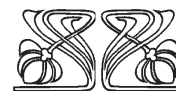
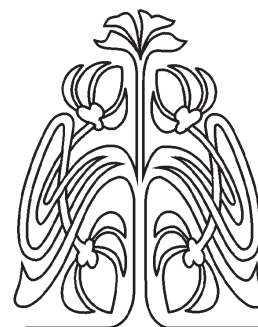
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-129-133

Три десятилетия Россия идет по пути радикального преобразования всех сфер общественной жизни, в условиях новой социально-политической системы, строит рынок, учится демократии, создает правовое государство, гражданское общество. Проблематика исследований гражданского общества за эти годы стала весьма обширной в рамках не только политической науки, но и социологической¹.

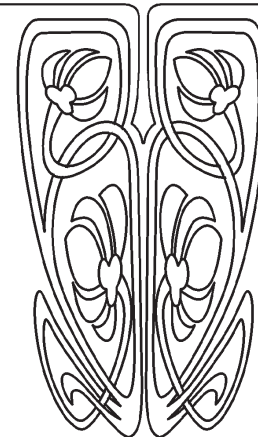
Очевидно, что гражданское общество как совокупность социальных связей и коммуникаций, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются гражданские организации, формируется трудно, непросто утверждаются ценности демократии, отстраиваются демократические механизмы функционирования политической системы. Но есть твердое убеждение и власти (во всяком случае президентской), и общества, что без его полноценного становления невозможно действенное не только политическое, но и социально-экономическое развитие страны, развитие ее духовной жизни.

Формирование гражданского общества в России принципиально зависит от двух игроков: государства и бизнеса, которые, по сути, определяют и пути развития, и модели его политического участия. Нередко звучат оценки, что в стране формируется квазигражданское общество. Они во многом оправданны. Гражданскую консолидацию в России тормозит ряд обстоятельств. Среди них:

– глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, подданных, зависимых от политики власти, ожидающих добавки к пенсии, зарплате, льготы и т. п.;

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

– не просто дифференциация, а где-то и пропасть между богатыми и бедными, центром и регионами, столицей и провинцией, элитой и населением, чиновниками и всеми остальными; сохранение внутренней неприязни между ними;

– проблемы не только в производстве благ, но еще больше в их распределении;

– «экономикоцентричность», а не «социоцентричность» государственной политики;

– слабо развитый средний класс, представители которого в целом удовлетворены своим положением, эксплицируют не столько гражданские позиции, сколько интерес к вопросам собственного потребления в рамках преобладающих гиперсистем ценностей, а именно прагматической, чувственной, индивидуалистической, которые поддерживаются государством;

– гипертрофированная ориентация на частную жизнь, атомизация общества, которая имеет разные формы проявления, а именно личностный, корпоративный, семейный и прочий изоляционизм;

– отсутствие честной конкуренции во всех сферах;

– культ не специалистов, а всевозможных менеджеров, в том числе в государственных, бюджетных организациях, бюрократов, что усиливает бессубъектность основной массы населения в плане влияния на принятие жизненно важных для общества решений;

– эффективность власти в том смысле, что она преследует собственные цели и интересы, зачастую отличные от целей и интересов общества; управление, контроль общества все-таки более важны для нее, чем его благополучие;

– значительная часть активности власти как в центре, так и в регионах направлена на имиджевые мероприятия, на спин-деятельность, спин-контроль, а не на решение актуальных задач общества;

– сложность борьбы с коррупцией; статистика предьявляет данные об уменьшении количества взяток за последний год, но об увеличении их размера;

– дисфункциональность социальных институтов (к примеру, обращения граждан лично к президенту в публичном пространстве – пресс-конференциях и прочих форматах – с просьбой помочь приобрести инвалидную коляску – очевидный признак этой ситуации; к тому же случай, имеющий множество аналогов);

– снижение интереса общества к некоторым элементам демократии, имеющее разные причины, в частности: встраивание многих прав и свобод в повседневную жизнь; сохраняющаяся низкая гражданская и политическая культура; инертность, апатия общества, которая связана не только с устойчивым стабильным развитием, хорошими условиями жизни, но и с неспособностью влиять на политическую жизнь общества. Сами российские граждане видят первопричи-

ну замедления движения России к демократии в выборе российского правящего класса, который предпочел демократии собственность и власть. Подобной позиции придерживаются две трети россиян. Существенно меньше тех, кто основную вину возлагает на само общество (27%)²;

– остается неразвитость практик свободных политических выборов;

– наличие множества ассоциаций граждан в России, которые трудно назвать влиятельными;

– публичная сфера сформирована, но во многом беспомощна.

Все это не способствует самоорганизации гражданского общества.

Гражданское общество может строиться в русле двух парадигм:

– на его противопоставлении власти, критике ее;

– на поиске согласия, компромиссном улаживании проблем (так называемая конструктивная позиция).

К тому же это строительство может идти снизу, что чаще квалифицируется как естественный процесс, а также сверху. Эти альтернативы порождают состояние бифуркации, которое может привести к разным, не всегда предсказуемым вариантам развития.

Одна из главных особенностей России заключается в том, что строительство демократических институтов и институтов гражданского общества ведется сверху, что влечет зависимость от властей всех уровней, в связи с этим неэффективное влияние на власть. Так, создание важных, нужных институтов с участием власти (Общероссийский народный фронт, Общественная палата РФ, региональные палаты, в том числе экологические, педагогические и др. (в Ульяновске есть Палата справедливости и народного контроля)) нередко порождает смешанные чувства, сложные отношения у населения.

Конструктивная модель взаимодействия власти и гражданского общества в современных условиях становится преобладающей. Это правильно. Первая модель (критическая) может способствовать разрушению государства изнутри, что в сегодняшних условиях смертельно опасно.

Но самоорганизация – это не только спонтанный процесс движения снизу, это резонансные действия как снизу, так и сверху на основе совпадения потребностей, интересов, целей. Отвергать и игнорировать целенаправленные действия сверху неверно, это важнейший элемент общества.

Несомненно, положительно то, что государство сознательно придает импульс для создания представительных институтов гражданского общества в условиях их отсутствия, предпринимает усилия по их развитию и совершенствованию. Но государство не только способствует развитию гражданского общества, но и периодически проявляет авторитарные способы управления им,

например, использует тактику «закручивания гаек». Гражданское общество не является источником спонтанного порядка и гармонии, его развитие связано с преодолением собственных проблем. Государство не должно его поглотить, слиться с ним, оно должно влиять на формирование культуры гражданственности. Эти институты обязаны действовать в партнерстве, стимулируя и контролируя друг друга. Никакие условия не должны способствовать отказу от ценностей подлинного уважения, справедливости, честности. Критическая функция гражданского общества по отношению к государству должна оставаться.

Проблемы гражданского общества отражаются в сознании рефлексирующего российского социума, что проявляется в глубоком кризисе доверия в обществе как к институтам государства, так и к нарождающимся институтам гражданского общества. Многочисленные, в том числе и опубликованные результаты наших исследований указывали на это³.

Резкий скачок доверия высшей власти страны (президенту прежде всего) за последний год с очевидностью выполняет защитную объединительную функцию в условиях сложной внешнеполитической ситуации при непростом отношении людей к внутриполитическим проблемам, крайне негативном к таким, как бюрократизация, коррупция, рост цен, сокращение рабочих мест, уменьшение зарплат, повышение тарифов на услуги ЖКХ, появление новых статей оплаты и пр.

Здоровое гражданское общество невозможно без «коммуникативной рациональности или публичности»⁴ как сферы интеракции и коммуникации субъектов, автономных и свободно самоопределяющихся индивидов и негосударственных союзов, формирующихся на добровольных началах. Именно в публичной сфере социума складываются мнения, идеалы, ориентации, которые выступают основой общественной солидарности. Ведущими мотивами таких отношений являются стремления субъектов добиться равенства, открытости, уважения и доверия, а также на этой идейной основе включиться в решение жизненно важных проблем.

В этом контексте повышается целесообразность использования субъектами гражданского общества такого ресурса, как социальный капитал.

Феномен социального капитала как умения налаживать социальные отношения (Л. Д. Ханнифан, 1916), совокупности актуальных или потенциальных ресурсов, которые используются участниками отношений взаимного знакомства и признания⁵, уже несколько десятилетий привлекает внимание исследователей.

Р. Патнэм утверждает, что «социальный капитал начинается от инициатив индивида и поднимается вверх – до государства, а не наоборот»⁶. Принадлежность к определенной группе

содержит в себе тот или иной аспект социальной структуры, «усиливает определенные действия людей, находящихся в этой структуре»⁷, а ее нормы взаимодействия и доверия определяют качество и количество социальных взаимоотношений.

Такие сетевые отношения – своеобразные скрепы, позволяющие формировать и поддерживать социальную ткань. Социальный капитал выполняет обязывающие, связывающие, объединяющие, позитивные и негативные функции. В основном он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяет формальные правила и бюрократические процедуры неформальными нормами, отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения. Его объем зависит, прежде всего, от размера социальных сетей, которые он может эффективно мобилизовать. Это – условие расширения социальной базы гражданского общества.

Социальный капитал не является естественной данностью, сконструированной раз и навсегда. Он формируется и постоянно воспроизводится через сети связей, которые являются продуктом постоянной работы, конвертируется в другие виды капиталов; высок в тех организациях, где люди доверяют друг другу, находятся в тесной зависимости взаимных обязательств; формируется на разных уровнях социальной реальности (на микроуровне – взаимодействие индивидов, на мезоуровне – отношения организаций, на макроуровне – взаимодействия общностей, групп, институтов). Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу, основываясь на положении, что доверие и социальный капитал взаимно укрепляют друг друга⁸. Доверие значительно увеличивает возможности взаимодействовать с людьми, усиливает кооперацию. Одновременно оно способствует развитию личностных самодетерминант, возможности свободно проявлять собственные позиции, автономии общества в условиях поддержки надежными людьми и социальными институтами. Автономия – важный элемент гражданского общества. Автономия социальных субъектов означает признание прав и свобод человека и гражданина в различных сферах, возможность самоорганизации.

Одним из факторов обновления и развития гражданского общества является использование некоммерческих организаций. Однако в деятельности НКО России масса своих проблем:

- локализация преимущественно в крупных городах;
- закрытость большинства добровольных объединений;
- несформированность потребности в коммуникациях и объединении, что задает в том числе тенденцию к конструированию социальных проблем, не позволяя эффективно влиять на принятие решений;

– среди преобладающих в России способов лоббирования интересов населения чаще используются негласные, чем легальные и публичные (личные связи с представителями органов власти; договоренности с лицами, от которых зависит принятие нужных решений);

– средства массовой информации мало интересуются жизнью гражданских организаций, их больше интересуют бизнес и власть, обладающие ресурсами, к тому же не так много независимых и неподконтрольных власти СМИ в России;

– руководители НКО больше озабочены материальными ресурсами, нежели результатами работы; зачастую работа в НКО рассматривается как вариант трудоустройства, заработка;

– критериями оценки своей работы руководители НКО чаще отмечают рост членства и поддержку со стороны власти, чем привлечение инициативных граждан и поддержку населением.

В итоге НКО не транслируют наверх информации о потребностях населения, не контролируют действия органов власти, не влияют на распределение ресурсов, не участвуют в формировании приоритетов государственной политики. Или делают все это крайне слабо.

Правозащитные организации часто получают средства из иностранных источников и проповедуют идеи, ценности, достаточно привлекательные в русле гуманистических идеалов. Нередко за этим привлекательным фасадом – деструктивные для нашей страны намерения, не считывать их наивно. Важно и то, чтобы за этими проблемами не выплеснули в очередной раз подлинные ростки гражданских позиций.

Повторим, в практиках создания гражданского общества в нашей стране очевидно существовавшее движение сверху.

Социальный капитал – это не просто связи. Это структуры господства, создаваемые людьми свободно, но вполне рационально, которые позволяют их владельцам реализовывать определенные жизненные шансы, достигать целей. Нередко – это серьезная компенсация проблем и недостатков социальных акторов (финансовых, материальных, профессиональных и т. п.), способ значительного и не всегда заслуженного повышения статусных позиций. Он может стать фактором усиления и без того критического социального неравенства.

Главным показателем качества «формального» социального капитала является не количество организаций, а вовлеченность населения в их работу, социальная база. В странах с развитым гражданским обществом подобная доля населения составляет 10–15%. Характерной чертой Российской Федерации, как и всего постсоветского пространства, является разрыв номинального и реального членства в некоммерческих организациях. Членами организаций являются

3–5%⁹. Последние исследования социологов из НИУ ВШЭ демонстрируют, что социальная база гражданских отношений неоднородна¹⁰, ее основу образуют порядка 10% взрослых граждан России.

Средний россиянин предпочитает невысокую социально-политическую активность. Это объективный уровень самоорганизации.

Такое состояние характеризуется как проявление «негражданственности». Оно является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, зависимости от политики центральной и местной власти и ухудшающихся условий жизни. «Негражданственность» важно отличать от «антигражданского» поведения. Последнее характеризуется активным проявлением цинизма и сознательным агрессивным поведением, игнорированием гражданских ценностей.

Оценивать уровень активности непросто. Так, чрезмерно политизированное общество (например, конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века), когда практически все мысли, разговоры людей были о политике, – это вряд ли признак здорового общества. Есть точка зрения, что именно в советский период в стране и было гражданское общество в наиболее сформированном виде (всевозможные собрания, коллективные обсуждения, критика, выборы «снизу доверху» и пр.). Общественно-политическая деятельность в советское время называлась общественной работой. В основе своей – это бесплатная работа. Отношение к ней было разное. От великого блага – работа не за деньги во имя целей общества, групп, отдельных граждан, вплоть до отношений, которые определялись формулой «если хочешь завалить дело, сделай его общественной работой». Эта работа требует немало времени, сил. Надо еще и зарабатывать на жизнь. И вообще нормально, что у людей есть другие интересы, разные интересы.

С учетом массы разнообразных проблем в России сегодня уровень гражданской активности недостаточен. В сочетании с неразвитостью НКО невысокая социально-политическая активность слабо способствует развитию институтов гражданского общества.

Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс демократизации и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Считаем не лишним вспомнить о том, что в России общинное самоуправление имеет давнюю серьезную традицию. Гражданское общество не может быть привнесено и навязано извне на основе западных моделей, которые также имеют свои проблемы развития. Оно должно формироваться с учетом российской традиционной культуры. И вообще – должно эволюционировать, для формирования новой гражданской ментальности нужны годы, работа поколений.

Примечания

- ¹ См.: Ляхман Б. Я. Гражданское общество : теоретическая конструкция или практическая реальность?.. // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социальная политика и социология. 2005. № 4. С. 32–49; Василенко Л. А., Вронская М. И. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М. : Проспект, 2010; Гаджиев К. С. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М. : Знак, 2008; Галкина Е. В. Институционализация гражданского общества в контексте современных политических трансформаций. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010; Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 3. С. 25–36; Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России : опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3–26; Ирхин Ю. В. Гражданское общество и власть : проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 3–24; Круглый стол QUO VADIS? Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1) // Полис. 2012. № 2. С. 117–140; Лопарева А. В. Национальные особенности взаимоотношения государства и гражданского общества в России (историко-политический аспект) // Власть. 2009. № 6. С. 128–132; Максимова С. Г. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы // Политика и общество. 2012. № 7. С. 44–49; Мерсиянова И. В. Социальное участие и проблема доверия в гражданском обществе // Социальный капитал, социальные сети, социальное участие : к проблеме возрождения местных сообществ в России. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. С. 6–25; Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества // Вопр. философии. 2009. № 5. С. 57–62; Сунгуров А. Ю. Взаимодействие власти и структур гражданского общества : возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37–40; Тамбовцев В. Л. Государство как инициатор развития гражданского общества // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 99–106; Якимец В. И. Третий сектор : состояние, проблемы роста и развития, место и роль в общественной жизни России // Школа культурной политики. 2007. № 5. С. 35–39 и др.
- ² См.: Горшков М. К. Гражданское общество и демократия участия в пореформенной России : Выступление на III съезде некоммерческих организаций России. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=WggDrM4-mj0> (дата обращения: 10.09.2015).
- ³ См.: Рассадина Т. А., Миронова Н. А. Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Власть. 2011. № 7. С. 105–108; Рассадина Т. А. Доверие к средствам массовой информации в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 61–70.
- ⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia, 1995. С. 87.
- ⁵ См.: Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
- ⁶ Putnam R. D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Shuster, 2000. P. 49.
- ⁷ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121.
- ⁸ См.: Фукуяма Ф. Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ ; Хранитель, 2006.
- ⁹ См.: Романенко Л. М. Гражданское общество в России. М., 2005.
- ¹⁰ См.: Воспитание гражданских добродетелей : как изменилось общество России за десять лет? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Бюллетень I. Март № 1 (5). 2015. С. 30.

УДК 316. 752

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА ОБЩЕСТВА

С. В. Ситникова

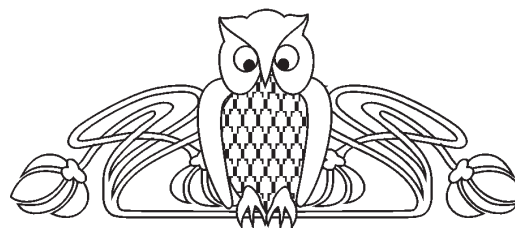
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: skareva@yandex.ru

Содержание статьи является результатом теоретико-методологической поисковой работы, в результате которой представлена авторская концепция ценностного пространства общества. Рассмотрены также понятия «ценность» и «социальное пространство». **Ключевые слова:** ценность, социальное пространство, ценностное пространство.

Conceptualization of Society's Value Space

S. V. Sitnikova

The article's content presents the results of theoretical-methodological research which led to the author's concept of society's

value space. The notions of «value» and «social space» are also studied.

Key words: value, social space, value space.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-133-137

Опыт научного обращения к аксиологической проблематике как в отечественной, так и зарубежной литературе достаточно велик, что, на наш взгляд, весомое оправдание не утруждать себя поиском аргументов личного внимания к данной проблематике. Однако в угоду профес-

сиональной этике представим ряд аргументов, оправдывающих наш интерес к проблеме ценностного пространства современного российского общества. Во-первых, ценности как часть мировоззренческого багажа личности, сообществ подвержены разновекторным трансформациям. Во-вторых, одним из базовых факторов, влияющих как на сам факт трансформации, так и ее вектор, является социальное пространство как система объективных связей различных сред – политической, экономической, культурной, духовной и т. д. В-третьих, знание специфики современных механизмов трансформации ценностных представлений позволяет социологам повысить качество работы на уровне как теоретического моделирования, так и эмпирической инженерии. Кроме того, даже простейший контент-анализ литературы, охватывающий ценностную проблематику, позволил сделать вывод о недостаточности теоретико-методологических изысканий в оформлении концепции ценностного пространства общества¹. Последнее и является главной целью нашей работы.

Разработка центрального понятия «ценностное пространство» требует обращения к более общей категории «социальное пространство». Развитие социально-философских воззрений в рамках данной проблематики обращает исследователя к дискурсу, достаточно богато фундаментальной мыслью. Серьезным историческим исследованием взглядов на проблему пространства в социальной философии является работа Е. А. Рыбалка², на которые мы и будем опираться. Методология изучения пространства многомерна. Точками отсчета выступают статус пространства, его связь со структурой социума, а также соотношение с бытийственностью социальных субъектов. Анализ генезиса социального пространства позволил Е. А. Рыбалка выделить несколько идеальных конструктов. Представим суть каждого из них. Концепт «пространство – территория» отражает пространственную связь природной и социальной реальности. Распространенную в западной политической географии точку зрения Майкла Китинга: «Территории как социальные системы состоят из различных пространственных уровней. Как правило, их выделяется шесть: глобальный, континентальный, государственный, региональный, местный, городской или муниципальный и соседский»³, Рыбалка критикует за отсутствие возможности обосновать пространство как способ существования социальной реальности. Философское осмысление пространства как территории, в отличие от геополитического регионализма, позволяет обратить внимание на природный конструкт пространства человека. Сосредоточив внимание на природной основе социального пространства, сторонники геосоциального подхода выводят познание на исследование территориальных проблем, связанных с ресурсными особенностями

пространства человека. «Окружающая природная среда фактически является совокупностью ресурсов, выполняющих как бы двойную функцию... средообразующую и непосредственно ресурсную»⁴. Таким образом, концепт «территория как форма пространственного бытия индивидов» охватывает самые различные сферы взаимодействия человека со средой.

Концепт «пространство – субстанция» обращается к идеям О. Шпенглера и П. Сорокина. «Всегомогущественная пространственность, всасывающая в себя и порождающая из себя субстанцию всех вещей, – самое подлинное и самое высшее наше достояние в аспекте нашей Вселенной»⁵. Цивилизация и культура создают основу пространства универсума. При этом в пространстве культуры Шпенглер обнаруживает и пространство отдельной личности. Постоянно обновляющаяся связь индивидуального духа и духа культуры и есть выражение субстанциональности. Сорокину принадлежит тезис о многомерности социального пространства, которая выражена в значимых взаимодействиях между обществом, культурой и личностью. Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis*⁶ и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры⁷.

Концепт «пространство – структура» стало естественным развитием идей субстанционального подхода. Идеи Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Р. Мерттона и Т. Парсонса определяют содержание концепта. Пространство представляется как особый тип структур, выраженных в отношениях между людьми, при этом выстраивается некая система действующих пространственных связей, дистанций и позиций. Методологическое преимущество данной концепции для нас в определении понятия «ценностное пространство» очевидно. При возможности изменения позиций элементов система остается статичной. В процессе создания моделей изучения социального пространства мы придерживаемся идеи максимальной формализации объекта изучения. Так, с точки зрения статики пространство можно рассматривать как системное устойчивое образование, а с точки зрения динамики – как изменение ее структур. Субстанциональный и структурный подходы максимально обосновывают и наши поисковые гипотезы.

Одним из подходов рассмотрения социального пространства является концепт «пространство – центр». Системообразующим элементом пространства является центр. Национальный контекст центробежной и центростремительной силы актуализирует В. Соловьев⁸. Центростремительные силы выражены в стремлении подчинить частную жизнь интересу верховного начала, центробежные – разрушают общие нормы. Только духовные усилия русского народа способны установить равновесие в социальном пространстве. Идеи о дисциплинарном обществе, созданном властным центром, отражены в работах М. Фуко⁹. Дисциплинарные принуждения являются основой упорядочения пространства – выстраивания дистанций, систем институционального контроля, пространственных кодов.

Не менее интересной в данном контексте представляется теория П. Бурдьё – социальное пространство как поле взаимодействия «агентов» и «практик». Понимать его (пространство) нужно и как пространство формирования позиций, и как пространство видения процесса социального деления¹⁰. Именно эта позиция выступает для нас главным аргументом в необходимости и возможности формирования моделей изучения как «агентов», так и «практик».

Подводя итог и аккумулируя фундаментальные подходы к пониманию социального пространства, сформулируем авторское определение. Итак, под социальным пространством будем понимать субстанциональную многомерную сущность, символически отражающую систему объективных связей между различными позициями. Однако на этом рассуждения о понятии пространственности не могут быть завершёнными, поскольку центральной задачей исследования является определение категории ценностного пространства.

Слово «ценность» («аксия») впервые упоминается Диогеном Лаэртским в описании философских рассуждений стоиков. Как сообщает древнегреческий мыслитель, для стоиков «ценность... есть, во-первых, свойственное всякому благу содействие согласованной жизни; во-вторых, ... польза, содействующая жизни, согласной с природой; ... в-третьих, меновая цена товара, назначаемая опытным оценщиком»¹¹.

В Античности складываются первые теоретико-ценностные концепции. Так, Платон дает одну из первых аксиологических классификаций – иерархию элементов блага. В своих социально-политических размышлениях, выражая личные идеалы, он создает модели совершенной жизни в идеальном государстве, образы человека и его достойного существования, власти, воспитания, труда, что можно охарактеризовать как набор античных ценностных идеалов¹². С точки зрения Аристотеля, следует различать субъективную оценку и объективную ценность в структуре ценностного отношения¹³.

Средние века дают теологическую трактовку ценности как конечной цели и высшего регулятивного принципа в лице Бога. П. П. Гайденко¹⁴, представляя предысторию понятия ценности, пишет о достаточно позднем появлении самого понятия, датируя это примерно концом XVIII в., что связано с пересмотром традиционного обоснования этики (к сфере которой это понятие изначально принадлежит), характерного для Античности и Средних веков и предполагавшего тождество понятий «бытие» и «благо». Утилитаризм эпохи Возрождения приводит к отмене прежнего понимания бытия и блага. В социальной этике Бенетама¹⁵ всякое благо измеряется его рыночной ценой (стоимостью). Кант, критикуя натурализм, утверждает волю как основу ценностей¹⁶. Первое упоминание понятия «ценность» в категориальном смысле принадлежит немецкому философу Р. Лотце¹⁷. Так же, как и Кант, Лотце отождествляет бытие с эмпирическим существованием, а потому ставит ценность (значимость) выше бытия. Ученик Лотце В. Виндельбанд с помощью теории ценностей попытался обосновать общезначимость как теоретического познания, так и нравственного действия. Философию Виндельбанд определяет как «...критическую науку об общеобязательных ценностях»¹⁸. Г. Риккерт тоже видит в признании ценности единственно возможный путь к преодолению релятивизма и скептицизма в теории познания: «...Воля, хотящая естествознания, или воля, хотящая истории, есть необходимое признание безусловно обязательных сверхэмпирических ценностей, и оно переносит затем эту обязательность на естественнонаучные и исторические формы познания...»¹⁹. Н. Гартман также пишет об абсолютном характере ценностей, которые наравне с волей детерминируют сознание человека. Ценности являются «творящими принципами реальности»²⁰. М. Вебер вслед за Риккертом предлагает разграничивать два акта – отнесение к ценности и оценку: если первый превращает наше индивидуальное впечатление в объективное (общезначимое) суждение, то второй не выходит за пределы субъективности²¹. В рассуждениях о свободе личности Вебер обращается к свободной воле каждого человека выбрать именно того «бога или демона», которому призван изначально служить этот человек²². Позиция Г. Зиммеля, изложенная им в статье «Индивидуальный закон»²³, имеет точки соприкосновения с воззрениями Вебера: для обоих характерно стремление уйти от принципа нормативности. У У. Томаса и Ф. Знанецкого ценности носят «ситуативный» характер. Центральное место в их теории занимает понятие «социальная ситуация», включающее как объективно существующие социальные ценности, так и субъективные установки²⁴. Т. Парсонс в своей теории социального действия оперирует понятием «социальная система», которая в качестве подсистем включа-

ет, с одной стороны, потребности «деятеля», а с другой – ценности социокультурной среды. При «ориентации деятеля на ситуацию» происходит взаимодействие и взаимообмен ценностно-нормативного содержания этих двух подсистем посредством институционализации (узаконения обществом в процессе легитимизации) и интернализации (внутреннего принятия личностью в процессе социализации)²⁵.

Говоря о социологической аксиологической мысли, нельзя обойти стороной и идеи О. Конта²⁶: идеи морального единения человечества, реорганизации общества на основе новой «религии» – позитивизма. В отличие от объективного метода, направленного на открытие истины, идейным стержнем позитивной политики должны быть субъективные ценности, человеческие интересы и идеалы. В работах К. Маркса понятие ценности имеет единый смысл с понятием стоимости. Анализируя в своих работах понятие «Wert» – «ценность/стоимость», Маркс пришел к выводу, что уже в древних языках «ценность» понималась как потребительная стоимость вещей для человека, их полезные или приятные для людей свойства, бытие вещей для человека²⁷. Рассуждения Г. Спенсера²⁸ о ценностях в рамках его социал-дарвинистской методологии связаны с характеристиками типов обществ. Доминирующими ценностями военных обществ являются смелость, дисциплина, подчинение, лояльность, патриотизм; промышленных – инициативность, изобретательность, независимость, плодотворность. Э. Дюркгейм в своих произведениях анализировал взаимовлияние ценностно-нормативных систем личности и общества. По его мнению, система ценностей общества представляет собой совокупность ценностных представлений отдельных индивидов и, соответственно, «объективна уже благодаря тому, что она коллективна»²⁹.

Хотя аксиология – продукт XIX в., попытки осмысления ценностного отношения существовали на протяжении многих веков. У понятия «ценность» были многочисленные синонимы, например: «благо», «добро», «красота», «истина», «сила», «величие», «счастье», «справедливость», «закон», «блаженство», «идея», «польза» и др. В Средние века утверждаются три высшие ценности: истина, добро и красота, к которым уже в XX в. Б. Кроче³⁰ добавит пользу.

Л. Н. Столович отмечает, что в языках многих народов мира слова «оценка» и «достоинство» воспринимаются как синонимы слова «ценность». Как пишет Столович, в каждом из «классов ценностей своеобразно сочетаются основные значения ценности – вещественно-предметное, психологическое и социальное»³¹. XX век – это век экспансии аксиологического подхода в науках о человеке, культуре, обществе. В 20-е гг. XX в. М. Хайдеггер называл аксиологию «культурфилософией современности»³². Он

полагает основную характеристику ценности в значимости: «Ценность – это значимое, стоящее, только то, что значимо, – ценность»³³. Значимое, в свою очередь, есть «то, что играет важную роль». Значимость есть «способ», посредством которого ценность «есть». Так, вопрос о существовании ценности связывается с вопросом о бытии, поскольку понятие, через которое определяется ценность, является родом бытия. Ценность не возможна без процесса оценивания, предпочтения или подчинения одного другому³⁴.

Современная аксиологическая проблематика получает все большее распространение. Значительное число публикаций отражают огромный интерес исследователей-эмпириков. Современный подход изучения ценности детерминирован концепцией значимости, что, на наш взгляд, вполне оправданно с точки зрения возможности применения современных моделей и технологий анализа социальной реальности.

Ценность как междисциплинарное понятие изучается многими науками. Каждая из них имеет достаточно оснований выступать теоретико-методологическим базисом исследования в рамках аксиологической стратегии. При этом выбор концепции исследователем сопряжен, прежде всего, с его собственной позицией и возможностью решить поставленные цель и задачи. Заканчивая небольшой исторический экскурс в историю понимания ценности, представим авторское видение концепта ценности и ценностного пространства.

На наш взгляд, ценность необходимо рассматривать и как субъективную, и как объективную реальность, следовательно, необходимо определиться с понятиями индивидуальной и общественной ценности.

Под **индивидуальной ценностью** будем понимать внутреннюю, духовную потребность личности, осознаваемую как важную в жизни позицию, состояние, качество или объект и достижение, приобретение или сохранение которого представляется необходимым или желаемым. Индивидуальные ценности реализуются через интересы, установки, цели и поведение, что позволяет социологам конструировать современные измерительные модели.

Значимую позицию, состояние, качество или объект, принимаемые в обществе как «истина», при этом достижение, приобретение или сохранение которой становится индивидуальной стратегией большинства, будем считать **общественной ценностью**.

Обобщая авторские перцепции социального пространства и ценности, изложим наше понимание **ценностного пространства**. Итак, ценностное пространство, как часть социального пространства, отражает многомерную действительную духовную сущность общества в отношении представлений об «истине», имеет свою структуру, выражающуюся в позициях ра-

ционального и эмоционального содержания. В основе эмпирической модели ценностного пространства находится ценностно-ориентационное единство, определяемое через дифференцирующие и интегрирующие параметры.

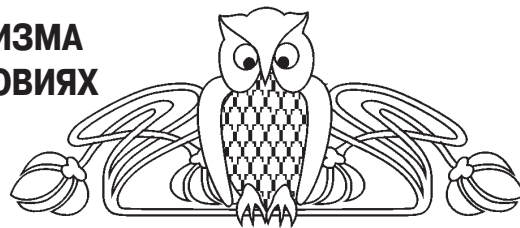
Примечания

- ¹ См., например: *Сурина И. А.* Ценности. Ценностные ориентации. Ценностное пространство : вопросы теории и методологии. М., 1999.
- ² См.: *Рыбалка Е. А.* Концепты пространства в социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 3. С. 39–44 ; *Она же.* Компаративистский анализ концептов пространства в философии // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 29.
- ³ *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 74.
- ⁴ *Петров Ю. П.* Информация и биосфера // Информационные проблемы изучения биосферы. М., 1992. С. 138.
- ⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 339–340.
- ⁶ Особого рода (лат.).
- ⁷ См.: *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 300.
- ⁸ См.: *Соловьев В. С.* Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 224.
- ⁹ См.: Ничто и порядок. Самарские семинары по французской философии / отв. ред. В. А. Конев, В. Л. Лехциер. Самара, 2004.
- ¹⁰ См.: *Бурдьё П.* Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М., 1993.
- ¹¹ *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 300–301.
- ¹² См.: *Платон.* Государство. Книга в 10 томах. URL: <http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt> (дата обращения: 09.10.2014).
- ¹³ См.: *Аристотель.* Метафизика. М., 2006. (Сер. «Антология мысли».)
- ¹⁴ См.: *Гайденко П. П.* Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 528 с. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/gaydenko_nau/07.aspx (дата обращения: 13.10.2014).
- ¹⁵ См: Деонтология, или Наука о морали (Deontology or the Science of Morality, vol. 1–2, 1834) // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. Т. 1, А–Д. М., 2001.
- ¹⁶ См.: *Гайденко П. П.* Указ. соч.
- ¹⁷ См.: *Райнов Т. И.* Гносеология Лютце // Новые идеи в философии. 1913. № 7. С. 80–114.
- ¹⁸ *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. С. 23.
- ¹⁹ *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903. С. 560.
- ²⁰ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 48.
- ²¹ См.: *Вебер М.* Избранное. Образ общества : пер. с нем. М., 1994.
- ²² См.: *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. М., 1990. С. 414.
- ²³ *Simmel G.* Das individuelle Gesetz. Bin Versuch iiber das Prinzip der Ethik // Logos. 1913. № 4 (Рус. изд.: Зиммель Г. Индивидуальный закон // Логос. 1914. Т. I, вып. II. С. 201–249).
- ²⁴ См.: Современная западная социология : словарь. М., 1990. С. 351.
- ²⁵ См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы : пер. с англ. / под ред. Т. Парсонса. М., 1972. С. 378.
- ²⁶ См.: *Конт О.* Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. 2-е изд. М., 2011.
- ²⁷ См.: *Маркс К.* Теория прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. : в 50 т. М., 1962. Т. 26, ч. 3. С. 307.
- ²⁸ См.: Полные тексты работ Г. Спенсера «Основания социологии», «Основные начала», «Основания этики» размещены в ресурсе редких старинных книг на сайте: URL: <http://kolesnikovx.narod.ru/index/0-27> (дата обращения: 09.10.2014).
- ²⁹ *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение : пер. с фр. М., 1995. С. 290.
- ³⁰ См.: Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Часть I. Теория / пер. с итал. В. Яковенко. М., 1920.
- ³¹ *Столочич Л. Н.* Красота. Добро. Истина. М., 1994. С. 10.
- ³² *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Библиотека Гуммер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_index.php (дата обращения: 09.10.2014).
- ³³ *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 71.
- ³⁴ См.: *Турнетко А. С.* Аксиология за пределами метафизики : Ф. Ницше глазами М. Хайдеггера // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. 2013. Т. 26 (65), № 4. С. 71–78.

УДК 316.776.33

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА МЕЖДУ ГОРОДАМИ-ПОБРАТИМАМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Н. Гончарова

Пятигорский государственный лингвистический университет
E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

В статье анализируется современная социокультурная коммуникация между городами-побратимами. Автор акцентирует внимание на значимости культурного туризма, который во все времена играл важную роль и способствовал развитию более крепких побратимских связей между разными государствами. Грамотно организованный культурный тур является важным аспектом поддержания культурной отрасли территории и показателем социокультурной коммуникации между городами-побратимами.

Ключевые слова: города-побратимы, культурный туризм, культурный потенциал, социокультурная коммуникация.

Development Trends of Cultural Tourism between the Twin Cities in the Conditions of Modern Socio-cultural Communication

E. N. Goncharova

In the article author examines modern socio-cultural communication between the twin cities. The author emphasizes the importance of cultural tourism, which has always played an important role and helped to strengthen twinning arrangements between different countries. Properly organized cultural tour is an important aspect of maintaining of the cultural sector territory and is an indicator of socio-cultural communication between the twin cities.

Key words: twin cities, cultural tourism, cultural potential, socio-cultural communication.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-138-141

Многообразие культур в современной действительности является предпосылкой и результатом активного развития культурного туризма, который, в свою очередь, служит средством формирования социокультурных связей между городами и странами. Формированию взаимопонимания народов и укреплению их межнациональных связей может служить практически забытое в настоящее время побратимское движение. Связь между городами-побратимами в рамках культурного туризма способствует развитию толерантности, неприятия национализма и расизма, уважению других культур, помогает человеку самореализоваться в процессе общения в разных группах, создает условия для развития мотивации к познанию мира, других народов.

Общеизвестно, что планирование и организация культурных туров – длительный и до-

статочно трудоемкий процесс, который требует решения целого комплекса организационных моментов. Отправной точкой процесса разработки культурных туров является анализ имеющихся культурных достопримечательностей, который формирует базу для обеспечения соответствия культурных продуктов потребностям и желаниям туристов. В этом состоит принципиальное отличие процесса формирования концепции культурного продукта от традиционного алгоритма, который начинается с изучения и сегментации рынка потребителей и установления специфических требований целевого рыночного сегмента, под которые затем «затачиваются» характеристики продукта.

Особенность объектов для культурных туров состоит в том, что составляющие их базовые характеристики, такие как архитектурный стиль зданий, история развития, национальные и этнические традиции, уже существуют и принципиально не могут быть изменены – речь может идти только о развитии способов и форм их использования для привлечения туристов. Но, как известно, разные категории туристов ищут в своих путешествиях разные выгоды. Поэтому сначала необходимо выявить те выгоды, которые сегодня может предложить дестинация или отдельная культурная достопримечательность. Эта информация позволит определить, какой потенциальный туристский сегмент (или сегменты) будет целевым¹.

В результате анализа культурной достопримечательности (дестинации), рассматриваемой как продукт, может обнаружиться, что его характеристики и предлагаемые выгоды привлекают только небольшую группу туристов. Это дает начало процессу развития продукта, наполнения его дополнительными чертами, привлекательными для более широкого потенциального сегмента. В свою очередь, это решение может вызвать необходимость координации и объединения усилий других «игроков» на туристском рынке².

Особенностью развития культурных туров между городами-побратимами является выраженный интерес туристов к истории и общечеловеческим культурным ценностям породненных городов. Поскольку система современного образования поддерживает традиционную парадигму культуры, то данные туры сохраняют

свои позиции во время путешествий в другие места и страны³.

В рамках культурно-исторических туров современными и распространенными типами достопримечательностей являются центры наследия и тематические парки. Отличительная особенность центров наследия состоит в том, что они строятся не вокруг коллекций, а вокруг историко-культурных тем. Центры наследия более активно используют инновационные технологии формирования впечатлений с помощью развития интерактивности через стимулирование эмоций, чувств, памяти, провоцирующих понимание и осмысление данной культурно-исторической темы обычными людьми. Следует отметить, что центры наследия часто представляют «обычное» прошлое, связанное с местной ушедшей повседневной культурой. Здесь важным ресурсом формирования впечатлений становится узнавание относительно недавнего прошлого, вызывающее сильную эмоциональную реакцию, что, в свою очередь, является необходимым элементом при формировании культурных туров между городами-побратимами.

С конца 90-х гг. XX в. и по настоящее время особо популярным типом достопримечательностей при организации культурно-исторических туров становятся тематические парки⁴. С центрами наследия такие парки связывает тематическое представление культуры и прошлого, а также еще более широкое использование технологий презентации и интерпретации, способных захватывать воображение. Отличие данных парков от центров наследия в том, что они используют неаутентичные, симулятивные ресурсы, и основной их функцией является развлечение и стимулирование удовольствия. Это делает их атрибутом современной популярной культуры.

Культурно-исторические туры между городами-побратимами возможно организовывать в виде реконструкции исторических событий. Инсценировки известных событий могут «ставиться» как в аутентичных, так и неаутентичных декорациях исторического места. К тому же реконструкции исторических событий могут использоваться как вспомогательный инструмент в рамках музейной практики, «оживляющий» картины прошлого, а могут выступать в качестве самостоятельных культурных достопримечательностей. Специфическими чертами их организации являются: неаутентичность используемых средств; создание атмосферы события с помощью визуальных, шумовых, обонятельных эффектов; игровой характер получения информации о событии. Интересно выделить категорию самостоятельных реконструкций исторических событий силами членов исторических клубов разных стран. Для туристов-участников значительный познавательный потенциал реконструкций реализуется в предварительной подготовке «дома»⁵.

Из изложенного выше видно, что одной из заметных тенденций развития культурно-исторических туров становится использование тематической формы их организации, которая приводит к выделению соответствующих видов туров – тематических. Их особенностью является фокусирование восприятия туриста на отличительных характеристиках дестинации в рамках знакомства с одним из аспектов ее истории и культуры. Такого рода туры предоставляют возможности интерпретации достопримечательности в соответствии с интересами посетителей, их культурным багажом. Так, для туристов с общими культурными интересами и совершающими обзорно-ознакомительные поездки, тематическое представление культурной специфики дестинации может стать связующим звеном между культурой туриста и незнакомой ему культурой дестинации, облегчить ему интерпретацию культурных особенностей посещаемых мест, которые в противном случае оставили бы их равнодушными. Отметим, что тематические туры могут создаваться не только на культурно-историческом материале. Многие популярные сегодня направления тематических туров, такие как индустриальный и гастрономический, органично смешивают наследие и современность, демонстрируя живое продолжение традиций. Во многих случаях «тематизация» туристского продукта дестинации базируется на праздновании юбилейных дат, связанных с отдельными местами, людьми или событиями.

На рубеже XX–XXI вв. был впервые отмечен сдвиг туристского интереса от достопримечательностей культурно-исторического наследия в сторону арт-туров⁶. Данные туры связаны с доминирующим интересом к текущим процессам в сфере художественного творчества, результатам и процессам современного искусства. Диапазон достопримечательностей, представляющих интерес для туристов с соответствующей мотивацией посещения, весьма широк и включает в себя посещение художественных галерей и выставок, драматических, оперных и балетных спектаклей, поп-концертов, фольклорных фестивалей и уличных представлений, студий художников и мастерских ремесленников, культурно-креативных кварталов и мест, ассоциирующихся с известными литературными произведениями или кинофильмами. Включение арт-туров в практику побратимских связей позволит арт-туристам принять участие в культурных акциях, знаменующих «событие» в искусстве, будь то определенная выставка современного искусства или премьера оперного спектакля, или концерт в рамках фестиваля, или арт-ярмарка и аукцион. Для таких туристов событийный характер посещения предоставляет возможность острее почувствовать дух творчества, продемонстрировать уровень своей

«культурной квалификации» в качестве знатока и ценителя, разбирающегося в нюансах тех или иных видов искусства, и разделить этот опыт с кругом единомышленников. Такая форма культурных туров позволяет туристам более четко реализовать культурные интересы в художественной сфере и оказаться в кругу таких же заинтересованных потребителей породненных городов.

Кроме того, арт-туры имеют значительные «пересечения» с эко-турами, креативными видами культурных туров и турами впечатлений.

Многие аналитики оценивают современный этап туризма как «эру специальных событий». Растущее значение событийных туров связано с двумя основными аспектами его развития: технологическим и имиджевым. Технологический аспект развития событийного туризма базируется на способности событий организовывать свободное время в наиболее привлекательной для современного туриста форме, «оживлять» стационарные культурные достопримечательности. В технологическом аспекте событийные туры могут рассматриваться как сектора отдельных видов культурных туров, а формирование и использование событий – как инструмент для развития соответствующих туров.

Имиджевый аспект событий состоит в их способности расширения известности дестинации через создание или развитие ее имиджа. Широко распространена оценка событий как новых «строителей имиджа», признающая их доминирование над иными характеристиками городов и регионов. Как технологический, так и имиджевый аспекты событийного туризма эффективно создают возможности сокращать сезонные колебания туристских прибытий и продлевать туристский сезон. С точки зрения туризма важно, что большая часть специальных событий в культурной сфере создает привлекательную для туристов возможность, смешавшись с жителями, получить аутентичный опыт соприкосновения с местной культурной жизнью, с традиционными ценностями и бытовой практикой⁷.

Таким образом, участие в культурных событиях предоставляет возможность формирования непосредственных впечатлений о культурных особенностях дестинации. Этот факт делает события важным средством при формировании туров впечатлений, сближает последний с событийным туризмом.

Туры впечатлений возникли как реакция на рост числа туристов, которым необходимо активное участие в знакомстве с культурными достопримечательностями на основе вовлечения в процесс восприятия и осмысления культурного материала. Им недостаточно «смотреть и слушать», получать готовую информацию «из вторых рук», они стремятся сами формировать

значение посещаемых достопримечательностей, используя для этого весь арсенал человеческих возможностей эмпирического восприятия окружающей среды, получая удовольствие от самого процесса. Собственное участие туриста в знакомстве с дестинацией и стимулирование эмоционально-чувственной сферы человека создают возможность конструирования уникального и запоминающегося «события» в жизни туриста.

Существуют три базовые стратегии формирования впечатлений:

– продуктоцентричная – связана с постановкой «спектакля», оказывающего воздействие на эмоционально-чувственную сферу туристов;

– эгоцентричная – ориентирована на создание фона для бытовой и деловой деятельности туристов, ее реализация сопряжена с соответствующим дизайном мест бытовой и деловой инфраструктуры дестинации, что, в свою очередь, формируют культурные впечатления;

– креативцентричная – направлена на реализацию потребностей туристов в творческом самовыражении и духовном развитии на основе их собственной практической деятельности в этих областях⁸.

Отличительными чертами туризма впечатлений являются: получение более полного и ценного для туриста представления о дестинации за счет различных форм участия в культурной и социальной жизни местного сообщества; исследование аспектов культурной жизни дестинации, выходящих за рамки программ массового туризма; развитие внутреннего духовного мира и получение «духовной подпитки»⁹.

Туры впечатлений, как видно из подходов к их определению и стратегиям реализации, жестко не связаны с разными типами культурных достопримечательностей и могут базироваться на любых из них в разных сочетаниях. Они ориентированы на форму деятельности, фокусируются на интересах и ожиданиях туриста и соответствующих им «удобных» интерпретациях культуры дестинации. Таким образом, туры впечатлений отражают технологический аспект реализации тематических, экокультурных и креативных туров, которые в определенной мере конкретизируют отдельные подходы формирования впечатлений, как они здесь понимаются.

Этнокультурные туры ориентированы на исследование местного колорита, причем на основе вовлечения в подлинную, настоящую жизнь, а не в ее инсценировку. В состав типичных мест посещения во время этнокультурных туров входят те места, где консервируется образ жизни с прошлых времен, а также жилые кварталы, общественные места, популярные для проведения досуга местными жителями. Именно здесь можно

наблюдать современную трансформацию традиций, предоставляющих возможность знакомства с местной музыкой, танцами, кухней, социальными ритуалами, вступать в живое общение с местными жителями, получать языковые, гастрономические навыки. Кроме того, адекватной формой этнокультурных туров может считаться участие в традиционных местных событиях, обучение местному фольклору, ремеслам. Туристам подбираются волонтеры близкого возраста, профессии, интересов, которые принимают их у себя дома, ходят с ними на семейные праздники, в магазины и школы, на рыбалку. Подобные туристские программы развиваются во многих пограничных городах Европы и Америки.

В практике развития культурных туров между городами-побратимами возможно формирование креативных туров, целью которых является реализация творческого самовыражения современного туриста¹⁰. Креативные туры предоставляют возможность развить творческий потенциал и достичь духовного совершенствования посредством активного участия в обучающей деятельности в областях культуры. Важно заметить, что при разработке креативных туров необходимо учитывать местные культурные особенности. Это создает для туристов особые причины выбора ими данного места для реализации своих специальных интересов.

Отличительной чертой креативных туров является собственная созидательная деятельность туриста в двух формах. Первая касается получения навыков и опыта творческой деятельности (рисование, музицирование, литературное творчество, прикладное искусство, фото- и кинотворчество). Вторая связана с поиском духовных ценностей, самопознанием и развитием внутреннего духовного мира человека на основе обучения различным духовным практикам (например медитации).

Итак, основным условием для организации и развития культурных туров между городами-побратимами является наличие свойственного им потенциала. Культурный потенциал – это наличие возможностей для удовлетворения культурно-познавательных и духовно-нравственных потребностей личности. В качестве таких возможностей выступают культурные ресурсы,

которые представляют собой систему материальных и нематериальных ценностей, выраженных в творчестве, языке, обычаях, верованиях народов, проживающих в рамках определенной территории.

Главной ценностью культурных туров является то, что в их программу могут быть включены мероприятия не только познавательного, но и событийного характера, которые позволяют туристам ощутить причастность к культуре другого народа и удовлетворить целый ряд их духовных потребностей. Грамотно организованный культурный тур является важным аспектом поддержания культурной отрасли территории и показателем социокультурного развития между городами-побратимами.

Примечания

- 1 См.: Сущинская М. Д. Культурный туризм. СПб. : СПбГУЭФ, 2010. С. 18–19.
- 2 См.: Сущенко Е. Н. Туризм как сфера реализации досуговых ценностей в современном российском обществе (на примере Кавказских Минеральных Вод) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2006.
- 3 См.: Сущинская М. Д. Указ. соч. С. 21–24.
- 4 См.: Прентис Р. Культурный туризм как конструирование, аутентичность и впечатления // Культурный туризм : конвергенция культуры и туризма на пороге XXI века : учеб. пособие / под ред. Я. Брауна, В. Андерсен, В. Гордина. СПб. : СПбГУЭФ, 2001. С. 98–101.
- 5 См.: Пятака В. Породнение городов : истоки и основные особенности // Вестн. мэрии. 2004. № 8. С. 27–29.
- 6 См.: Сущинская М. Д. Указ. соч. С. 44–46.
- 7 Там же. С. 21–22.
- 8 См.: Гордин В. Э., Сущинская М. Д., Яцкевич И. А. Теоретические и практические подходы к развитию культурного туризма // Культурный туризм : конвергенция культуры и туризма на пороге XXI века. С. 114–115.
- 9 См.: Promoting Cultural Tourism Through ICT – Part 1 : Historic Towns and Cultural Tourism in the Experience Economy – Concepts and Requirements // Salzburg Research / eCulture Group, 2010. P. 65. URL: http://www.salzburgresearch.at/research/gfx/histurban-study_part-1_.pdf (дата обращения: 11.11.2014).
- 10 См.: Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф. Возрождение городов через культуру. СПб. : Нотабене, 2005. С. 14.

УДК 316.46

ЛИДЕРСТВО КАК СТРЕМЛЕНИЕ, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИДЕРСТВА

Е. Г. Ксенофонтова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: eksen@mail.ru

Рассматривая исторические тенденции понимания феномена лидерства, особенно значимые для XXI в., автор показывает, что сущность феномена лидерства авторами совершенно различных концепций фактически связывается со способностью лидера увлечь последователей движением к достижению более «высоких» целей.

Ключевые слова: современные концепции лидерства, исторические тенденции понимания феномена лидерства, эффективность управления организацией, управленческие компетенции, уровни развития группы и лидера, стили руководства и лидерства.

Leadership as an Aspiration: Historical Trends in Understanding of Leadership

E. G. Ksenofontova

Considering the historical trend of understanding of leadership, especially important for the twenty-first century, the author shows that the essence of leadership phenomenon the creators of completely different theories explain by the leader's ability to captivate followers to the movement towards a more «high» purposes.

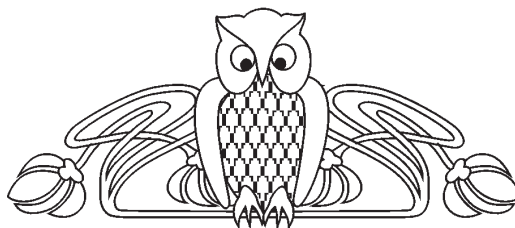
Key words: modern concepts of leadership, historical trends of understanding leadership phenomenon, effectiveness of management, managerial competence, levels of development of the group and leader, leadership and management styles.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-142-147

В настоящее время лидерство часто воспринимается как *ведение людей вверх*, к более трудным и заманчивым высотам. Фактически современное понимание лидерства все больше связывается с движением, причем с движением если не к заоблачной высоте, то в любом случае к чему-то более лучшему, более мощному, чем могло бы быть у конкретной группы людей... если бы не их лидер.

Само слово «лидерство» происходит от английского глагола *to lead* – *вести за собой, опережать*. Однако изначально этот глагол применялся к обозначению свинцового грузила¹ в рыбной ловле, обеспечивающего движение вниз, а не вверх! Тем не менее, и здесь речь идет о движении, которое возглавляется лидером. А за лидером уже устремляются остальные.

Другой образ движения связан с развитием по спирали. Развивается потенциальный лидер, развивается окружающая среда, и на каждом

новом витке спирали лидерство связано уже с иными ценностями, ожиданиями последователей и т. д. Но спиральное развитие – это тоже движение вверх, подчеркивающее только то, что отрыва от прошлого полностью не происходит и динамика ценностей, идей, форм взаимодействия и т. д. проявляется в некоем возврате к старому, но уже на ином, более высоком витке понимания.

Итак, лидер стремится вперед, вверх, достигает успехов и так ярко и красиво это делает, что остальные *увлекаются* его идеями и *вовлекаются* в это движение, объясняя это влиянием чего-то загадочного, особой «харизмы», как называл это, цитируя греков, Макс Вебер. А некоторые еще и увлекаются его личностью, говоря о сформированном авторитете лидера или о том, что он «заряжает их энергией действия». Первые при этом могут трезво оценивать степень своей зависимости от такого центра притяжения, вторые иногда могут, а иногда уже и нет. «Ведомые» – переводят с английского роль тех, кто идет за лидером. «Нет – лучше говорить последователи», – уточняют специалисты по организационному поведению.

Политологи тоже активно исследуют действия и влияние лидера. Хорошо *чувствуя, что для какой-то группы людей важно, лидер зажигает стремлением к лучшему* большие массы людей, многие из которых его даже никогда и не видели, не говоря уже о том, чтобы он каждого из них знал лично. Но в любом случае, он *придает им импульс движения*: или «заражая» своей страстью, или «толкая», умело и бесстрастно манипулируя чужими страстями, не уважая, но чувствуя себя выше этих людей. Таким образом, любой лидер является, говоря современным языком, «мотиватором» или мотивирующим, т. е. *мастером управления мотивацией*, хотя иногда даже «не ведает, что творит».

Могут ли быть лидеры «страшно далеки от народа»? Бывает. Особенно в политической сфере, хотя и в небольших организациях это может встречаться. Они видят несколько своих «вовлеченных» последователей, продолжают действовать в том же духе и не очень «отслеживают», что там происходит за границами ближайшего круга, да и не изменилось ли что в этом круге внутри. А иногда и не хотят видеть, будучи убежденными (что иногда подогревается представителями ближайшего окружения), что там все настолько же (как было раньше) увлечены и вовлечены.

В сфере политики, так же как и в сфере легализованного управления большими группами, в том числе и в работе руководителей организаций, *лидерством могут называть любые формы власти* – не только харизматической (личностной), но и традиционной (ролевой), и легальной (официальной). Однако интересно, что если последователь чувствует некую *власть лидера* над собой (будь то власть авторитета, или кнута, или совета старейшин), то одновременно с этим он чувствует осознаваемый или чаще не осознаваемый *страх*, позиционируя его, *лидера, над собой*, а себя где-то внизу. Поэтому даже если под руководством такого лидера люди и достигают трудных высот, то себя они продолжают считать недостаточно дееспособными: «С ним – да, а куда мы без него, пропадем...».

Бывает и иначе. Лидер может стремиться и *вести вверх, находясь не выше* своих последователей. Они ощущают себя *равным* ему, но он уже сделал несколько успешных шагов по преодолению того, что им пока казалось почти непреодолимым, и они начинают *верить*, что в таком случае и им это будет под силу. В таком случае после трудного пути они радуются: «Мы сделали это!», не помня даже иногда влияния лидера на старте большого пути. И лидеры, не стремящиеся к власти и статусным выгодам, тоже поддерживают такие выводы: «Да, сделали! И сделали сами! И теперь можно сделать еще больше...». Люди начинают *верить в себя* и помогают поверить в себя следующим, пока не почувствовавшим азарта «дерзать».

А что же с руководителями подразделений организаций – так называемыми «формальными лидерами»? Не многие из них являются одновременно и неформальными лидерами. «Харизмы не хватает», горюют они. Но, как правило, работают над собой и развивают разнообразные управленческие компетенции², важнейшими составляющими которых являются, во-первых, «умение показать подчиненным значимость задачи и *заинтересовать* процессом ее выполнения», а во-вторых, «умение и понимание важности разнообразными организационно-координационными способами еще и приводить их к успеху». А не только, как некоторые думают: а) поставить задачу, б) воодушевить – стимулировать – подтолкнуть и в) проконтролировать – оценить – поощрить/наказать для облегчения своей работы на будущее.

Можно называть руководителей лидерами, можно доказывать обратное, но *результатом*, по большому счету, интересующим всех, является то, насколько производительно и качественно, а стало быть, и стабильно 1) *будет работать «его» группа* и 2) *будут достигаться стоящие перед ней цели*. Причем не только сегодня, но и завтра. Не только в присутствии, но и при длительном отсутствии данного человека. За что в таком случае должен испытывать ответствен-

ность лидер – за «количество выловленной рыбы в отчетный период» или за «умение его команды применять опыт максимизации эффективности при любых обстоятельствах»?

Итак, в первом случае ответственность за результаты работы группы несет руководитель, а во втором ответственность берет на себя группа. *Распределенное* или *разделенное* между участниками *лидерство*, говорят. А можно ли нести ответственность за результат, не имея возможности серьезно влиять на процессы его достижения? Нет. Стало быть, лидер не просто *развивает* свою группу, которая начинает все более походить на команду, но он еще и *делится* с ней своими *полномочиями*. Передавая ответственность вниз и снимая ее с себя? Нет. Но теперь он уже отвечает за стабильное качество и эффективность работы группы на долгий период вперед, включая и конкретные стоящие перед ней задачи на текущий момент. Сможет ли и захочет ли группа *брать на себя ответственность* за задачу, если она недостаточно вдохновлена этой задачей и желает, скорее, избавиться от нее, нежели сделать ее с удовольствием и красиво? Очевидно, что не захочет. Вдохновляет ли персонал бизнес-организации необходимость обеспечения отдачи на вложенный инвесторами капитал? Нет, людям нужны более высокие задачи! И современные лидеры чувствуют это, *устраивая решения на развитие – в процессе совместного решения все более трудных, но интересных задач*. А что делают руководители, не чувствующие себя лидерами и не считающие важными все эти нюансы? Они стимулируют. Контролируют. Поощряют. Иногда достигают больших результатов. Но со временем им приходится удерживать персонал все более весомыми «компенсационными пакетами». И всегда они пребывают в большом огорчении, что «делегировать некому» и все приходится решать им самим. А тем, кто «вырывается» из привычного хода событий, в задаваемой таким стилем руководства (не лидерства) компании не говорят: «Здорово! В тебе проявляются зачатки лидерства!». Нет, здесь чаще всего говорят: «Чего тебе не сидится на месте?! Тебе что, больше всех надо?»...

Итак, лидерство – это сильная мотивированность. Это состояние увлеченности. Это «состояние постоянного стремления», состояние азарта, если для этого вообще подходит слово «состояние». А вот слово «джаз» подходит. Поскольку в нем есть импровизация, радость... и радость в том числе от постоянно сменяющихся друг друга лидеров. В 2001 г. в Москве по приглашению молодой компании, известной сейчас как «Топ-Менеджмент Консалт», состоялась открытая лекция норвежского специалиста по лидерству и менеджменту Харальда Кнудсена. Ну и что? Много ли таких лекций было и будет? Продолжаем: в «лекции» принимал участие джаз-банд Владимира Лебедева. А сам лектор не

только говорил, но и играл на трубе. Вот тогда можно было за очень короткое время увидеть, услышать, прочувствовать, что *лидерство – это создание состояния увлеченности у группы* (даже впервые увиденной) и у окружающих эту группу людей³.

Итак, лидер способствует появлению у людей *желания сделать что-то большее, чем привычно*, причем содержание самого намерения иногда может даже не исходить от лидера. От него исходит именно «драйв» или стремление делать!

Обсудим в этой связи *краткую историю понимания феномена лидерства взглядом из настоящего в прошлое, иллюстрируя ее отдельными примерами* и не ставя перед собой задачи изложить все хронологически настолько точно⁴, чтобы можно было сказать: «Нет, это не N взял идею у F, а наоборот, поскольку учился у него, слушал его лекции и формировал собственное видение. Однако он “вырвался в лидеры”, просто раньше опубликовав работу на соответствующую тему. Даже более того, мы точно знаем, что лидерство в этой идее относительно природы лидерства принадлежит лидеру учебно-исследовательского центра, в котором они, собственно, и встретились...».

2000–2020 годы. Рассмотрим развитие уже обозначившихся тенденций, допуская вероятность появления новых интересных идей относительно сути лидерства до окончания данного периода. Основной тенденцией, на наш взгляд, в этот период является понимание того, что «лидерство конкретного лидера развивается», причем высший уровень лидерства – это создание условий развития лидерских свойств и лидерского поведения у других членов небольшой группы, большой организации, общественного движения, нации...

Лидеры больших бизнес-организаций являются предпринимателями с особо тонким «чутьем» и умением вывести свои организации в *лидеры рынка*. Устойчивость лидерского положения этих организаций была бы невозможна без «лидерских амбиций» и «лидерского поведения» «команды лидеров организации». В настоящее время некоторыми ставится под сомнение однородность образа лидера крупной организации и лидера маленького начинающего стартапа: с одной стороны – «формулы великого лидерства» известных «бизнес-героев», представляющих и развивающих компании, «построенные навечно»⁵, а с другой – «стиля лидерства в молодой ищущей себя группе». Однако многим эти различия кажутся несущественными на фоне главного – умения лидера «построить вдохновляющее видение будущего» и передать всему своему окружению это же видение и эту же вдохновенность.

Более того, в XXI в. практики обсуждают идею *аутентичного лидерства*, отличающего-

ся вниманием и уважением лидера ко всем, кто его окружает (выстраивая взаимовыгодное сотрудничество и руководствуясь принципом win-win: выиграть должен каждый), ориентацией на *обеспечение устойчивости развития* группы, организации и общества в целом и большей заинтересованностью в удовлетворении от смысла работы и гармонии работы и личной жизни (как у себя, так и у своих подчиненных). Если экономическая ситуация или другие окружающие такого человека лидеры не позволяют ему реализовывать ценности аутентичного лидерства, он может уволиться, перестав быть руководителем и выбрав стратегию «дауншифтинга» (полного отказа от карьеры), хотя и в этом случае за ним иногда устремляются другие. Но он может и пытаться построить другую организационную культуру в другой организации, привлекая туда своих единомышленников, разделяющих его взгляды на лидерство и на то, к чему стоит в жизни стремиться. В любом случае мы видим здесь те же *ценности – развития, уважения к людям и важности обеспечения их интереса* и понимания ими *смысла* той деятельности, которой приходится заниматься.

Противоположным подходом может восприниматься и может стать подход *нейроменеджмента*. Опубликованная в 2009 г. книга Ч. Джекобса со вторым названием «Почему методы кнута и пряника больше не работают?» стала бестселлером в США. И интерес в данном случае вызван не только доступными объяснениями человеческой нейрофизиологии, но и потребностями части лидеров и менеджеров совершенствоваться в индивидуальном подходе к своим подчиненным с целью более тонкого управления ими. Аналогичные намерения связываются начинающими манипуляторами и с уже далеко не новой технологией нейро-лингвистического программирования (НЛП). Несмотря на то, что сама технология является квинтэссенцией работы выдающихся психотерапевтов так называемого гуманистического направления (В. Сатир, М. Эриксона и К. Роджерса), имеющего целью, прежде всего, развить и усилить самодостаточность и саморегуляцию своих клиентов (не пациентов!), менеджеры-манипуляторы, пользуясь четкими алгоритмами технологии, пытаются стать мощными лидерами. Но почему-то не получается. Не хватает общения «на равных», поскольку они думают, что лидировать – это воздействовать «сверху вниз».

Интересно, что те, кто предпочитает писать о лидерстве, уделяют особое внимание *сензитивной* (связанной с высокой чувствительностью к нюансам) и *эмоциональной составляющей* «управленческой компетентности». Те же, кто предпочитает писать о руководстве, осуществляемом лидерами или менеджерами, уделяют больше внимания технологиям *отстраненного, «рационального» управления*. Тем не менее, ми-

ровая тенденция, сформировавшая даже термин «лидермент», демонстрирует внимание именно эмоциональным и «человеческим», а не статусно-ролевым отношениям, создающим важнейшее условие эффективности лидерства – *доверие*.

Еще одна начавшая свое активное продвижение в последнее десятилетие идея так называемого *интегрального лидерства* основывается на концепции спиральной динамики К. Кована и Д. Бека, а также работе К. Кована и Н. Тодорович (2005), берущих начало от концепции развития К. Грейвза (представленной в его книгах и лекциях 1959–1970-х гг.). Помимо важнейшего утверждения о том, что *на каждой ступени развития организации и лидера требуется свой особенный стиль лидерства*, этот подход также ориентирован на *интеграцию ценностей и интересов всех контрагентов* организации во имя достижения, хотелось бы надеяться, взаимовыгодных стратегий развития. Сторонники этого подхода активно разрабатывают и продвигают различные аббревиатуры как часть своего метода, ориентируясь, возможно небезосновательно, на то, что со временем всем захочется не отставать от пионеров/лидеров, уже освоивших и начавших применять «метод ХХХ» или «стратегию УУУ».

Одной из достаточно часто цитируемых идей в наше время является идея о *пяти уровнях лидерства*, которым посвятил целую книгу Д. Максвелл в 2011 г., написавший до этого несколько «лучших бизнес-книг года», в том числе и книгу «Выигрывать вместе с людьми» (2005). А Дж. Коллинз еще в 2001 г. обращал внимание на *особенности лидеров высшего уровня*: сочетание *сильной профессиональной воли и личностной скромности, почти незаметности*. Такая трактовка лидера высшего (пятого) уровня многое объясняет в *обеспечении успешного решения группой стоящих перед нею задач и в развитии членов группы*, находящихся в равных и доверительных отношениях с лидером, имеющих следствием, а потом и причиной новых успехов *удовлетворенность всех членов группы*.

Однако не каждый «практикующий лидер», считающий себя *прагматичным лидером*, почувствовал и принял для себя эту идею как идеал лидерства. Под лозунгом обеспечения прагматичности предлагается обучение, не ограничивающееся освоением какой-либо одной концепции и технологий лидерства, а пытающееся освоить все то полезное, что есть в разных концепциях.

Ведущие бизнес-школы мира, поддавшись когда-то модному «тренду», ведут МВА-программы с названием «Лидерство». Но одни уже не могут более заставлять студентов качественно и «полно» разобраться в концепциях лидерства, другие стараются вычленивать из этих концепций и передать обучающимся «способы развития лидеров», третьи вообще не теоретизируют, а организуют такую практическую ак-

тивность обучающихся, что не стать лидером по окончании этих программ кажется практически невозможным. Тем не менее, сами руководители таких программ констатируют критическую стадию в этой сфере образования⁶.

Итак, в рассмотренный нами период появились и еще будут появляться очень влиятельные идеи относительно сущности лидерства. Многие из них здесь не упомянуты⁷, однако для понимания тенденций этого будет достаточно и имеет смысл рассмотреть предыдущий, *не менее влияющий на нас до сих пор* период с громадным количеством интересных идей.

1980–1999 годы. Написанная в 1995 г. и переведенная на русский язык в 2005 г. книга Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект»⁸ перевернула представления многих о том, какие качества руководителя определяют эффективность его лидерства. Оказывается, дело не в классическом «коэффициенте интеллекта», измеряемом в процессе решения разнообразных тестовых задач, а в *способности «чувствовать» людей*, понимать важность их эмоционального состояния и влиять на их интересы, мотивацию и эмоции. Но за что самого Д. Гоулмана критикуют сторонники этой идеи? За осуществленное им упрощение при популяризации тех идей, которые разрабатывались до него многими авторами⁹.

Аналогична и судьба другой «старой» публикации¹⁰ – в 1990 г. Дж. Вумек с коллегами представил результаты исследования особенностей японской производственной системы, хорошо изучив, в частности, систему работы компании Toyota. Так же, как для облегчения произношения носителями других языков была заменена буква (d-t) в названии компании и марки производимых ею машин, название описанного западными исследователями подхода в менеджменте было переведено на русский язык наиболее «легким для понимания», но несколько упрощающим суть концепции словосочетанием – «бережливое производство». Этот подход помогает стать компании лидером на рынке, однако существенной особенностью культуры такой компании является «культура постоянного совершенствования» или «кай-дзен», *вовлекающая всех* сотрудников компании в постоянный поиск способов минимизации «всех видов потерь». Коллективное развитие и эффективность достигаются не столько за счет единичных сильных лидеров, сколько благодаря всеобщему и постоянному *стремлению к совершенствованию и совершенству*. А как же стремление «угодить» вышестоящему? *Вышестоящий желает*, чтобы *желание подчиненного «угодить» клиенту* (и «внешнему», и «внутреннему» – в лице представителя следующего по бизнес-процессу подразделения) *было сильнее, чем желание угодить ему*, т. е. руководителю!

На опыт японцев опирается также и подход MBWA – *Management by Walking around* или

by Wandering around, вошедший в «современный менеджмент» с легкой руки Т. Питерса и Р. Уотермана, использовавших этот термин в своей работе 1982 г.¹¹, когда США и Великобритания переживали шок от победы на собственных рынках некогда побежденных ими японцев. Исследуя «лидерские» – наиболее эффективные на тот момент американские компании, они искали ответ на вопрос: как работают «лидеры» – руководители этих компаний и чему должны научиться руководители остальных, чтобы сделать свои компании более сильными в непростой на тот момент экономической ситуации. Среди прочего они обнаружили, что успешные компании *поддерживают лидеров и новаторов из числа своих сотрудников*. Так же как и отметили особенный стиль руководства-лидерства, напоминающий некоторыми признаками не столько «классический менеджмент», сколько «японский стиль». С этим стилем связан и термин MBWA.

Перевод главного слова в определении MBWA – ходить или бродить. Руководитель, не договариваясь о датах контроля и, более того, даже не планируя их для себя, «непреднамеренно, стихийно» посещает рабочие места своих подчиненных, устанавливая с ними *неофициальные мягкие контакты*, интересуясь, тем не менее, *как идут дела в направлении продвижения к цели*. Одни выделяют в этом стиле главное желание *осуществлять контроль как бы непреднамеренно*, чтобы подчиненные не успели к нему подготовиться «в лучшем виде». Другие, наоборот, говорят о зачатках технологии *контроллинга*, обеспечивающей эффективность руководства-лидерства *самоконтролем* (осуществляющимся самими работниками) *соответствия текущих результатов четко разработанному плану*. Третьи используют для объяснения еще одно японское слово – «гемба». Оно означает то место, где, собственно, и происходит основной процесс производства продукта компании. Почему важно руководителю посещать гембу? Чтобы не оторваться в высоких кабинетах от реальности. Зачем посещать? Многие «наши» думают, чтобы «воздействовать напрямую», минуя слои и этажи *искажающих информацию* (идущую и сверху вниз, и снизу вверх) *промежуточных лидеров*. А японцы говорят: «Не-е-е-т! Чтобы быть понимающим и адекватным лидером, он должен тихохонько стоять в этой гембе, никому не мешать и пытаться понять и пропитаться процессами, обстоятельствами и проблемами, которые там происходят и решаются». То есть *лидеру нужно больше слышать и видеть*, чтобы *адекватно думать* о реальности.

1960–1979 годы. Основные элементы модели лидерства к этому времени уже выявлены, и исследователи как за рубежом, так и в СССР, обсуждают их взаимосвязь. Так, Б. Д. Парыгин, считающийся некоторыми не только создателем советской теории социальной психологии,

но объединителем идей иногда автономно работавших московской и ленинградской психологической школ, в этот период (публикации 1965, 1971, 1973 и последующих лет) показывал *разные формы лидерства, сходного и отличного от руководства*. Говоря современным стилем, он отвечал на вопросы: Что? Как? Когда? *Что делает лидер?* Один преимущественно вдохновляет, другой – организывает исполнение, третий делает и то, и другое. *Как?* Авторитарным, демократическим или опять же объединяющим оба стиля способом. *Когда?* Один ситуативно – иногда, другой (универсальный лидер) – всегда, в любой ситуации. А коллега Парыгина по Ленинградскому университету Ю. Н. Емельянов в работе 1971 г., посвященной проблемам руководства коллективом, характеризует множество различных лидерских ролей, *являющихся*, с одной стороны, *производными от преобладающих*, т. е. наиболее развитых качеств – *умений руководителя* (один больше эксперт, другой администратор и т. д.), с другой стороны, *зависимых* в своих проявлениях *от особенностей ситуации и особенностей подчиненных*¹².

Впрочем, «лидерство в исследовании стилей лидерства» и качеств руководителей передавалось в нашей стране не только от Москвы к Ленинграду и наоборот. Оно иногда уходило и в Курск, Кострому и другие учебно-научные центры. Так, в 1967 г. Л. И. Уманским была опубликована книга «Организаторские способности и их развитие», давшая концептуальную основу не только дальнейшим многочисленным исследованиям *стадий развития коллектива* в связи с действиями и развитием организаторских способностей формального и неформального лидера, но и практической работе с молодежными и взрослыми, в том числе производственными группами.

Можно сказать, что и *качества* потенциального лидера с единообразным или меняющимся *стилем лидерства, и особенности* членов *группы, и ситуация*, характеризующаяся *задачами* группы и историей *взаимодействия* членов группы с лидером и между собой (психологический статус, властные полномочия, удовлетворенность членов группы и т. д.) рассматриваются в этот период уже как *элементы единой системы*. Хотя и тогда, и сейчас, и, скорее всего, далее будут находиться желающие доказать, что единственным, основным первоисточником или *первопричиной* успешности лидерства является... та переменная, которой исследователь или популяризатор чьих-то идей будет невероятно увлечен¹³.

А что происходило в это же время на Западе? В 1967 и 1971 гг. вышли работы Ф. Фидлера, произведя эффект «луча света в темном царстве». Благодаря чему? Благодаря именно системному взгляду и отказу от поиска «единственно верной и все объясняющей переменной». Однако в XXI в., когда идея «сопряженности переменных» воспринимается как идея первоначального разде-

ления, а потом уже их соотношения между собой, критики формулируют практическую *невозможность* даже первичного *вычленения* и оценки рассматриваемых Фидлером а) особенностей лидера и б) особенностей ситуации в не новом для лидера окружении – как *исходно независимых друг от друга переменных*. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что исследователь искал *критерии оценки эффективности работы лидера*, полностью берущего ответственность за результаты работы группы на себя.

В 1966 г. Д. Макгрегор и Массачусетский технологический институт опубликовали работу «Лидерство и мотивация», доказывая и теоретически, и практически, что *уважение к подчиненным и развитие самоуправляемых команд* способны стимулировать развитие потенциала подчиненных и давать очевидный скачок производительности. А П. Друкер в это же время и ранее говорил о феноменах отчуждения, непреодолимых без *эффективной персональной работы руководителя*, главной задачей которого является не освоение демократического стиля, а четкое ведение и *приведение (!) организации к намеченным целям*. Фактически он создал основы современной системы управления результативностью с помощью так называемых KPIs¹⁴, опять же связывая воедино ситуационные требования, возможности группы и способность руководителя-лидера решать главные на данный момент задачи.

Но почему тогда «лидер работ по исследованию лидерских компаний» – Т. Питерс – признался через несколько десятилетий, что одним из его главных стремлений было доказать, что П. Друкер не совсем прав?! Питерсу не хватало в концепции Друкера признания именно «драйва» и важности личностной энергетики лидера. И один, и другой названы мощнейшими *лидерами* или «гуру» *менеджмента*. Всех времен и народов? Представителей многих народов, но несколько разных ситуаций, этапов развития и *времен...*

Примечания

- 1 Родственным словом к глаголу «to lead», предположительно произошедшему от кельтско-ирландского слова «свинец», является слово «load», обозначающее в современном английском языке «груз».
- 2 Ксенофонтова Е., Пехова Н. Социология компетентности и модель компетенций как области научного и практического интереса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 194–206.
- 3 Спасибо всем, кто откликнулся тогда на наше предложение и в разных ролях участвовал в этом необычном мероприятии! (См.: Ксенофонтова Е. Лидерство и джаз. URL: www.tmcconsult.ru / Компания / Статьи. – 2001).
- 4 Для общей пользы пытаться создать подробную хронологию также весьма интересно. Поэтому те, кто обладает и интересом, и хорошим знанием привязан-

ных к конкретному времени первоисточников, могут присылать свои «хроники» и другие материалы по адресу leadershipseems@yandex.ru, не опасаясь потери авторских прав.

- 5 Речь идет о крупнейших компаниях мира, описанных в исследовании Дж. Коллинза и Дж. Порраса в книге «Построенные навечно. Успех компаний, обладающих видением». 2-е изд. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2014. (Первое издание на английском языке – 1994 г.).
- 6 См.: Snook S., Khurana R., Nohria N. Teaching Leadership: What We Know // Harvard Business School, 2012.
- 7 Рассмотрению теорий лидерства посвящены также другие публикации автора 2015 г. См., например: Ксенофонтова Е. Г. Лидерство в организации // Организационное поведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. С. А. Баркова. М.: Юрайт, 2015. С. 114–137. (Сер. Бакалавр. Академический курс.)
- 8 См.: Goleman D. Emotional Intelligence. N. Y.: Bantam Books, 1995.
- 9 См.: Белова О. Зачем компании эмоциональная компетентность менеджера? // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2010. № 4. С. 64–68.
- 10 См.: Womack J. P., Jones D. T., Roos D. The Machine that changed the World. The story of lean production. Rawson Associates. Collier Macmillan. Canada, N.Y., 1990.
- 11 См.: Peters T. J., Waterman R. H. In Search of Excellence: Lessons from America's Best Run Companies. N. Y.: Harper & Row, 1982.
- 12 Интересно, что ленинградские психологи, а также ярославские и мурманские лидировали в то время в исследованиях руководства производственными коллективами. Появившийся в Москве в 1971 г. Институт психологии АН СССР был создан выходцем из Ленинграда Б. Ф. Ломовым и объединил в себе представителей разных научных школ разных городов и республик СССР. Лаборатория социальной психологии этого института начала исследования психологии управления и эффективности разных стилей руководства производственными коллективами (А. Л. Журавлев и др.).
- 13 Доказывая, что сущность феномена (но не первопричина) лидерства заключается в сочетании личного стремления лидера и способности его увлечь движением к цели других людей, мы соединяем все компоненты модели лидерства воедино: цель и ее значимость для социума, готовность группы достигать значимую для нее цель в конкретной ситуации, свойства лидера не только успешно достигать цели, но и делать это настолько увлеченно, что это становится уже заразительно для других. Если чего-либо из этих элементов в конкретной ситуации будет не хватать – потенциальный лидер (умения и индивидуальная увлеченность) не станет реальным лидером в конкретной группе или ситуации.
- 14 Key Performance Indicators, или Ключевые показатели результативности (КПР или КПЭ). Впоследствии эта концепция была развита А. Шнайдерманом (1987), Р. Капланом, Д. Нортон и другими (1990 и далее) до концепции BSC. Первичный ее вариант, связываемый с именем П. Друкера, называют у нас УПЦ (Управление по целям) или MBO (Management by Objectives).

УДК 316.346.32-053.9:338.436.32

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Е. В. Бочарова

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: kirill1979may@mail.ru

Статья посвящена изучению актуальных проблем, с которыми сталкиваются представители старшего возраста в агропродовольственном комплексе современной России, а также оценке их социального потенциала. Предложены мероприятия по дальнейшему совершенствованию политики в отношении возрастных групп специалистов сельскохозяйственных предприятий.

Ключевые слова: социальный потенциал, сельское хозяйство, работники старшего возраста, государственная политика.

Social Potential of Agricultural Workers of Older Age Groups

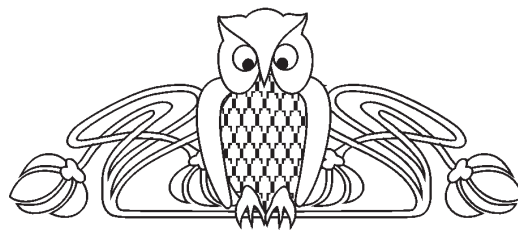
E. V. Bocharova

The article addresses the current problems faced by older people in the agro-food complex of contemporary Russia and evaluates their social potential. The article also contains recommendations on further improvement of the policies concerning age groups of specialists of agricultural enterprises.

Key words: social potential, agriculture, older age workers, public policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-148-153

Современная демографическая ситуация характеризуется постоянно растущим количеством лиц старшего возраста, для большинства из которых весьма значима реализация потребностей

и прав на продолжение трудовой деятельности. Долгосрочный показатель для современного рынка труда – изменение возрастной структуры. По прогнозу Организации Объединенных Наций, к 2050 г. численность населения старше 60 лет в мире превысит 2 млрд чел. Что касается показателей относительной численности населения старшего возраста, то в мире их доля к 2050 г. возрастет до 21%¹. Мир в целом и наша страна в частности вступили в фазу ускорения старения. В Российской Федерации достигшие пенсионного возраста и старше составляют 27,5 млн чел. По данному показателю наша страна находится на третьем месте после США (57,1 млн чел.) и Японии (40,2 млн чел.)². К 2030 г. около одной трети населения нашей страны будет в возрасте старше трудоспособного (рис. 1). Возраст экономически активных граждан также будет увеличиваться. По прогнозу Росстата, к 2030 г. значительно уменьшится доля молодых специалистов в возрасте до 35 лет и вырастет количество работников от 50 лет и старше³.

Процесс старения населения мира в целом и России в частности делает проблему изучения социального потенциала лиц старшего возраста особенно актуальной. Демографические изменения подобного рода преобразуют политическое, экономическое, социальное устройство страны, а также оказывают существенное влияние на все аспекты жизнедеятельности человека.

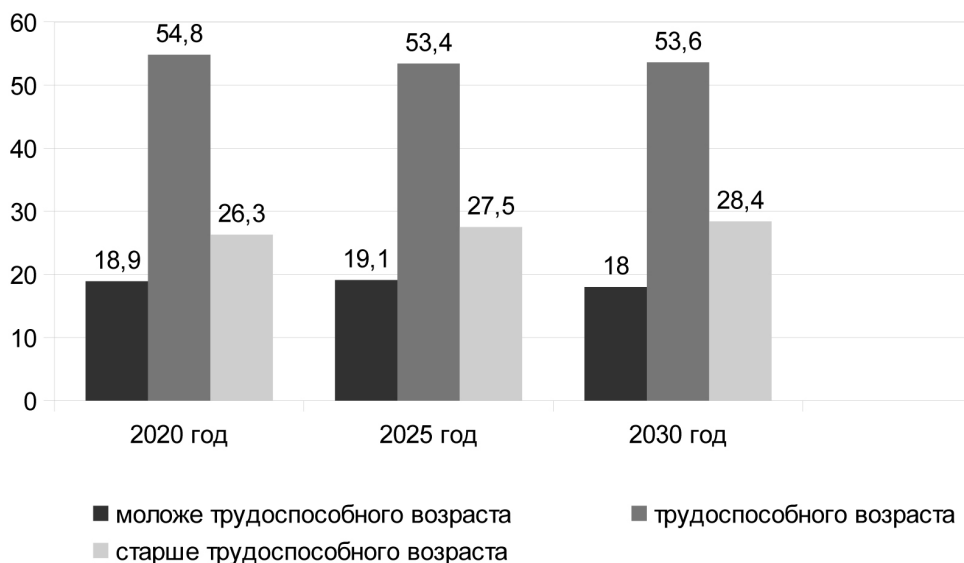

Рис. 1. Демографический прогноз возрастной структуры населения России, %

Какова динамика этого процесса в сельском хозяйстве, с какими трудностями сталкиваются представители старшего возраста на рынке труда, каков их вклад в производственную сферу? Ситуация, которая сложилась в агропродовольственном комплексе России, привела к неспособности организаций выбирать самостоятельно направление развития, гибко реагировать на текущие изменения внешних и внутренних факторов. В связи с этим важное значение имеют анализ и оценка нынешнего положения дел с целью разработки мер по сохранению социального потенциала работников старшего возраста в сельском хозяйстве.

Представители старшего возраста – неоднородная по своим психофизиологическим, социально-экономическим показателям группа населения. Противоречивость и неоднозначность в оценке ресурсов данной категории работающих объясняется отсутствием управленческих практик по раскрытию и реализации их социального потенциала.

Важно выявить, какой смысл вкладывается в понятие «социальный потенциал». В общекультурном смысле потенциал понимается как запасные средства, источники. Таким образом, потенциал означает способность к достижению определенной цели при определенных условиях. Применительно к нашему объекту исследования социальный потенциал работников старшего возраста определяется как совокупность качеств, возможностей и способностей представителей старшего возраста как особой социально-демографической группы, образующихся под влиянием внешних факторов и внутренних ресурсов, способных оказывать влияние как на реализацию внутренних резервов работающего, так и на развитие организации в целом⁴.

К сожалению, в массовом сознании доминирует определенный образ возрастного сотрудника. По мнению большинства, такие работники руководствуются сложившимися стереотипами, не желают обучаться, не стремятся к овладению новыми технологиями. Возрастными специалистами тяжело управлять, так как они уже сформировавшиеся сотрудники с весомым багажом знаний и опыта.

Тем не менее, в нынешней ситуации нестабильности социальный потенциал работников старшего возраста становится одним из важнейших ресурсов в развитии государства и общества. Работники старших возрастных категорий представляют мощный ресурс, так как они обладают существенным потенциалом. По мнению многих бизнесменов и работодателей, возрастные специалисты имеют весомый набор возможностей и способностей, а именно: жизненные, профессиональные, социальные ценности; высокий уровень квалификации, знания, навыки и умения; личностные качества, мотивацию, потребности. Поэтому наше исследование направлено на ана-

лиз и оценку нынешнего положения дел с целью разработки мер по сохранению социального потенциала работников старшего возраста.

Основным условием сохранения социального потенциала работников старших возрастных групп является повышение качества жизни, формирование внешней благоприятной среды, а также создание условий для поддержания трудовой активности. К внешним факторам развития социального потенциала работников АПК старшего возраста относятся: экономические (материальное положение, уровень доходов, условия жизни), правовые (законодательное регулирование труда лиц старшего возраста, социальная политика государства), социокультурные (совокупность объектов, предназначенных для удовлетворения медико-социальных, бытовых, культурных и интеллектуальных потребностей работников и членов их семей), а также организационные (кадровые технологии, совокупность субъектов управления).

Россия является одним из крупнейших производителей и поставщиков сельскохозяйственной продукции в мире. Сельское хозяйство в основном специализируется на животноводстве, растениеводстве, птицеводстве. Доля занятых (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15–72 лет) в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбноводстве из года в год неуклонно снижается. По данным Росстата, в 2005 г. она составляла 10,1%, в 2010 г. – 7,7%, в 2012 г. – 7,3%, в 2013 г. – 7,0%⁵. Тяжелые условия труда и быта, неразвитость инфраструктуры, низкая заработная плата, отток молодежи в города являются причинами, которые обусловили сокращение занятого в сельском хозяйстве населения. Эффективность работы предприятий агропродовольственного комплекса существенно снижается. Именно в сегодняшнее непростое время повышается роль работников старшего возраста в организациях и предприятиях АПК.

Анализ состава трудовых ресурсов сельского хозяйства необходим для дальнейшего планирования количественных и качественных потребностей в кадрах, а также формирования, использования и развития социального потенциала. Средний возраст населения в РФ в 2014 г. составил 39,4 года⁶. В сельском хозяйстве эта цифра находилась на отметке 43,2 года⁷. В распределении численности занятых в сельском хозяйстве преобладают возрастные специалисты. Около трети работающих (27,5%) в АПК составляют сотрудники от 50 до 59 лет. Этот показатель на 5,4% выше, чем по экономике страны в целом. Количество работающих пенсионеров (от 60 лет и старше) в сельском хозяйстве составляет 10,0%, в то время как по РФ лишь 4,7% лиц преклонного возраста продолжают трудиться. Доля трудоспособных категорий в сельском хозяйстве ниже, чем по экономике в целом: 20–29 лет –

16,8%, что на 5,9% ниже, чем в стране; 30–39 лет – 19,5%, на 6,4% меньше общероссийского показателя; 40–49 лет – 23,3%, что на 0,6% отстает от среднего значения по РФ (рис. 2)⁸.

Результаты сравнения демонстрируют, что темпы старения в агропродовольственном комплексе значительно опережают экономику в целом. Наряду с привлечением молодежи в отрасль, необходимо использовать накопленные

знания и практический опыт работников старшего возраста, шире применять наставничество. Возрастные сотрудники сохраняют такие же потребности и интересы, что и более молодые.

На основе данных Комплексного обследования условий жизни населения России, проведенного Росстатом⁹, распределение занятого в АПК населения по уровню образования и возрасту выглядит следующим образом (таблица).

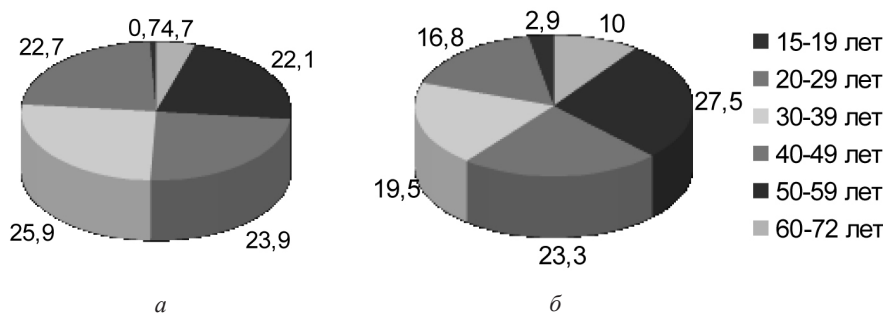

Рис. 2. Структура занятых в экономике по возрастным группам, 2014 г., %:
а – экономика РФ всего; б – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство

Структура занятого в сельском хозяйстве населения по уровню образования и возрасту, %

Возраст	Высшее	Неполное высшее	Среднее специальное	Начальное профессиональное	Среднее общее	Неполное среднее	Без образования	Итого
50–54	16,8	0,2	33,0	25,8	19,7	2,4	1,1	100,0
55–59	20,0	–	32,5	26,1	14,6	4,6	1,1	100,0
60–64	25,3	2,1	27,4	22,1	7,4	15,9	–	100,0
65 и более	36,0	4,0	12,0	16,0	12,0	12,0	8,0	100,0

В возрасте 50–54 лет одна треть занятых в сельском хозяйстве имеют среднее специальное образование. Около 26% представителей данной возрастной группы имеют начальное профессиональное образование. Среднее общее образование у 20% работающих. С увеличением возраста ситуация несколько изменяется. Количество работников со средним специальным образованием, желающих продолжать свою трудовую деятельность после заслуженного выхода на пенсию, уменьшается и, наоборот, растет доля работающих пенсионеров с высшим и неполным высшим образованием. Представители старшего поколения, имеющие высшее образование, гораздо чаще своих менее образованных сверстников трудятся после 65 лет. Такое отношение к продолжению работы неслучайно. Образованные пенсионеры гораздо хуже переносят утрату прежнего социального статуса. Образование, особенно в сельской местности, гарантирует человеку более престижную должность, достойный уровень материального достатка, уважение односельчан. Сложившаяся в АПК ситуация, характеризующаяся дефицитом молодых специалистов, не позволяет пенсионерам сидеть без дела.

В сельском хозяйстве большой процент работников старше 60 лет с начальным про-

фессиональным образованием и ниже, которые продолжают трудиться. Эта социально-профессиональная группа практически лишена шансов на рынке труда, поэтому очень часто используется администрацией в качестве дешевой рабочей силы.

Положение в АПК остается тревожным. Наблюдается нехватка кадров. Потребность организаций в сотрудниках для замещения вакантных рабочих мест ежегодно растет. Если в 2010 г. предприятия АПК нуждались дополнительно в 25,7 тыс. рабочих мест, то в 2012 г. эта цифра выросла до 31,0 тыс. человек¹⁰.

К сожалению, люди старшего возраста, сохранившие хорошее здоровье и желание трудиться, прекращают работать не столько по собственному желанию, сколько под давлением администрации, коллектива, общественных норм. Работодатель, как правило, делает выбор в пользу более молодого специалиста, хотя ни одним законодательным актом это не декларируется.

Важность использования социального потенциала работников старшего возраста для социально-экономического развития страны осознается не только на уровне отдельных государств, но и мирового сообщества в целом. Так, начиная с

2002 г. основным документом для регулирования жизнедеятельности старших возрастных когорт является Мадридский международный план действий по проблемам старения (ММПДС)¹¹, который был принят ООН на Второй Всемирной ассамблее по старению. Долгосрочная стратегия представляет основу мировой политики, которая определяет работу государств мира в стареющем обществе. На основе Решений Всемирной ассамблеи по проблемам старения в 2003 г. приняты Рекомендации по имплементации международных принципов государственной политики в отношении пожилых людей в правовые системы государств-членов ЕврАзЭС. Данный документ определил основные положения государственной политики в отношении людей старшего возраста, в том числе закрепил право на реализацию социального потенциала. Правительства стран СНГ продолжают свою работу по внедрению рекомендаций Мадридского плана.

Так, в России в начале 2000-х гг. была принята попытка воздействовать на социальную и демографическую политику путем принятия целевой программы «Старшее поколение»¹². Цель программы – улучшение социально-экономического положения представителей старшего возраста, создание условий для реализации их прав на участие в общественной, духовной и культурной жизни страны. На основе федеральной программы были созданы региональные и муниципальные документы. Однако в ходе реализации были выявлены многочисленные нарушения: не соблюдался порядок распределения бюджетных средств между ведомствами, не обеспечивался соответствующий контроль над их использованием, необоснованно завышались объемы финансирования некоторых мероприятий Программы. Все в комплексе привело к огромным потерям бюджетных денег.

В демографической политике Российской Федерации основное внимание уделено будущему страны. Проблема людей старшего возраста отодвинута на второй план. Единой концепции, касающейся возрастных категорий населения, в стране нет. Большой круг вопросов по поддержанию социального потенциала работников старшего возраста нельзя оставлять без внимания. Важно понять, как предотвратить социально-экономические проблемы в связи с динамично растущим количеством пенсионеров, исключить дискриминацию старших возрастных когорт, помочь им реализовать желания и потребности. Правительство страны регулярно информирует о своей озабоченности этими вопросами. Однако в ключевом документе «Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года»¹³ вопросы граждан старшего возраста должным образом не отражены, их даже не сформулировали в отдельном параграфе или разделе. Проблемы этой группы указаны единственной строкой в перечне задач по сокращению

смертности граждан трудоспособного возраста. В документе не уделяется особого внимания вопросам, которые касаются возраста, детальная оценка последствий сохранения сегодняшней возрастной структуры отсутствует, мероприятия по изменению положения представителей старшего поколения не прописаны. Большинство подобных документов представляются исключительно для информации, ознакомления с текущим положением дел, в них редко содержатся конструктивные предложения по решению проблем возрастных категорий населения.

К сожалению, законодательство, содействующее повышению эффективности труда работников старшего возраста, все еще не в полной мере соответствует нынешним жизненным реалиям. В апреле 2014 г. утверждена новая редакция государственной программы «Содействие занятости населения»¹⁴. Программа направлена в том числе на формирование соответствующих условий для пролонгирования периода трудовой активности за счет активизации использования потенциала работников старшего возраста (введение гибкого графика работы, неполная занятость, упорядочение льготных пенсий и т. д.). Однако нельзя забывать, что при разработке подобных программ необходимо соблюдать принцип плавного перехода от набора направлений к тщательному подбору финансово подкрепленных мер, которые действительно могут повлиять на ситуацию с возрастными группами работников. В государственной программе «Содействие занятости населения» повышение гибкости рынка труда за счет увеличения трудового вклада работников старшего возраста предлагается осуществлять, используя средства бюджетов субъектов Российской Федерации. Однако необходимы специальные меры не только на региональных уровнях власти, но и на федеральном уровне. Прежде всего, представляется целесообразным оценить нынешнее положение работников старших возрастных категорий в агропродовольственном комплексе в результате реализации уже действующих программ социально-экономического развития и сформулировать предложения по их корректировке. Нынешний кризис характеризуется сочетанием инерционных процессов и новых вызовов. Следовательно, государственная политика должна быть сфокусирована на решении текущих проблем, а также на создании стартовых возможностей для последующих изменений.

Анализ и оценка программ социально-экономического развития дает возможность сформулировать основные направления корректировки в целях дальнейшего осуществления политики в сфере трудовых отношений.

Одним из условий функционирования организаций АПК является наличие высококвалифицированных сотрудников. Следовательно, наиболее важной задачей является первоочередное

обеспечение занятости квалифицированной части сотрудников и преимущественное увеличение оплаты труда данной категории работников.

Целесообразно разработать и внедрить нормативно-правовые акты, направленные на социальную защищенность категорий населения, которые испытывают определенные трудности на рынке труда. В сегодняшней непростой экономической ситуации было бы логичным принять законопроект, предусматривающий запрет на сокращение и увольнение работников, до выхода на пенсию которым остается 4–5 лет. В интересах национальной экономики сотрудников, обладающих знаниями, умениями, навыками, необходимо оставлять на своих рабочих местах.

На федеральном уровне следует принять нормативно-правовые документы, обеспечивающие одинаковые возможности в сфере занятости независимо от возраста, пола и образования, а также законодательно устранить препятствия по трудоустройству лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Это может быть достигнуто путем дополнительного стимулирования работодателей, привлекающих на работу возрастных специалистов. Важно формировать непосредственные контакты представителей власти, общественных организаций с работодателями, занятыми в АПК, по вопросу дополнительного стимулирования работников старшего возраста, изучать и применять их опыт, знания, умения и навыки.

Одним из перспективных вариантов решения проблемы сохранения и реализации социального потенциала работников старшего возраста в агропродовольственном комплексе является включение их в процесс организации собственного бизнеса. Самозанятость старших возрастных групп селян – это возврат человеку надежды на продолжение работы, обеспечение его независимости и самостоятельности, выбор четкой цели в жизни, развитие возможностей. Самозанятость избавит старшие возрастные категории от комплекса ущербности и ненужности за счет переобучения, освоения предпринимательских навыков. Основные направления организации собственного дела в зрелом возрасте – мелкое животноводство, птицеводство, цветоводство, садоводство, пчеловодство и т. д.

Самозанятость может быть успешно реализована при следующих условиях: помощь соответствующих организаций (служб занятости, консультационных центров, многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг) по вопросам принятия конкретных бизнес-проектов; освещение в средствах массовой информации положительных примеров организации собственного дела лицами старшего возраста; доступность банковских кредитов на небольшую сумму и на короткий срок. Меры поддержки самозанятых граждан должны быть дифференцированными по различ-

ным подгруппам старшего поколения. При таком подходе повысится эффективность принимаемых решений.

Реализация изложенных мер позволит эффективно решить насущные проблемы старших возрастных когорт в условиях нынешнего дефицита финансовых средств и человеческих ресурсов. Основными задачами органов управления и власти должны стать возможное содействие желанию сотрудников не только успешно и качественно трудиться, но и улучшить качество жизни и предоставить для этого необходимую помощь и поддержку, создать условия, при которых люди самостоятельно смогут решать проблемы. В условиях новых вызовов остро встает проблема реализации ранее принятых социальных обязательств по отношению к лицам старшего возраста, способных помочь индивиду сохранить оптимизм и жизненный тонус, уверенность в завтрашнем дне.

Примечания

- 1 См.: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP.227. URL: http://esa.un.org/wpp/documentation/pdf/WPP2012_%20KEY%20FINDINGS.pdf (дата обращения: 10.02.2015).
- 2 См.: Демографический ежегодник России. М., 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm (дата обращения: 17.02.2015).
- 3 См.: Демографический прогноз до 2030 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 24.02.2015).
- 4 См.: Бочарова Е. В. Условия поддержания социального потенциала работников старшего возраста в сельской местности // Региональные агросистемы : Экономика и социология : ежегодник / отв. ред. А. А. Анфиногентова. № 3. Саратов : ИАГП РАН, 2014. URL: <http://www.iagpran.ru> (дата обращения: 04.03.2015).
- 5 См.: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force (дата обращения: 14.03.2015).
- 6 См.: Средний возраст населения на 1 января // Демографический ежегодник России – 2014 год. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (дата обращения: 14.03.2015).
- 7 См.: Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014 : стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 30.
- 8 Там же
- 9 Комплексное обследование условий жизни населения России проведено в 2011 г. во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам

и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Выборка квотная, ограничена респондентами старших возрастных групп (50–54 года, 55–59 лет, 60–64 года, 65 лет и более), работающими в агропродовольственном комплексе.

¹⁰ См.: Потребность организаций в рабочих местах для замещения вакантных рабочих мест по видам экономической деятельности на 31 октября. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 21.03.2015).

¹¹ См.: Madrid International Plan of Action on Ageing. Report of the Second World Assembly on Ageing. Madrid. 8–12 April 2002. New York, United Nations. URL: <http://social.un.org/index/Ageing/Resources/MadridInte>

nationalplanofactiononageing.aspx (дата обращения: 14.03.2015).

¹² См.: Федеральная целевая программа «Старшее поколение» на 2002–2004 годы : принята Постановлением Правительства РФ от 29 января 2002 г. № 70. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹³ См.: Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года // Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/6> (дата обращения: 24.03.2015).

¹⁴ См.: Об утверждении новой редакции государственной программы «Содействие занятости населения». URL: <http://government.ru/docs/11928/> (дата обращения: 24.03.2015).

УДК 316.42

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ И ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА: ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ю. Ю. Антропова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
E-mail: ayy2102@mail.ru

И. А. Калинин

Благотворительный фонд «Свои дети», Екатеринбург
E-mail: igor_kalinin@hotmail.com

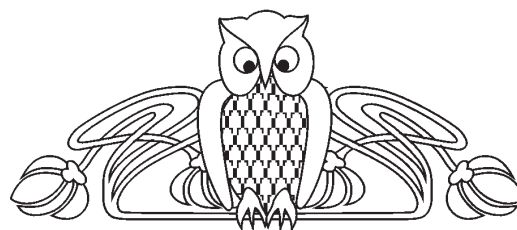
Рассматривается проблема сужения пространства детства в ее взаимосвязи с негативными тенденциями развития современного городского социума. Выявлено влияние городского ландшафта на «детское территориальное поведение» и на развитие личности ребенка в целом, приводящее в конечном итоге к нарушению процессов передачи социально-исторического опыта и адаптации в социуме, социальным деструкциям и девиациям. В рамках проведенного социологического исследования г. Екатеринбург рассматривается как пример современного российского мегаполиса и анализируется с позиций «город, удобный для жизни» и «город, доброжелательный к детям».

Ключевые слова: городской социум, пространство детства, детское территориальное поведение, город, удобный для жизни, город, доброжелательный к детям.

Modern Urban Society and Space Children: the Problem of Pairing

Yu. Yu. Antropov, I. A. Kalinin

The problem of childhood space narrowing in its relationship with the negative trends in the development of modern urban society. The influence of the urban landscape to «children's Territorial behavior» and personality development of the whole child, leading eventually to a breach of transfer processes of socio-historical experience and adaptation in society, social destruction and deviation. As part of the sociological research Ekaterinburg as an example of modern Russian metropolis is analyzed from the standpoint of «the city, convenient for life» and «city friendly to children».

Key words: urban of sotsium, space of childhood, children's territorial behavior, city, convenient for the life, city, benevolent to the children.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-153-161

Современный мир крайне динамично меняется, обретает принципиально иную социокультурную динамику и становится, по словам Э. Гидденса, «ускользающим»¹. При этом Э. Гидденс указывает, прежде всего, на изменения в социальных практиках, мышлении и поведении людей, вызванные потерей важности и ценности для человека окружающего мира, приводящие к разрыву социальной преемственности и трансформации моделей поведения людей. В результате этого жизненный путь человека выступает как отдельный временной сегмент, практически не связанный с преемственностью поколений, а развитие социума в общественном сознании носит характер фрагментарный и дисперсионный.

Ю. Хаббермас, анализируя социокультурную динамику современного мира, поднимает серьезную проблему искажения естественных коммуникаций между людьми, вызванную отчуждающим вмешательством инфраструктурных, информационных и иных изменений общества. Структурное развитие социума под влиянием усложняющейся динамики изменений, по мнению Ю. Хаббермаса, приобретает все более самодостаточный характер, делая его отчужденным от жизни людей, и приобретает исключительно технический (формальный) характер, что приводит к дегуманизации человеческих взаимодействий и взаимоотношений².

Городской социум является, как определил немецкий феноменолог Б. Вальденфельс, «чем-

то большим, нежели собранием построек специального назначения и линий движения транспорта»³. Город представляет собой пространство «для соединения разделенного и встречи всего и вся... В этом смысле он противостоит нарастающей фрагментации нашей жизни и несопоставимости логик, определяющих общение с близкими и чужими людьми»⁴.

Ландшафт (от нем. *land* – земля, *schaffen* – творить, создавать) городского социума на протяжении веков выполнял чрезвычайно важные социальные функции, среди которых: «...сообщение жителям города о принадлежности к определенному кругу равных себе»⁵, действие включенности в происходящие явления и события, в том числе через целенаправленное взаимодействие, сопровождающееся чувством солидарности и выражением коллективного «Я». Это приводит к формированию, по выражению американского исследователя Р. Хэрта, «феноменального ландшафта»⁶, т. е. городского ландшафта, прочувствованного и прожитого человеком субъективно или индивидуально-лично через события собственной жизни; но, кроме всего прочего, порождает чувства доверия и безопасности, без которых развитие как социума в целом, так и человека в отдельности проблематично, поскольку сопровождается личностными деформациями и социальными девиациями.

Именно в освоении городского ландшафта через пассивные (наблюдение, фантазирование) и активные (игры, прогулки, расширение территории пребывания) действия формируется «детское территориальное поведение»⁷, в рамках которого удовлетворяются потребности ребенка в общении, движении, эмоциональных впечатлениях, сенсорных и социальных стимулах, признании и прочем и через которое происходит развитие познавательной активности ребенка, его эмоционально-волевой сферы и личности в целом.

Во взаимодействии с городским ландшафтом ребенок проходит «три последовательных стадии: контактная (вчувствование), ориентировочная (сбор информации), активного взаимодействия»⁸. То есть городской ландшафт выступает своеобразной «площадкой» передачи ребенку социально-исторического опыта, и прежде всего эмоционального и коммуникативного опыта взаимоотношений между людьми, и его адаптации к социуму. Соответственно, мы можем говорить о городском ландшафте как об институте социализации ребенка.

Развитие городов в XXI в. претерпевает множество трансформаций и коллизий под влиянием тенденций глобализации, постиндустриализации, модернизации социальной политики, роста индивидуальной и коллективной мобильности и, как следствие, интенсификации проблем экологической и транспортной безопасности и пр.

Как указывает известный урбанист В. Вучик, «автомобильно-ориентированные города

столкнулись с проблемой хронических пробок, а во многих случаях еще и с резким ухудшением качества городской среды в целом <...> поскольку при неограниченном росте использования частных автомобилей традиционные, сложившиеся города перестают быть удобными для жизни (“Livable city”), гуманитарно-ориентированными»⁹.

«...Транспорт выполняет функцию “кровообращения”, соединяя все прочие подсистемы и функции города, такие как расселение, экономическая и социальная жизнь и т. д. Тем не менее, несмотря на всю свою важность, транспорт не должен доминировать над всеми прочими сторонами городской жизни. Опыт показывает, что транспортная система может не только стимулировать развитие города, но и разрушать его базовые качества, такие как устойчивость функционирования и удобство для жизни»¹⁰.

Современные западные ученые говорят о том, что города с доминированием автотранспорта не могут быть «удобными для жизни», поскольку не сочетают в себе нормально функционирующей экономики, социальной стабильности и гуманитарно-ориентированной городской среды.

Российские ученые и их зарубежные коллеги констатируют серьезную проблему, заключающуюся в том, что, по сравнению с предыдущими поколениями, современные дети имеют существенно меньше возможностей самостоятельного территориального передвижения (к местам учебы и обратно к дому, к друзьям, родственникам, к рекреационным зонам и пр.). А это, в свою очередь, ведет к сужению возможностей спонтанного поведения, уменьшению количества социальных интеракций и к снижению интенсивности социального взаимодействия детей друг с другом, с другими взрослыми в разных социальных обстоятельствах.

Ограничение потребности ребенка в свободном социальном контакте с другими детьми и взрослыми, возможном только при самостоятельном территориальном передвижении, приводит в дальнейшем к искажению психофизического развития, фрустрациям, конфликтам с окружающими и пр. По теории Л. С. Выготского, развитие высших психических функций подчиняется одной и той же закономерности: «...каждая высшая психическая функция в процессе развития поведения развивается дважды: сначала как функция коллективного поведения, как форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления, т. е. как категория интерпсихологическая, а затем вторично как способ индивидуального поведения ребенка, как средство личного приспособления, как внутренний процесс поведения, т. е. как категория интрапсихологическая»¹¹.

Кроме того, необходимо учитывать важность в развитии ребенка произвольности соб-

ственной активности и пространственно-временной организации деятельности. Так, доктор психологических наук Г. Г. Кравцов указывает, что «направление движения развития личности ребенка к собственной индивидуальности совпадает с расширением зоны внутренней свободы, способности сознательного управления своей психикой и поведением, т. е. становлением произвольности»¹². Таким образом, «показывая отсутствие барьера между волей как осмысленной инициативой, определяющей целостную личность, и произвольностью, произвольное поведение рассматривается как поведение свободное, т. е. построенное ребенком по собственным правилам, в то же время согласующееся с принятыми в обществе нормами»¹³. Нейропсихологи (в частности А. В. Семенович и др.) отмечают, что пространственно-временная организация деятельности ребенка, развитие пространственной ориентировки лежит в основе не только формирования высших психических функций, но и эмоционально-волевой сферы в целом.

«На сегодняшний день специалисты говорят о субклинической депривации подрастающего и последующих поколений, характеризующейся ростом жестокости и правонарушений среди молодежи, ее социальной пассивностью, увеличением количества суицидов, всплеском аффективных, невротических и психических расстройств у детей и подростков, нарушениями в освоении ими социальных ролей и установлении эмоциональных связей. Психически депривированный ребенок вырастает, нередко, в гигиенически образцовой среде, с первоклассным уходом и надзором, но в условиях монотонии чувственных и социальных стимулов...»¹⁴

Данное обстоятельство в немалой степени обусловлено нарастающей агрессией окружающей городской среды по отношению к детям, в том числе за счет роста массовой автомобилизации, приоритета дорог и парковок перед детскими площадками, парками и другими общественными местами, т. е. непригодности инфраструктуры дорожного движения к интересам детей¹⁵. Так, по мнению французского урбаниста А. Лефевра, «циркуляция движения становится одной из основных функций общества, обуславливая приоритет парковочных мест, улиц и дорог по отношению к другим соображениям»¹⁶.

В результате городской социум теряет свою безопасность в отношении детей и доброжелательность к ним. Таким образом, технологическая трансформация ведет к социальной трансформации города, что приводит к трансформации социальной жизни его жителей, в том числе к социальной сегрегации, по выражению Е. Г. Трубиной, «к кризису связей “по месту жительства”»¹⁷ и социальной депривации.

Зарубежные и отечественные исследователи, изучая проблему современных городов и вы-

деляя в ней такую характеристику, как доброжелательность к детям, обращают свое внимание, прежде всего, на создание комфортных условий для детей при проектировании застроек и организации дорожного движения. К ним относятся: наличие обособленных пешеходных дорожек и тротуаров, обеспечивающих безопасность детей и их защиту от несчастных случаев; наличие рекреационных детских зон и автономных пешеходных зон в местах застроек; специальные световые и звуковые сигналы, используемые при регулировании дорожного движения, способствующие безопасности детей на дорогах, и пр.

В рамках социологического исследования «Социологическая оценка проблемы управления безопасностью дорожного движения в городском социуме» (г. Екатеринбург, 2014 г.) нами были опрошены жители г. Екатеринбурга и экспертное сообщество на предмет выяснения представлений горожан и экспертов о Екатеринбурге как «городе, удобном для жизни» и «городе, доброжелательном к детям».

Генеральной совокупностью выступали жители г. Екатеринбурга в возрасте от 16 лет и старше. С учетом предполагаемой статистической погрешности в 5% объем выборочной совокупности составил 384 человека. В качестве основы отбора единиц наблюдения была выбрана схема квотной выборки. В настоящей статье мы приводим выдержки исследования.

1. *Представление горожан и экспертов о Екатеринбурге как «городе, удобном для жизни».*

Исследование показало (рис. 1), что жители города и эксперты имеют разное представление о таком понятии, как «город, удобный для жизни». Так, жители включают в данное понятие почти в равной мере три основных элемента:

– город, в котором инфраструктура рассчитана на увеличивающееся количество автотранспорта, строятся парковки, стоянки, развязки, альтернативные проезды (39,6% ответивших);

– город, в котором безопасно жить – низкий уровень преступности, техногенных и экологических катастроф, ДТП и пр. (39,3% ответивших);

– город, в котором удобно передвигаться всем участникам движения: водителям, пешеходам, велосипедистам, общественному транспорту (37,8% ответивших).

Эти три элемента важны для всех жителей города, но в зависимости от статуса участника дорожного движения те или иные элементы получают больший приоритет. Так, для пешеходов более важен элемент безопасности (46,2%), поскольку в случае ДТП они рискуют своим здоровьем и даже жизнью, а вопрос развития инфраструктуры представляет для них меньшее значение (34,4%). Для автомобилистов, напротив, важнейшим является развитие инфраструктуры (48,7%), поскольку для них важны вопросы стоянки, парковки, проезда без пробок и т. д. Что

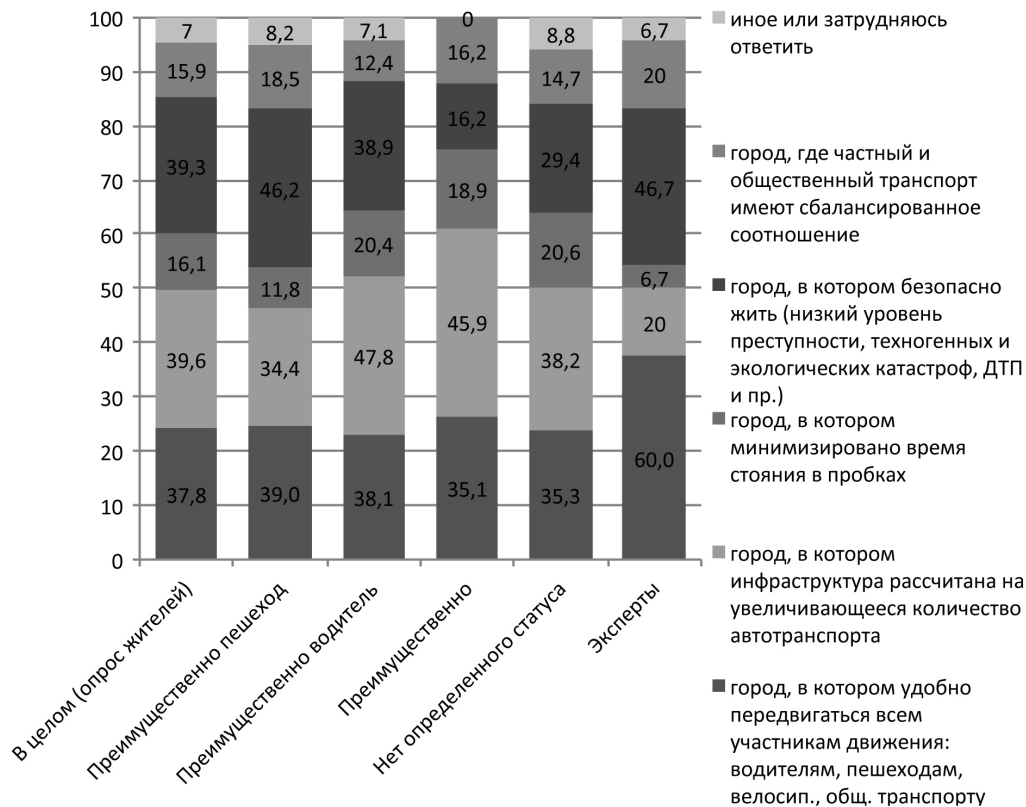

Рис. 1. Представления жителей города и экспертов о понятии «город, удобный для жизни» (одно-временно указывается несколько характеристик)

касается велосипедистов, то они, так же как и автомобилисты, прежде всего, обращают внимание на развитие инфраструктуры – велодорожки, парковки и пр. (45,9%).

Что касается экспертов, то их представления в этом вопросе существенно отличаются от представления любой из групп горожан. Важнейшим элементом «города, удобного для жизни» эксперты считают удобство передвижения всех участников движения (60,0%), вторым по важности – безопасность жизни (46,7%). А вот такой значимый для жителей города элемент, как развитие инфраструктуры, эксперты практически проигнорировали (20,0%), отметив, что должен быть баланс между частным и общественным транспортом (20,0%).

Таким образом, жители города и эксперты солидарны в том, что «город, удобный для жизни» – это город, в котором удобно передвигаться всем участникам движения: водителям, пешеходам, велосипедистам, общественному транспорту; в котором безопасно жить – низкий уровень преступности, техногенных и экологических катастроф, ДТП и пр. Но если жители настаивают на том, что в «городе, удобном для жизни» инфраструктура должна быть рассчитана на увеличивающееся количество автотранспорта, необходимо строить парковки, стоянки, развязки,

альтернативные проезды, то эксперты считают, что это совершенно не обязательно, и жители могли бы в ряде случаев пользоваться общественным транспортом.

Наше исследование позволило выяснить также, считают ли участники опроса Екатеринбург «городом, удобным для жизни» (рис. 2).

Однозначный ответ «да, г. Екатеринбург – это город, удобный для жизни» дали только 12,2% жителей и всего 6,7% экспертов. Следовательно, и жители, и эксперты считают, что *однозначно* назвать г. Екатеринбург «городом, удобным для жизни» нельзя.

Вместе с тем «скорее да» отметили 30,7% жителей и подавляющее большинство (60,0%) экспертов. Соответственно, эксперты скорее согласны с утверждением, что г. Екатеринбург является «городом, удобным для жизни», а жители демонстрируют в этом вопросе противоречивое отношение: в сумме 42,9% согласны или скорее согласны с этим утверждением, а 46,1% не согласны или скорее не согласны.

В ходе опроса жителям и экспертам был задан открытый вопрос: «Что, по Вашему мнению, необходимо сделать, чтобы г. Екатеринбург стал «городом, удобным для жизни» (напишите)?». Полученные ответы (рис. 3), различающиеся разнообразием формулировок, были обобщены

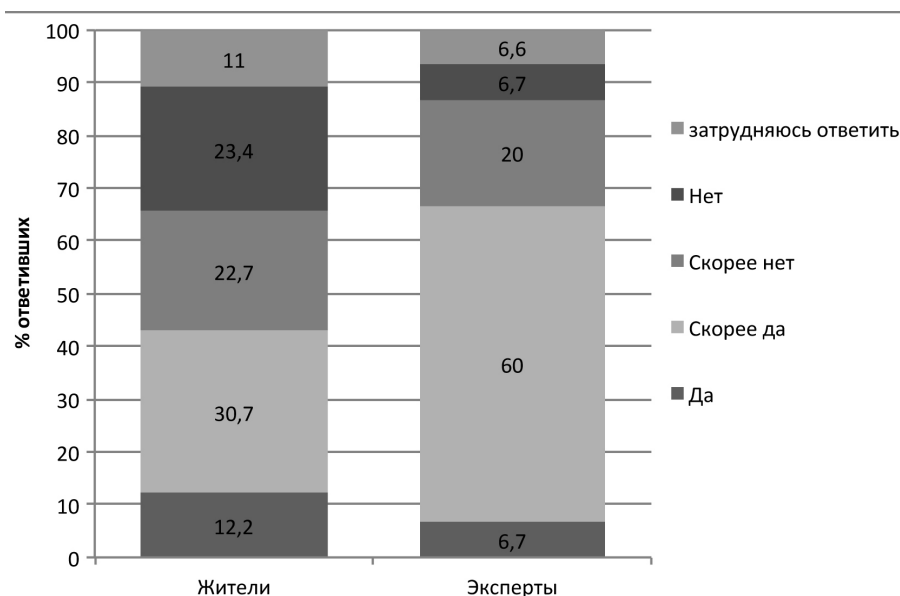

Рис. 2. Распределение ответов горожан и экспертов на вопрос «Является ли Екатеринбург «городом, удобным для жизни?»»

Рис. 3. Мнения горожан о том, что надо сделать, чтобы Екатеринбург стал «городом, удобным для жизни» (сумма меньше 100%, поскольку на этот вопрос отвечал только примерно каждый второй опрошенный)

по смыслу в несколько групп (ответили только примерно 50% опрошенных горожан).

Наиболее часто предлагались меры общего характера: борьба с преступностью, повышение уровня жизни, изменения во властных структурах, повышение уровня культуры, образованности населения и т. д. Следовательно, понятие «город, удобный для жизни» многими жителями ассоциируется не только и не столько с транспортной проблематикой.

Остальные ответы больше связаны именно с проблемой БДД. Так, многие горожане отметили, что нужно бороться с коррупцией, неэффективной тратой денежных средств при организации дорожного движения, непрофессионализмом органов власти, ответственных за БДД (6,5%). Следующая мера – качественный ремонт уже имеющихся дорог (4,9%). По мнению жителей, не так важно строить новые дороги и развязки (2,1%), как качественно отремонтировать уже существующие. Следующая мера – развитие транспортной инфраструктуры «в общем» (3,6%). В дополнение к ней можно назвать развитие метрополитена (2,9%) и оптимизацию общественного транспорта (2,1%). Хотя когда речь идет о наземном общественном транспорте, здесь есть два разнонаправленных мнения: одни жители считают, что общественный транспорт надо развивать, другие – наоборот, сокращать и освобождать дороги для личных автомобилей.

Среди других мер можно отметить вопрос развития парковок (отметили 2,9% горожан), меры по дополнительному регулированию дорожного движения (2,9%), разработку комплексной программы развития города (2,6%), решение экологических проблем (2,1%). Прочие меры также предложены, но набирают уже менее 2,0% голосов ответивших.

Мнения экспертов (8 из 15), высказанные во время интервью, мы приводим дословно:

- «поменять законы, усилить наказание за преступления»;
- «увеличить парковочные места, установить приборы фото- и видеофиксации»;
- «развивать инфраструктуру, в том числе строить развязки и дороги»;
- «строить развязки, проводить реконструкцию дорог с расширением проезжей части при проектировании новых районов, закладывать необходимое количество парковочных мест, необходимую ширину проездов»;
- «создать условия передвижения для всех участников движения, минимизировать пробки»;
- «ввести платные парковки, обособить полосы общественного транспорта и велодорожки»;
- «развивать пешеходную инфраструктуру, развивать общественный транспорт»;
- «создавать и реконструировать парковочные зоны, зоны отдыха горожан, снизить цены на недвижимость. Привести в нормальное состояние дороги и сопутствующую транспортную

инфраструктуру. Строить метро в спальных районах».

Как видно из представленного выше списка, меры, предложенные экспертами, в основном повторяют предложения горожан, только основной акцент ставится на строительстве новых дорог и развязок, развитии транспортной инфраструктуры и общественного транспорта.

Обобщая мнения жителей и экспертов, можно сделать вывод о том, что г. Екатеринбург пока нельзя назвать «городом, удобным для жизни», хотя многое уже сделано в этом направлении. Тем не менее, исследование показало, что среди первоочередных мер, способствующих превращению г. Екатеринбурга в «город, удобный для жизни», можно назвать строительство новых дорог, парковок, авторазвязок, расширение и ремонт уже существующих магистралей, совершенствование системы общественного транспорта, строительство новых станций метро, выделение пешеходных и велодорог. При этом вся работа должна носить комплексный и системный характер, с достаточным финансированием и пристальным контролем различных ветвей власти и общественности во избежание коррупции, неэффективного расходования финансовых средств и т. д. Кроме того, важной составляющей города, удобного для жизни, является тщательный контроль за соблюдением ПДД всеми участниками движения.

2. Представление горожан и экспертов о Екатеринбурге как «городе, доброжелательном к детям».

Наше исследование показало, что как горожане, так и эксперты, рассуждая о «городе, удобном для жизни», зачастую забывали о детях. Так, среди комплекса предложенных жителями и экспертами мер практически не упоминаются меры, необходимые для того, чтобы г. Екатеринбург стал удобным для жизни детей. В связи с этим нами был задан ряд вопросов, направленных на уточнение представлений горожан и экспертов о г. Екатеринбурге как о «городе, доброжелательном к детям».

Жители и эксперты демонстрируют небольшие различия в восприятии данного понятия (рис. 4). Жители в основном определяют «город, доброжелательный к детям» как место, в котором детям безопасно и комфортно жить: где низкий уровень преступности, экологических катастроф, ДТП с участием детей, высокое качество детских товаров и питания (43,2%). Развитая инфраструктура для детства (26,0%) и возможность отпускать ребенка одного в школу, на улицу (27,1%) только дополняют это основное представление.

Однако из анализа ответов горожан, имеющих несовершеннолетних детей, следует, что для них первоочередной характеристикой города, доброжелательного к детям, является возможность отпускать ребенка одного на улицу, школу и т. д. (35,7% ответивших).

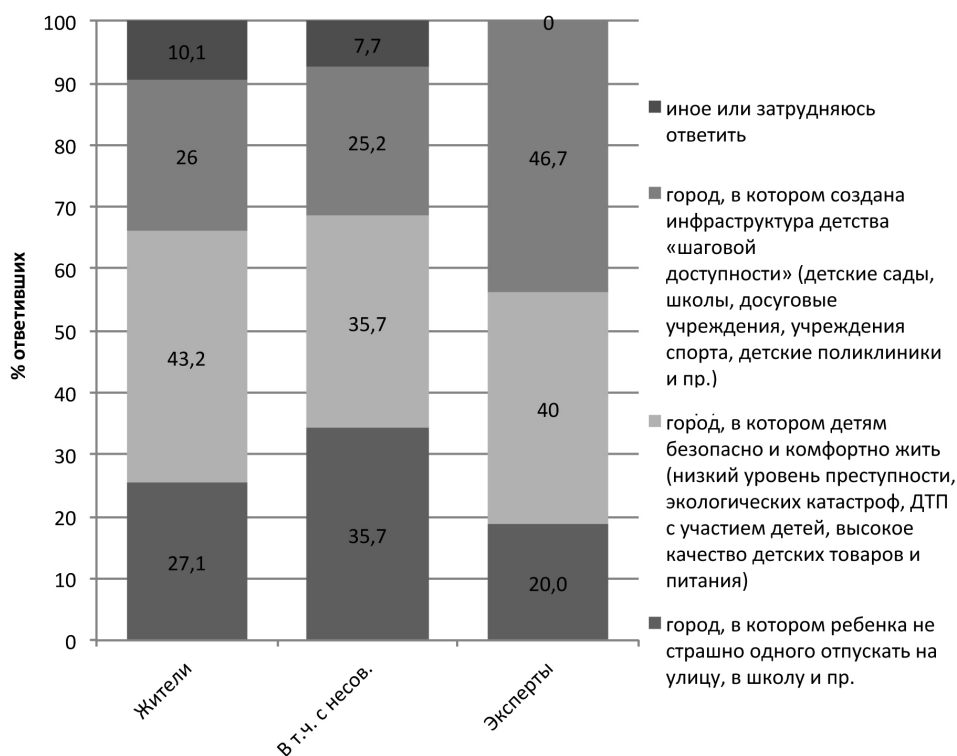

Рис. 4. Представления жителей (в том числе с несовершеннолетними детьми) и экспертов о «городе, доброжелательном к детям» (одновременно указывается несколько характеристик)

Для экспертов «город, доброжелательный к детям», это:

– прежде всего, город, в котором создана инфраструктура детства «шаговой доступности»: детские сады, школы, досуговые учреждения, учреждения спорта, детские поликлиники и пр. (47,7% ответивших);

– город, в котором детям безопасно и комфортно жить: низкий уровень преступности, экологических катастроф, ДТП с участием детей, высокое качество детских товаров и питания (40,0% ответивших).

Вероятно, разница между горожанами и экспертами в оценке важности инфраструктуры детства в понятии «город, доброжелательный к детям» связана с тем, что большинство родителей смирились с необходимостью возить детей в садики, школы, секции, поликлиники и пр., поскольку по месту жительства не всегда можно найти учреждения нужного качества. Однако при этом родители хотят иметь возможность отпустить ребенка одного в школу, в учреждение культуры, на прогулку, в гости и т. д., чтобы компенсировать свое время, затраченное на его сопровождение.

К сожалению, ни горожане, ни эксперты не смогли назвать г. Екатеринбург «городом, доброжелательным к детям». По данным опроса, с этим утверждением полностью согласны только 12,8% жителей и 20,0% экспертов (рис. 5).

Таким образом, г. Екатеринбург, по мнению жителей и экспертов, нельзя *однозначно* назвать городом, доброжелательным к детям. Более того, по мнению жителей, г. Екатеринбург, скорее, «не доброжелателен» к детям (50,0% ответивших). Эксперты проявили в этом вопросе больше оптимизма: совершенно несогласных с этим утверждением нет вообще, а доля «скорее не согласных» (40,0%) меньше числа, так или иначе согласных (53,3%).

Мы постарались в ходе исследования определить перечень мер, которые помогут сделать г. Екатеринбург «городом, доброжелательным к детям». К сожалению, ответил только каждый четвертый из опрошенных нами жителей города (рис. 6). Основным предложением является повышение безопасности детей, снижение преступности в городе, при этом стоит отметить, что источниками преступности опрошенные называли педофилов, наркоманов и мигрантов.

Следующий набор предложений – сформировать доброжелательное отношение к детям: от обычной любви и заботы на уровне семьи до городских и национальных программ с подключением телевидения. Достаточно часто назывались различные меры по развитию инфраструктуры детства, в том числе открытие новых детских садов, строительство спортивных секций и детских площадок. Следует отметить, что меры, связанные с обеспечением БДД, назывались

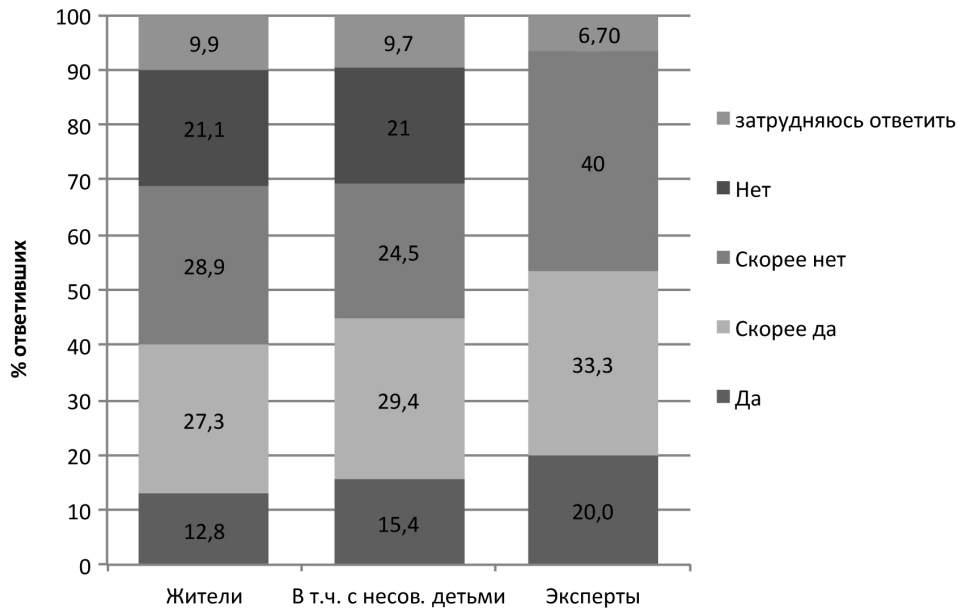

Рис. 5. Распределение ответов горожан и экспертов на вопрос «Является ли Екатеринбург «городом, доброжелательным к детям?»»

Рис. 6. Мнения горожан о том, что надо сделать, чтобы Екатеринбург стал «городом, доброжелательным к детям» (сумма меньше 100%, поскольку на этот вопрос отвечал только примерно каждый четвертый опрошенный)

крайне редко: контроль за дорожным движением (1,0% ответивших), повышение дисциплины водителей (0,5%).

Мнения экспертов (5 человек из 15) мы приводим дословно:

- «ужесточение наказаний водителей, которые нарушают ПДД в отношении детей»;
- «строительство детских садов и детских культурно-досуговых учреждений всеми предприятиями»;
- «обеспечение безопасности детей»;
- «развитие инфраструктуры детства»;
- «строительство секций и детских площадок».

Таким образом, меры, предложенные для того, чтобы г. Екатеринбург стал «городом, доброжелательным к детям», касаются в целом обеспечения личной безопасности, развития инфраструктуры детства, формирования уважительного и доброжелательного отношения к детям со стороны общества.

Проведенное нами исследование доказало важность поднятой в настоящей статье проблемы сужения пространства детства в ее взаимосвязи с негативными тенденциями развития современного городского социума. К большому сожалению, приходится констатировать пагубность влияния тенденций развития современных мегаполисов на личность ребенка, а в дальнейшем – на общество в целом.

Высокоурбанизированная среда становится фактором, разрушающим эмоциональные связи ребенка с окружающим миром, со взрослыми и сверстниками, вызывает серьезные вторичные нарушения психического и социального развития, приводит к так называемым депривационным психическим расстройствам. Уменьшение возможностей самостоятельного территориального передвижения детей ведет к уменьшению количества социальных актов и снижению интенсивности социального взаимодействия детей в разных социальных обстоятельствах.

Важность процесса расширения территориальных границ детей в современном пространстве, с одной стороны, не вызывает сомнений, а с другой, требует поиска системного и комплексного решения проблемы безопасности детей в городском социуме – от вопросов безопасности дорожного движения и соответствующей инфраструктуры до благожелательного отношения к детям со стороны общества в целом.

Нежелание решать данную проблему, на наш взгляд, приведет к тому, что городской социум и пространство детства будут представлять

собой параллельные, не пересекающиеся прямые. А это определит в конечном итоге нарушение процессов передачи социально-исторического, духовно-нравственного и ценностного опыта подрастающему поколению и, как писал Э. Гидденс, нарушение «непрерывности социального воспроизводства»¹⁸.

Примечания

- 1 Гидденс Э. Ускользящий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М. : Весь мир, 2004. С. 15.
- 2 См.: Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь мир, 2003. С. 121.
- 3 Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигель рациональности // Социологос. Общество и сферы смысла : сб. работ. Вып. 1 / сост. и общ. ред. В. В. Винокуров, А. Ф. Филиппов. М. : Прогресс. 1991. С. 48.
- 4 Там же. С. 49.
- 5 Трубина Е. Г. Город в теории : опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 497.
- 6 Hart R. Children's Experience of Place : A Developmental Study. N.Y. : Irvington Press, 1978. P. 21.
- 7 Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 5-е изд. СПб. : Питер, 2013. С. 78.
- 8 Там же. С. 130.
- 9 Вукан Р. Вучик. Транспорт в городах, удобных для жизни. URL: <http://coollib.net/b/188963/read#t3> (дата обращения: 15.09.2014).
- 10 Там же.
- 11 Выготский Л. С. Коллектив как фактор развития дефективного ребенка // Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб. : Лань, 2003. С. 276–277.
- 12 Цит. по: Семаго Н. Я., Семаго М. М. Проблемные дети : основы диагностической и коррекционной работы психолога. М. : АРКТИ, 2000. С. 25.
- 13 Там же.
- 14 Антропова Ю. Ю. Деятельность учреждений социального обслуживания семьи и детей по нормализации детско-родительских отношений и сохранению психического и физического здоровья в семье // Семья и будущее России : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 3–4 февраля 2004 г.) / Урал. гуман. ин-т. Екатеринбург : УрГИ, 2004. С. 6.
- 15 Резолюция секции «Социология детства». РГГУ, 3 февраля 2012 г. URL: http://www.childsoc.ru/doc/itog_info.pdf (дата обращения: 15.09.2014).
- 16 Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. New Brunswick : Transaction Publ., 1990. P. 100.
- 17 Трубина Е. Г. Указ. соч. С. 15.
- 18 Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуры. М. : Академический проект, 2003. С. 72.

УДК 316.454.54

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

И. А. Бегинина, М. А. Шедловская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье по материалам социологического исследования анализируется отношение студентов к дружбе, выделяются социальные качества друга, которые с возрастом увеличивают свое значение для молодежи: честность, отзывчивость, понимание, умение слушать, верность, чувство юмора, искренность, доброта, лежащие в основе максималистской интерпретации дружбы, ее утилитарно-развлекательного характера и снижающие свою значимость по мере взросления студентов.

Ключевые слова: студенчество, дружба, социальные качества личности.

Sociological Reflection Student Friendship Through the Prism of Social Qualities

I. A. Beginina, M. A. Shedlovskaya

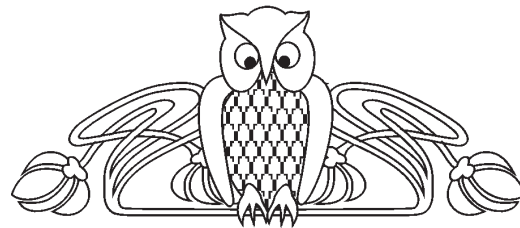
In article on materials of sociological research examines students' attitudes to friendship, emphasized the social qualities of a friend that with age increase its value for youth: honesty, compassion, understanding, listening skills, loyalty, sense of humor, sincerity, kindness underlying the maximalist interpretation of friendship, its utilitarian and entertainment, and reduce its importance as they grow older students.

Key words: students, friendship, social personality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-162-165

Детская дружба покоится на непосредственной эмоциональной симпатии, общих интересах и совместной деятельности. В подростковом возрасте эти ценности дополняются и постепенно перевешиваются потребностью в эмоциональной поддержке и взаимопонимании. Потребность в alter ego достигает кульминации в ранней юности. Именно в юношеской дружбе формируются такие важные личностные черты, как альтруизм и способность поставить себя на место другого. В дальнейшем, по мере взросления, дружба утрачивает эту тотальность, частично уступая место любовным, семейным и иным привязанностям. Что же касается соотношения экспрессивных и инструментальных ценностей дружбы, то у сегодняшних подростков и юношей оно примерно такое же, как в 1970 г. Отвечая в 1995 г. на вопрос «Что для Вас самое главное в дружбе?», 16–19-летние российские юноши и девушки поставили на первое место возможность получить помощь, а на второе – верность и постоянство¹.

Ряд исследователей полагают, что содержание и структура социальных представлений

мужчин и женщин о дружбе не имеют значимых различий². Однако, как показали результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2013 г. в Саратовской государственном университете (по квотно-стратифицированной выборке, N=200), дружеские представления и практики студентов во многом детерминированы их объективными характеристиками. Исследование выявило зависимость значения дружбы от гендерной принадлежности студентов (табл. 1). Половина опрошенных мужчин и женщин согласились с тем, что в дружбе важны доверие и понимание. Однако на второе место у мужчин выходит мнение о том, что дружба – это сексуальные отношения без обязательств (12,8%), а у женщин – одна душа в двух телах (19,0%). Среди женщин чаще встречается мнение о дружбе как о любви без сексуального подтекста (15,1%), тогда как согласных с этим мужчин всего 2,0%. Это подтверждается и опубликованными данными, из которых следует, что у женщин обычно больше близких подруг, чем у мужчин, занимающих к тому же более значимое место в их жизни³.

Женщины описывают дружбу в более тонких терминах, подчеркивая ценности доверия, эмоциональной поддержки и интимности, тогда как мужчины акцентируют солидарность и взаимопомощь⁴. Девушки придают больше значения чувству, что кто-то в тебе нуждается, возможность делиться сокровенными мыслями и сознанию того, что кто-то высоко ценит тебя. Для мальчиков важнее совместное проведение досуга и интеллектуальная общность (друг – человек, который разделяет твои взгляды и придерживается тех же принципов).

В полной мере противоречивые тенденции трансформации дружеских отношений проявляются и в качествах, которыми, по мнению студентов, должен обладать их друг, особенно – в сравнении с качествами, которыми обладают сами студенты и которые привлекают к ним друзей (табл. 2). Так, рейтинг друга возглавляет такое качество, как честность (18,0% положительных ответов). Однако среди **своих** самых значимых качеств эта характеристика занимает лишь третье по популярности место (14,0%), а первое место в самооценке студентов занимает чувство юмора. Практически по всем пунктам рейтинги не совпадают.

Подобным образом в характеристиках друга второе место занимают верность и чувство юмора (по 14,0% положительных ответов), третье

Таблица 1

Гендерные различия в интерпретации дружбы, % по гендерной категории

Дружба – это...	Пол		По выборке
	мужской	женский	
Межличностные взаимоотношения, основанные на доверии, понимании, взаимопомощи	45,7	50,0	48,0
Одна душа в двух телах	16,0	19,8	18,0
Жесткие отношения сплоченности, вплоть до самопожертвования	10,6	8,5	9,5
Любовь без сексуального подтекста	2,1	15,1	9,0
Сексуальные отношения без обязательств	12,8	1,9	7,0
Деловой обмен услугами	8,5	1,9	5,0
Затрудняюсь ответить	4,3	0,9	2,5
Иное, то, что помогает выжить	0,0	1,9	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0
По выборке	47,0	53,0	100,0

Таблица 2

Качества личности, необходимые, по мнению студентов, для дружбы, % к положительным ответам

Качества	Свои	Друга
Честность	14,0	18,0
Верность	8,0	14,0
Доброта	13,0	10,0
Отзывчивость	15,0	12,0
Умение слушать	13,0	9,0
Понимание	11,0	12,0
Чувство юмора	17,0	14,0
Искренность	9,0	11,0
Итого	100,0	100,0

место – отзывчивость и понимание (по 12,0%), четвертое – искренность (11,0%), пятое – доброта (10,0%), шестое – умение слушать (9,0%). Именно этих качеств ждут студенты от своих друзей. Однако применительно к себе они их оценивают иначе. Второе место в рейтинге самохарактеристик занимает отзывчивость (15,0%), третье – доброта и умение слушать (по 13,0%), четвертое – понимание (11,0%), пятое – искренность (9,0%), шестое – верность (8,0%). Таким образом, налицо двойные стандарты в дружеских отношениях, которые обуславливают неравнозначность и неадекватность подобных взаимодействий, которые нередко могут провоцировать взаимные обиды, обвинения в предательстве и пр.

Это подтверждает и сравнительный анализ по каждой такой характеристике (табл. 3, 4). В частности, по критерию честности только 47,0% опрошенных не только ценят это качество друга, но и сами стараются быть таковыми. Почти 63,0% не ценят это качество ни в друге, ни в себе. Ценят в себе и в друге такое качество, как верность, 38,4%. Почти 89,0% – не придадут этому

значения ни в себе, ни применительно к своему другу. Лишь каждый четвертый студент одинаково ценит и в себе, и в друге доброту, 40,0% отрицают значимость этого качества как в себе, так и в друге. Отзывчивость ценится в друзьях и в себе примерно каждым третьим студентом, и почти столько же (30,5%) не придают этому никакого значения. Еще меньше доля тех, кто адекватно признает важность в себе и в друге такого качества, как умение слушать (21,0%). Тех, кто не видит в этом необходимости ни для себя, ни для друга, – почти в два раза больше (40%).

Примерно сходная ситуация и с таким качеством, как понимание. Его ожидают от друга и от себя 22,0% опрошенных, не придают этому значения – 33,5%. Еще больший разрыв между теми, кто придает важное значение для себя и для друга искренности (18,0%), и теми, для кого это не важно (38,5%), т. е. более чем в два раза. Прямо противоположная картина с таким качеством, как чувство юмора. Почти в два раза чаще молодые люди видят это качество в себе и ценят его в друге (40,5%), чем те, кто не придает этому значения (25,0%). Таким образом, среди боль-

Таблица 3

**Влияние возраста на представления студентов о качествах друга,
% по положительным ответам в каждой возрастной категории**

Качества	Возрастные категории				По выборке
	17–18	19–21	22–24	25–26	
Честность	17,0	18,0	20,0	–	18,0
Верность	15,0	14,0	13,0	33,3	14,0
Чувство юмора	15,0	14,0	11,0	33,4	14,0
Отзывчивость	12,0	12,0	14,0	33,3	12,0
Понимание	11,0	13,0	13,0	–	12,0
Искренность	12,0	11,0	11,0	–	11,0
Доброта	9,0	10,0	7,0	–	10,0
Умение слушать	9,0	8,0	11,0	–	9,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

**Влияние возраста на самооценку студентами своих качеств друга,
% по положительным ответам в каждой возрастной группе**

Качества	Возрастные категории				Итого
	17–18	19–21	22–24	25–26	
Чувство юмора	22,0	15,0	16,0	25,0	17,0
Отзывчивость	12,0	16,0	15,0	25,0	15,0
Честность	14,0	13,0	12,0	25,0	14,0
Доброта	16,0	14,0	5,0	25,0	13,0
Умение слушать	12,0	13,0	18,0	0,0	13,0
Понимание	9,0	11,0	15,0	0,0	11,0
Искренность	9,0	9,0	12,0	0,0	9,0
Верность	6,0	9,0	7,0	0,0	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

шинства студентов требования к другу не совпадают с самохарактеристиками, что способствует не оправдавшимся ожиданиям от дружеских отношений. При этом настораживает тот факт, что самые значительные доли совпадений приходятся на отрицание значимости таких качеств, как честность (которое занимает первое место в рейтинге важнейших качеств, ожидаемых от друга), верность, что, по нашему мнению, ставит под сомнение само существование студенческой дружбы в ее максималистском значении.

Проанализировав влияние возраста на представления студентов о качествах друга среди самых молодых, 17–18-летних студентов, пришли к выводу, что рейтинг ожидаемых качеств друга (как и среди всей вузовской молодежи) возглавляет честность, хотя в этой возрастной категории данный показатель самый низкий (17,0%). На втором месте – верность и чувство юмора (по 15,0%), на третьем – искренность и отзывчивость (по 12,0%), на четвертом – понимание (11,0%), на пятом – доброта и умение слушать (по 9,0%). Значит, именно в этой группе больше других в друзьях ценится верность, чувство юмора и ис-

кренность, но меньше других – отзывчивость, понимание. Среди 19–20-летних студентов больше, чем среди самой младшей категории, ценятся в друзьях честность (18,0%), понимание (13,0%), доброта (10,0%), меньше – верность и чувство юмора (по 14,0%), искренность (11,0%), умение слушать (8,0%). В возрасте 22–24 лет больше других ценятся честность (20,0%), отзывчивость (14,0%), понимание (более 13,0%), умение слушать (11,0%). Среди самой старшей возрастной группы внимание акцентировалось на таких качествах друга, как верность, чувство юмора, отзывчивость (по 33,0%).

Следовательно, можно выделить социальные качества друга, которые с возрастом увеличивают свое значение для студентов. К ним относятся честность, отзывчивость, понимание, умение слушать. Наряду с этим можно выделить такие качества друга, которые по мере взросления студентов снижают свою значимость, – верность, чувство юмора, искренность, доброта, т. е. те, которые лежат в основе максималистской интерпретации дружбы, ее утилитарно-развлекательного характера.

Примечания

¹ См.: Дружба вчера, сегодня, завтра!!! URL: <http://anveal.ucoz.ru/publ/1-1-0-1> (дата обращения: 14.12.2015).

² См.: Юркова Е. В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях.

УДК 316.354

ГРАЖДАНСКО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

С. А. Судьин

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского
E-mail: sudjin@mail.ru

В статье предпринимается попытка построения классификаций гражданско-общественных организаций, работающих в сфере психического здоровья. На основании результатов глубинных интервью, проведенных автором в период 2014–2016 гг., в качестве оснований для классификации предложены целевые группы клиентов, ключевые направления деятельности, субъекты реализации программ, масштаб деятельности, специфика заболеваний целевой группы, модели финансирования. Новизной представленной работы является обращение к теме гражданского общества в контексте психического здоровья.

Ключевые слова: социология психического здоровья, гражданско-общественные организации, социология семьи.

Civil Society Organizations in the Field of Mental Health: Attempt of Classification

S. A. Sudin

The attempt is made to classify civil organizations functioning in the sphere of mental health. Based on the results of in-depth interviews conducted by author of the article in the period 2014–2016 the following classify causes are suggested: client's target groups, main directions of activity, main actors, scale of activity, client's mental illness, fundraising models. The novelty of the work is the discussion of civil society in the context of mental health.

Key words: sociology of mental health, civil society organizations, sociology of family.

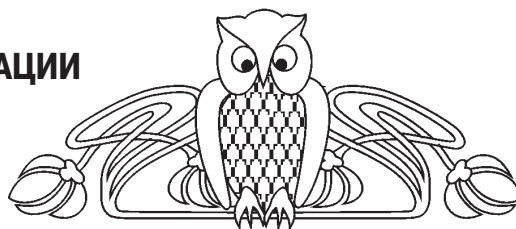
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-165-169

Тезис о неразвитости гражданского общества в России является весьма популярным и базируется на традиционной привязке данной категории к политическому контексту. Однако спектр признаков гражданской активности и инициативы чрезвычайно широк и охватывает практически все сферы социальной жизни. Одной из таких сфер является психическое здоровье, включающее в себя большой круг аспектов, таких как постстационарная реабилитация психиатрических пациентов, их стигматизация, работа с родственниками психически больных и их социальным окружением.

СПб., 2004. 169 с. URL: <http://www.disserr.com/contents/124626.html> (дата обращения: 14.12.2015).

³ См.: Дружба // Социологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Druzhiba-2027.html> (дата обращения: 14.12.2013).

⁴ См.: Кон И. С. Дружба. СПб., 1980. С. 148.

ем. Начало XXI в. ознаменовалось в нашей стране необычайным подъемом гражданской активности в этой сфере, появлением общественных организаций, ныне являющихся важным звеном социально-психиатрической помощи. За прошедшие полтора десятилетия в России сформировались зрелые и активные институты гражданского общества, работающие в тематическом пространстве психического здоровья, чей опыт достоин глубокого анализа. Многообразие гражданско-общественных объединений, работающих в этой сфере, актуализирует потребность в их классификации, которая является еще одним важным элементом их изучения.

Проанализированные нами организации могут быть аналитически разделены на несколько групп. В работе В. С. Ястребова и его коллег из Научного центра психического здоровья РАМН дается один из подходов к типологизации этих общественных организаций. Так, в статье отмечается, что «возникшие к этому времени общественные движения в зарубежной психиатрии можно условно разделить на два вида:

– общественные организации, которые представлены самими пациентами, их родственниками, лицами, им сочувствующими;

– общественные профессиональные объединения, в состав которых входят психиатры, психологи, социальные работники и другие специалисты»¹.

И. А. Былим и Е. Б. Любов из Московского научно-исследовательского института психиатрии также выделяют две группы членов общественных организаций пользователей и обществ взаимопомощи. Первую представляют люди из близкого окружения тяжелых хронически больных, которые полагают, что их подопечные не способны выразить свои нужды и отстаивать свои права; исходя из этого, они выступают, прежде всего, за развитие программ длительной поддержки. Вторая группа представлена выздоравливающими пациентами и членами их семей; в этом случае для пользователей помощи важен фокус на самоопределении и независимом проживании, повышении качества жизни².

Данные классификации являются, пожалуй, первыми и пока единственными попытками типологизировать все многообразие некоммерческих организаций, работающих в сфере психического здоровья, построенными по единственному основанию, а именно качественному составу участников, а потому нуждаются в серьезной доработке и предложении новых подходов к их группировке.

Главным вопросом, предваряющим любую классификацию, должен стать вопрос об основаниях, на которых эти классификации будут строиться. Учитывая потенциальное многообразие этих оснований, нашей задачей становится выделение факторов, типологизация по которым выглядела бы наиболее интеллигибельной. Беря во внимание приведенные выше характеристики институтов гражданского общества, к числу таких оснований могут быть отнесены масштаб деятельности организаций, субъекты реализации программ, основные направления деятельности, специфика заболевания основных групп клиентов, а также используемые организациями модели финансирования.

Говоря о первом основании, необходимо отметить, что организации могут ограничивать свою деятельность, во-первых, локальными рамками, если речь идет, например, о группах самопомощи, решающих психосоциальные проблемы на уровне муниципальных или даже отдельных территориальных сообществ. Эти мини-организации, являющиеся, по сути, основными звеньями реализации конкретных мероприятий, чаще всего находятся под юридическим патронажем зонтичных структур, обеспечивающих их правовой статус и оказывающих минимальную спонсорскую помощь.

Другой тип организаций – межрегиональные и национальные, чья деятельность выходит за рамки одного субъекта, региона или области и/или распространяется на всю страну. Такие организации имеют ряд характерных отличий. Так, работа в регионах предполагает наличие необходимой филиальной сети, обеспечивающей возможность реализации всего комплекса предусматриваемых организацией мероприятий. Это, в свою очередь, диктует необходимость наличия соответствующих штатов, логистики, взаимодействия между филиалами, финансирования и эффективного менеджмента. Одним из путей решения этих проблем ставится аффилиация разрозненных, но выполняющих схожие функции общественных организаций под единым брендом с привлечением волонтеров из числа бывших пациентов, непосредственных пользователей услуг и членов их семей. Подобная централизация является действенным средством консолидации гражданских и человеческих ресурсов, получает большие возможности для привлечения финансовых средств на организацию постоянно действующих мероприятий.

Третий тип организаций – самый немногочисленный, но самый влиятельный – это организации наднационального масштаба, в большей степени характерные для европейского варианта общественно-гражданских отношений. Интеграционные процессы в Западной Европе с высоким уровнем развития национальных организаций актуализировали потребность выработки единых подходов к их деятельности в условиях совместного функционирования. Масштаб подобных объединений определяет и уровень решаемых задач, которые лежат в сфере психиатрического законодательства, защиты прав человека, стратегиях продвижения своей деятельности в государства, которые ею еще не охвачены, вневедомственного контроля над системами психиатрического обслуживания, а также в попытках влиять на медицинскую политику, в частности в сфере психиатрии. При этом организации данного типа не только являются зонтичными структурами для крупных национальных социально-психиатрических альянсов, но и сами могут быть членами других объединений. Отметим, что организации, относящиеся к данному типу, оказываются самыми молодыми по сравнению с остальными, так как являются детищем интеграционных процессов в Европе, насчитывающих сравнительно короткую историю.

Второе основание для классификации частично относит нас к типологии, предложенной В. С. Ястребовым и коллегами, но мы предлагаем внести в нее значимые, на наш взгляд, дополнения. В качестве основания для классификации мы возьмем субъектов реализации программ организации. В первую группу, бесспорно, войдут объединения, представленные непосредственно психически больными, членами их семей, друзьями и др. Это отражает важность индивидуальной инициативы, стоящей у истоков даже самых мощных институтов гражданского общества. Опыт бывших потребителей психиатрических услуг и их родственников может оказаться бесценным положительным примером для больных со случаями первого психотического эпизода и тех, кто будет осуществлять уход за ними.

Вторая группа организаций будет включать объединения специалистов в сфере медицины, юриспруденции, социальной работы, психологии. Психическая болезнь – это не только отношения, разворачивающиеся по вопросам лечения или охватывающие исключительно больного. Статус психически больного гарантирует определенные права, которые будут реализовываться далеко за пределами больницы, а включенность больного в систему социальных отношений значительно расширяет круг потребителей профессиональной информации.

Третья группа организаций – смешанная. Кажущаяся на первый взгляд очевидность данного типа общественных объединений, получающих все большее распространение, на самом

деле отсылает нас к многообразию решаемых организацией задач. Большинство организаций в своих уставах декларируют многопрофильный характер деятельности, включающий в себя и психообразовательные, и правозащитные, и тренинговые компоненты, что требует привлечения к работе как представителей экспертных сообществ, так и непрофессионалов, обладающих необходимым опытом.

Еще одним основанием для классификации может являться ведущее направление деятельности. Как мы уже отмечали, практически все организации декларируют свою заинтересованность в решении всех проблем, возникающих у психически больных и членов их семей. Однако, как показывает наш анализ, на практике со временем чаще всего выделяется одно доминирующее направление, а все остальные начинают играть второстепенную или дополняющую роль.

Так, детальное исследование системы мероприятий, реализуемых, например, национальным альянсом по защите интересов психически больных (National Alliance for the Mentally Ill) – NAMI (США), позволяет отнести его к категории гражданско-общественных организаций психообразовательного направления. В своей деятельности они охватывают практически все клиентские группы – от непосредственно психически больных и их близких до макросоциального окружения, занимаются, по сути, конструированием социальных проблем, демонстрируя незаинтересованной прежде аудитории реальные масштабы явления.

Повышение осведомленности в совокупности с пропагандируемыми гуманистическими установками в обществе неизменно влекут за собой позитивную коррекцию социальных установок относительно психически больных, что повышает эффективность антистигматизационных мероприятий, являющихся центральным пунктом деятельности еще одной группы организаций. Анализ научных источников, посвященных проблеме стигмы, позволяет увидеть динамику ее дискурса, контекстов употребления этого понятия, а также уровней социальных отношений, на которых она возникает. Это еще один пункт, на который следует обратить внимание. Если в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века речь шла исключительно или преимущественно о межличностных отношениях и в центре анализа стояли нарушения привычных правил взаимодействия³, то возвращение интереса к данной проблеме в последние два десятилетия произошло уже на более высоком социальном уровне. Стало очевидно, что стигматизация на уровне бытового общения – это лишь верхушка айсберга, а основная проблема лежит в сфере законодательной практики, определяющей характер государственной политики в отношении психически больных и членов их семей.

В центре внимания оказались вопросы защиты прав психиатрических пациентов, при-

знание неспособности государственных институтов решить эти проблемы самостоятельно. В результате оформились гражданско-общественные объединения правозащитного направления. Их деятельность также может осуществляться на разных уровнях – от инспекции отдельных школьных классов на предмет наличия специального оборудования для обучения детей с особенностями психического развития до экспертной проверки соответствия социального законодательства государства конвенции ООН по правам инвалидов⁴.

Основное направление деятельности и ее специфика находят свое отражение в организационно-правовой форме общественно-гражданского объединения, являющейся еще одним основанием для классификации. Весь спектр организаций, работающих с психически больными и членами их семей, зарегистрирован Минюстом РФ в реестрах общественных объединений и некоммерческих организаций. В первую группу включаются такие организационно-правовые формы, как общественные организации (например ОООИ «Новые возможности») и общественные фонды (Владимирский областной общественный благотворительный фонд содействия реабилитации психически больных и инвалидов по психическим заболеваниям «Озарение»). Право аккумуляции финансовых ресурсов дает последним возможность направлять их на общественно полезные цели, что расширяет границы их активности.

Вторая группа – некоммерческие организации – представлена такими организационно-правовыми формами, как некоммерческие фонды (например «Даунсад Ап», «Выход») и автономные некоммерческие организации (АНО) (например Ассоциация содействия больным синдромом Ретта). Отметим, что АНО являются новым видом некоммерческих организаций, чье основное отличие от фондов состоит в цели создания, а именно предоставлении услуг, а не концентрации финансовых и иных ресурсов.

Еще одним очевидным и вытекающим из предыдущего основанием для классификации институтов гражданского общества, работающих в сфере психического здоровья, является специфика заболевания целевой группы клиентов. Тезис о том, что больным шизофренией и членам их семей нужны специфические формы помощи и поддержки, отличающиеся от потребностей страдающих, например, маниакально-депрессивным психозом или зависимостями, очевиден. Изначально именно больные шизофренией и их родственники составляли основную группу клиентов, о чем свидетельствует история и названия старейших гражданских объединений в Европе, Северной Америке и Австралии.

Позднее в круг интересов общественных организаций стали включаться семьи страдающих алкоголизмом и иными формами зависимостей,

что было связано с изменением общественного и медицинского взгляда на природу данных явлений. В 1935 г. появилось сообщество анонимных алкоголиков, основной миссией которого и по сей день является содействие в избавлении от алкоголизма при помощи обмена опытом, взаимного мотивирования и эмпатермента. Учитывая отсутствие каких-либо контролирующих или репрессирующих мер по отношению к членам этих групп, большое внимание уделяется их собственной инициативе и ответственному выбору. С 1987 г. организации анонимных алкоголиков существует и в России⁵.

По мере дифференциации диагностики и углубления внимания к особенностям психического развития стали появляться организации, защищающие интересы специфических групп пациентов и членов их семей. Среди таковых необходимо отметить деятельность организаций, занимающихся решением проблем страдающих аутизмом и расстройствами аутистического спектра и демонстрирующих в последние годы необычайно высокий уровень активности. Это связано с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, согласно последним данным, распространенность аутизма оказалась заметно выше, чем предполагалось совсем недавно. В настоящее время, например в США, почти два ребенка из ста (если быть точнее, один из сорока пяти) живут с аутизмом или схожими с ним расстройствами. Данные недавнего времени свидетельствовали об одном особенном ребенке из 68 детей⁶. Идет ли речь о гипердиагностике данного вида нарушений или налицо реальный рост масштабов проблемы – в любом случае активизация деятельности выглядит оправданным шагом. Во-вторых, данная группа заболеваний диагностируется в раннем возрасте и не лишает семью надежд на нормальную социальную интеграцию ребенка посредством создания соответствующей образовательной и коммуникативной среды. Это, в свою очередь, подкрепляет родительскую активность в деле создания таких условий и изменения мнения сообщества относительно психологических особенностей их детей. Наконец, дальнейшее конструирование проблемы как профессиональным медицинским сообществом, так и силами общественных объединений формирует целую индустрию, включающую в себя тренинги, обучающие программы, создание ресурсных центров и классов для развития коммуникативных навыков.

Одной из известнейших общественных организаций, занимающихся поддержкой данного вида семей, является расположенный в США фонд помощи страдающим расстройствами аутистического спектра – Autism Spectrum Disorder Foundation (ASDF), также предлагающий набор специфических для данного нарушения программ с участием не только особенного ребенка, но и членов его семьи⁷. Многочисленные орга-

низации, объединяющие родственников лиц, страдающих аутизмом, существуют и в России. В качестве примера приведем Фонд содействия решению проблем аутизма в России «Выход»⁸.

Еще одним элементом в данной классификации оказываются организации, занимающиеся решением проблем лиц, живущих с синдромом Ретта, редким генетическим заболеванием, проявляющимся, главным образом, в виде психических нарушений. Одной из важнейших задач таких организаций является привлечение внимания к данной группе заболеваний и их носителям, демонстрация перспективы обратимости большей части симптомов и необходимости специфического подхода к их нуждам⁹. Эти организации – новое явление для России, на которое нельзя не обратить внимания.

Наконец, необходимо отметить, что психическое расстройство или интеллектуальная недостаточность не всегда выступают в качестве самостоятельного заболевания, являясь, возможно, самым драматичным, но стоящим в ряду других симптомов, отягощающих какое-либо генерализованное нарушение. Например, нейрокогнитивный дефицит и социальная дезадаптация часто сопровождают синдром Дауна, вследствие чего общественные организации, защищающие права данной группы больных и их окружения, также могут быть включены и в нашу классификацию. Пример организации, занимающейся проблемами детей с синдромом Дауна и поддержкой их семей, – международный фонд Даунсайд Ап, также имеющий свое представительство и в России¹⁰.

Можно предложить и альтернативные основания для классификации, например, модель финансирования или стратегии фандрайзинга, используемые общественной организацией. Самый доступный источник – это самофинансирование или членские взносы. Чаще всего такую модель используют либо простые группы самопомощи, небольшие или находящиеся на начальных этапах своего функционирования организации, либо общественные объединения, проводящие разовые мероприятия, не требующие больших затрат. Другой вариант – грантовое финансирование или, как мы ее обозначили бы, оппортунистическая модель, позволяющая организации существовать на определенном уровне активности какое-то время, равное сроку предоставления гранта. Минус подобной модели очевиден – организация может прекратить работу в случае, если к моменту исхода одного гранта она не получила следующего. Справедливости ради отметим, что в результате нашего исследования было выявлено немало организаций, вполне успешно на протяжении достаточно долгого времени функционирующих в рамках данной модели финансирования.

Следующая модель – спонсорская, заключающаяся в получении достаточно регулярных

траншей от компаний-партнеров, чаще всего заинтересованных в клиентах этих организаций как в потребителях их продукции. Объемы этих трансфертов могут значительно превышать суммы, получаемые от членских взносов и пожертвований частных лиц.

Наконец, еще одна модель, назовем ее сметная, когда учредителем общественной организации является какая-либо бизнес-структура, осознавшая свою социальную ответственность, что можно назвать явлением, весьма характерным для России. В этом случае организация получает практически неограниченные финансовые ресурсы. В качестве примера можно привести проект российского благотворительного фонда «Добрый век», цель деятельности которого определена организаторами как «вернуть людей, страдающих психическими расстройствами, к трудовой и социальной жизни, изменить отношение общества к ним и их собственное отношение к своей болезни»¹¹. Стоит отметить, что данная организация, существующая с 2004 г., входит в пятерку крупнейших частных благотворительных фондов России.

Классификация по данному параметру все же представляется вспомогательной, поскольку не отражает специфики активности гражданских организаций в сфере психического здоровья как такового, работы с психически больными клиентами и членами их семей и является общим пунктом практически для всех общественных объединений.

Особенности возникновения, функционирования и развития общественных организаций могут дать немало других общих оснований для дальнейшей типологизации. Например, по характеру возникновения можно выделить стихийные и директивные организации, использовавшие в ходе своей институционализации административные ресурсы.

Некоторые организации, действующие на территории Российской Федерации, являются частью крупных международных объединений и могут пользоваться их поддержкой при проведении различных акций. В любом случае многообразие гражданско-общественных структур,

работающих в сфере психического здоровья, красноречиво свидетельствует о наличии социального запроса на их деятельность и показывает основные направления дальнейшего развития.

Примечания

- ¹ Ястребов В. С. Общественные движения в психиатрии / В. С. Ястребов, Т. В. Зозуля, Т. С. Верещугина, А. Ю. Сосновский, Л. В. Беседина // Реформы службы психического здоровья : проблемы и перспективы : материалы междунар. конф., 21–22 октября 1997 г. : сб. М., 1997. С. 199.
- ² См.: Былим И. А., Любов Е. Б. Пациенты и их близкие: оценка качества психиатрической помощи // Психическое здоровье. 2010. № 8. С. 56–71.
- ³ См.: Scheff Thomas J. Being Mentally Ill : A Sociological Theory. 3rd ed. N. Y., 1999.
- ⁴ См. официальный сайт Европейской сети актуальных и бывших психиатрических пациентов: European Network of (Ex-) Users and Survivors of Psychiatry. URL: <http://www.enusp.org/> (дата обращения: 06.08.2015).
- ⁵ См.: Анонимные алкоголики в России : [сайт]. URL: <http://www.aarus.ru/> (дата обращения: 05.08.2015).
- ⁶ См.: Аутизм у одного из 45 – новые данные о распространенности РАС. URL: <http://outfund.ru/autizm-u-odnogo-iz-45-novye-dannye-o-rasprostranennosti-ras/> (дата обращения: 07.02.2016).
- ⁷ См. официальный сайт Фонда помощи страдающим расстройствами аутистического спектра: Autism Spectrum Disorder Foundation (ASDF). URL: <http://www.myasdf.org/site/> (дата обращения: 06.08.2015).
- ⁸ См.: Фонд содействия решению проблем аутизма в России «Выход» : [сайт]. URL: <http://outfund.ru> (дата обращения: 02.02.2016).
- ⁹ См.: Ассоциация синдрома Ретта : [сайт]. URL: <http://rettsyndrome.ru> (дата обращения: 07.02.2016).
- ¹⁰ См. официальный сайт Российского отделения Международного фонда помощи детям с синдромом Дауна и членам их семей: Даунсайд Ап – помощь детям с синдромом Дауна. URL: <https://downsideup.org/ru> (дата обращения: 06.02.2016).
- ¹¹ Лабиринты разума : [сайт]. URL: <http://mindlabyrinth.ru/> (дата обращения: 06.02.2016).

УДК 316.023.6 +311.16

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЯНИМИ ЗНАЧИМОСТИ ЗДОРОВЬЯ: КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

К. В. Мохнаткина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kse339@yandex.ru

В статье по результатам эмпирического социологического исследования проведен корреляционный анализ сопряженности ценностной значимости здоровья и таких факторов, как место жительства, состояние здоровья, гендерная идентичность, семейный и детский статусы, образование, доход. Каждая из этих характеристик в отдельности обладает слабым уровнем влияния и нередко – разнонаправленными векторами воздействия. Однако вместе они имеют кумулятивный эффект на интерпретацию значимости здоровья. Это подчеркивает расхождение идеологии важности здравоохранительного поведения и реальных индивидуальных установок населения.

Ключевые слова: здоровье как ценность, факторы, культура самосохранения, корреляция.

Correlation Analysis of the Interpretation of Health as Russians Value

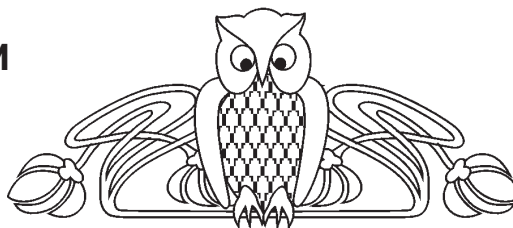
K. V. Mohnatkina

In the article based on the results of empirical sociological research conducted by correlation analysis of coupling value relevance of health and factors such as place of residence, health status, gender identity, family and children's status, education, income. Each of these features separately, low level of influence and often-multi-directional vectors exposure. However, they have a cumulative effect on interpretation of relevance to health. This underlines the importance of ideology difference health behaviour and real individual people.

Key words: health as a value, factors, culture of self-preservation, correlation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-170-177

В последние годы во всем мире все большую тревогу вызывает рост неблагоприятных тенденций в состоянии здоровья населения. Ежегодно в нашей стране регистрируется 180–190 млн случаев заболеваний населения острыми и хроническими болезнями. За последние несколько лет уровень первичной заболеваемости вырос на 12% (общая заболеваемость населения – на 15%). Ухудшение здоровья населения является одной из наиболее важных проблем современного российского общества. Тревожная экологическая ситуация, условия экономического кризиса, ослабляющие материальную базу здравоохранения, трансформация ценностных ориентаций – все это лишь часть факторов, оказывающих негативное влияние на здоровье населения. Поэтому не случайно проблемы со-

хранения здоровья, изучения его с точки зрения различных параметров (семейного, социального, культурного, экономического, этнического) находятся в поле зрения многих исследователей XXI в. (М. Э. Елютина, Т. В. Кулакова¹, И. Б. Назарова², А. В. Решетников³, В. С. Тапилина⁴). Однако чаще всего неправильное поведение людей по отношению к своему здоровью является причиной их болезней. В связи с этим особую актуальность приобрел ценностный аспект здоровья населения и его факторы. Этим и обусловлено проведение в 2015 г. социологического опроса методом анкетирования населения 7 субъектов Российской Федерации. Объем целевой выборки пациентов амбулаторных медицинских учреждений составил 801 человек.

Здоровье для большинства опрошенных (61%) выступает как главная жизненная ценность. Особенно это касается жителей Татарстана, где это мнение высказали 67% респондентов. На втором месте – население Ростовской области (64%), на третьем – Башкирии (61%), на четвертом – Саратовской области (60%), на пятом – Ульяновской области (59%). Замыкают список Мурманская (54%) и Ленинградская (49%) области. Однако почти каждый третий саратовец (29% против средней величины – 23%) готов забыть о здоровье ради заработка. Меньше всего таковых в Татарстане (18%). 12% опрошенных полагают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями. Чаще других так считают жители Ленинградской (21% против средней величины – 12%) и Мурманской (20%) областей. Реже всего – в Ростовской (6%) и Саратовской (10%) областях. Только 3% опрошенных склонны считать, что здоровье не очень важно, есть нечто важнее. Однако в Ленинградской, Ростовской областях и в Башкирии таковых 5%. 2% россиян считают, что здоровье – не самое главное, важно жить, не ограничивая себя ни в чем. Однако в Мурманской области таковых в 2,5 раза больше (5%).

Отношение к важности здоровья несколько различается в зависимости от места проживания населения (табл. 1). Так, на селе чаще здоровью придают большее значение (65,1%). Чуть меньше этот показатель в деревне (60%). Возможно, это связано с тем, что риск заболеть здесь сопрягается с трудностью выживания без физического труда и труднодоступностью медицинской помощи. На третьем месте – население областных городов, где здоровье ценят 59,8%. Последние

Таблица 1

Влияние типа населенного пункта на значение здоровья для респондента, % по категории населенного пункта

Значение здоровья	Тип населенного пункта					По выборке
	областной город	районный город	поселок городского типа	село	деревня	
Здоровье – самое главное в жизни	59,8	56,9	57,3	65,1	60,0	60,4
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	22,6	21,9	28,0	21,4	40,0	22,9
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	12,1	15,3	12,2	7,8	0,0	11,6
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	3,5	3,6	0,0	3,1	0,0	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	1,9	2,2	2,4	2,1	0,0	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,0	0,0	0,0	0,5	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

места занимают жители поселков городского типа (57,3%) и районных центров (56,9%). Пренебречь здоровьем ради заработка чаще других готовы деревенские жители (40%) и население поселков городского типа (28%); реже других – жители сел (21,4%) и районных центров (21,9%). Последние чаще других полагают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями (15,3 против 11,6% по выборке). Таким образом, чем меньше населенный пункт, тем более важным представляется его жителям здоровье. Однако наряду с этой основной тенденцией выявлено, что чем меньше населенный пункт (за исключением сел и деревень), тем чаще встречается мнение о том, что важны не здоровье, а полнота жизни в целом. Взаимовлияние этих векторов не позволяет рассчитать силу действия данных факторов в корреляционных коэффициентах.

Возможно, существует зависимость между тем, что заставляет задумываться респондентов о своем здоровье, в частности, ухудшением самочувствия и отношением к ценностной значимости здоровья. Однако данные перекрестной табл. 2 показывают разнонаправленные векторы

этой связи. Так, к здоровью как самой главной ценности в жизни относятся 60% только что заболевших людей, 55% – столкнувшихся с рецидивом заболевания, 64% – имеющих хронические заболевания и 67% тех, чья болезнь носит прогрессирующий характер. Здесь можно сказать, что чем тяжелее болен человек, тем выше он ценит здоровье. Однако 23% опрошенных полагают, что здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка. А среди тех, кто подвержен рецидивам, доля таковых выросла до 36%. Еще нагляднее тот факт, что 12% опрошенных считают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями. Причем чем хуже здоровье, тем менее распространен этот взгляд на здоровье. Проверим это с помощью коэффициентов корреляции.

В связи с большим количеством нулевой заполненности ячеек здесь нецелесообразно применять коэффициент хи-квадрат. Табл. 3 симметричных мер содержит одновременно три коэффициента корреляции – сопряженности, R Пирсона и корреляция Спирмена. В колонке «Значение» расположены значения соответствующих коэффициентов, а в последней колонке

Таблица 2

Влияние степени заболевания на значение здоровья для респондента, % по уровню заболеваемости

Значение здоровья для респондента	Степень заболевания				По выборке
	впервые выявленное	рецидив	хроник	прогрессирующее	
Здоровье – самое главное в жизни	60	55	64	67	61
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	23	36	21	0	23
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	12	9	8	0	12
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	3	0	5	33	3
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	2	0	3	0	2
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0	0	0	0	0

Таблица 3

Коэффициенты корреляции по таблице 2

Симметричные меры	Значение	Асимптотическая стандартная ошибка	Приблизительная точность (Тб)	Приблизительная значимость
Коэффициент сопряженности	0,129	–	–	0,564
R Пирсона	0,002	0,039	0,047	0,963
Корреляция Спирмена	-0,009	0,035	-0,255	0,799

(приблизительная значимость) – уровни значимости для проверки гипотез о равенстве нулю этих коэффициентов.

Находящееся в последней колонке значение имеет смысл сравнить с традиционным уровнем значимости ($\alpha = 0,05$). Если (как в данном случае) наше значение больше α , нулевую гипотезу следует принять. Из табл. 3 видно, что на уровне стандартной значимости ($\alpha = 0,05$) следует принять гипотезу о равенстве нулю всех трех коэффициентов, так как все значения в колонке приблизительной значимости превосходят 0,05. Иными словами, непосредственной связи между состоянием здоровья и пониманием его ценности как стратегического ресурса нет. Авторская изначальная гипотеза о том, что между переменными «значимость здоровья» и «уровень заболеваемости как повод задуматься о здоровье» есть зависимость, не подтвердилась.

Табл. 3 содержит еще две колонки, одна из которых – асимптотическая стандартная ошибка (Asymp. Std. Error) – предназначена дать информацию, необходимую для построения доверительных интервалов: 68%-ный доверительный интервал дает одну стандартную ошибку, 95%-ный доверительный интервал – две стандартные ошибки. Графа «Приблизительная Тб» (Approx. T) – приблизительная точность – вспомогательная и обозначает отношение значения коэффициента к величине его стандартной ошибки. Фактически данный показатель Тб отражает, как соотносится измеренное значение с ошибкой измерения, и характеризует то, насколько мы

можем доверять полученным коэффициентам. Таким образом, чем больше значение «Приблизительная Тб», тем выше качество полученного измерения. Из приведенных коэффициентов сопряженности видно, что у них есть очень существенный недостаток – в том случае, когда все модальные частоты лежат в одной колонке либо в одной строке таблицы, соответствующие коэффициенты всегда обращаются в ноль. Таким образом, равенство нулю коэффициентов – это необходимое, но не достаточное условие для независимости переменных, образующих табл. 2. Можно предположить, что здесь есть связь, но она не носит непосредственного и сильного характера.

Следующим фактором, который может влиять на степень значимости здоровья, является возраст (табл. 4). Большинство опрошенных согласны с тем, что здоровье – самое главное в жизни (60,5%). Особенно это ценят в возрасте 61–70 лет. Однако из этого вектора выпадают те, кому 31–50 лет. Они ценят здоровье меньше, чем более молодые и более старшие. 24–30- и 31–40-летние чаще других полагают, что здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка (соответственно 26,3 и 25,6% при средней распространенности этого мнения у 22,6%). Подростки до 18 лет почти в четыре раза чаще других (11,7%) считают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями (40,0%). 41–50-летние в два раза чаще других говорят о том, что здоровье – не самое главное, они живут, не ограничивая себя ни в чем. В связи

Таблица 4

Влияние возраста на значение здоровья для респондента, % по возрастным категориям

Значение здоровья для респондента	Возраст респондента								По выборке
	до 18	18–23	24–30	31–40	41–50	51–60	61–70	70 и более	
Здоровье – самое главное в жизни	50,0	62,8	61,3	57,3	57,9	62,9	80,6	66,7	60,5
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	10,0	21,3	26,3	25,6	22,3	19,8	12,9	8,3	22,6
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	40,0	14,9	10,2	13,1	12,4	7,8	6,5	0,0	11,7
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	0,0	1,1	0,7	3,5	3,5	5,2	0,0	16,7	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	0,0	0,0	0,7	0,5	4,0	4,3	0,0	8,3	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

с большим количеством нулевой заполненности ячеек здесь также нецелесообразно применять коэффициент хи-квадрат. Однако коэффициент сопряженности здесь составил 0,253 при приблизительной значимости 0,017. Это показывает, что отношение к здоровью в небольшой мере, но связано с возрастом. В основном с возрастом, как показывают данные, ценность здоровья увеличивается.

Данные табл. 5 свидетельствуют, что отношение к здоровью как самому главному в жизни больше свойственно женщинам (67,4%), чем мужчинам (56,8%). Мужчины чаще готовы забыть о нем ради заработка (25,2%) или других вещей. Гипотеза о том, что между переменными «пол» и «оценка значимости здоровья» есть зависимость, подтвердилась (табл. 6). Об этом свидетельствует то, что полученное значение хи-квадрат – 15,6, при степени свободы 5 и уровне асимптоматической значимости, близком к нулю (0,008).

Это подтверждается еще тем, что значения показателей корреляции (коэффициенты R Пирсона, Спирмена) лежат в интервале значения от 0 до 1 (табл. 7), следовательно, связь между этими показателями существует, причем линейная, но слабая. Таким образом, гендерная идентичность в определенной степени (0,138) влияет на интерпретацию здоровья как главной жизненной ценности.

Среди лиц с разным семейным статусом (табл. 8) больше других здоровье ценят вдовы и вдовцы (69,6%). Готовы забыть о нем ради заработка чаще других разведенные респонденты (26,2% при средней доле таковых в 22,5%) и живущие в незарегистрированном браке (31,3%). Неженатые (незамужние) и вдовствующие респонденты чаще других готовы пожертвовать здоровьем ради работы, развлечений (соответственно 13,5 и 15,2%). Данные показывают, что одинокие категории населения отличаются самым большим пренебрежением к своему здоровью. Таким образом, нестабильный семейный статус или отсутствие такового отчасти способствуют снижению значимости здоровья, выдвигая на первый план другие приоритеты. Чем стабильнее семейное положение, тем выше значимость здоровья. Однако это влияние не настолько значимо, чтобы отражаться в коэффициентах корреляции.

Наличие детей также способствует различному отношению к ценности здоровья (табл. 9). Больше других это понимают те, у кого два ребенка (67,6% опрошенных при средней доле в 60,8%). Однако каждый четвертый родитель, имеющий троих и более детей (25,0%), готов пожертвовать здоровьем ради заработка. Также думают и почти столько же родителей, имеющих одного ребенка (24,1%). Ради работы, отдыха, развлечения готовы пожертвовать здоровьем

Таблица 5

Влияние гендера на значение здоровья, % по полу

Значение здоровья для респондента	Пол респондента		По выборке
	мужской	женский	
Здоровье – самое главное в жизни	56,8	67,4	60,5
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	25,2	17,7	22,6
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	11,4	12,4	11,7
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	3,5	2,1	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	2,9	0,4	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,2	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 6

Критерии хи-квадрат по таблице 5

Показатели	Значение	Степень свободы	Асимпт. значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	15,600	5	0,008
Отношение правдоподобия	17,857	5	0,003
Линейно-линейная связь	8,465	1	0,004

Таблица 7

Симметричные меры по таблице 5

Показатели	Значение	Асимптотическая стандартная ошибка	Приблизительная точность (Тb)	Приблизительная значимость
R Пирсона	-0,103	0,032	-2,923	0,004
Корреляция Спирмена	-0,100	0,034	-2,832	0,005

Таблица 8

Влияние семейного статуса на значение здоровья для респондента, % по семейному положению

Значение здоровья для респондента	Семейное положение					По выборке
	женат (замужем)	холост (незамужем)	разведен(а)	незарегистрированный брак	вдовец (вдова)	
Здоровье – самое главное в жизни	62,4	60,2	58,2	54,2	69,6	60,6
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	21,4	21,6	26,2	31,3	8,7	22,5
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	11,4	13,5	8,2	10,8	15,2	11,8
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	3,1	1,9	4,1	3,6	4,3	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	1,7	2,3	3,3	0,0	2,2	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 9

Влияние детности на значение здоровья для респондента, % по наличию детей

Значение здоровья для респондента	Наличие и количество детей				Итого
	нет детей	один ребенок	два ребенка	трое детей и более	
Здоровье – самое главное в жизни	61,2	55,5	67,6	56,7	60,8
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	22,8	24,1	19,2	25,0	22,4
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	13,0	13,5	9,4	6,7	11,7
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	2,2	3,7	2,3	6,7	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	0,4	3,3	1,4	5,0	1,9
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,4	0,0	0,0	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

13,0% бездетных россиян и 13,5% родителей, имеющих одного ребенка. Здоровье как не очень важный компонент жизни в два раза чаще других расценивают многодетные родители (6,7% опрошенных данной категории при среднем показателе 3,0%). Кроме того, именно среди них (5,0%), а также среди однопородных родителей (3,3%) чаще всего встречается мнение о том, что здоровье – не самое главное, нужно жить, не ограничивая себя ни в чем. И только среди бездетных изредка встречается готовность пожертвовать здоровьем ради спасения души (0,4%). Иными словами, наличие детей способствует пониманию большой значимости здоровья. Однако эти различия не носят характера линейной жесткой зависимости от наличия или количества детей, они, видимо, опосредованы другими обстоятельствами, поэтому не проявляются в коэффициентах корреляции.

Особую значимость здоровья лучше всего понимают те, как показывают результаты опроса (табл. 10), чья семья состоит из 4, 5 или 8 человек (соответственно 65, 66 и 83%), так как они,

видимо, чаще сталкиваются с различными заболеваниями своих родственников. Готовы забыть о здоровье ради заработка чаще те, с кем проживают 2 (28%), 6 (41%) или 7 родственников (36%). Однако эти различия не носят характера линейной зависимости. С некоторой осторожностью можно сказать, что чем больше семья, тем реже полагают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями. Чем меньше семья, тем меньше ценится здоровье. Можно предположить, что на отношение к своему здоровью влияют и другие факторы.

Анализ влияния образовательного уровня на отношение к здоровью как ценности (табл. 11) показал, что чаще других здоровье как главную ценность отмечают россияне с высшим образованием (64,5%) и лица с ученой степенью (100,0%). Меньше других с тезисом о том, что это – главное в жизни, согласны респонденты с неоконченным высшим (56,4%) и неполным средним (59,7%) образованием. Можно предположить, что среди них значительную долю составляют учащиеся и студенты, которые ставят

Таблица 10

Влияние количества членов семьи, проживающих вместе, на значение здоровья для респондента, % по количеству членов семьи

Значение здоровья для респондента	Количество членов семьи, проживающих с респондентом									По выборке
	1	2	3	4	5	6	7	8	10	
Здоровье – самое главное в жизни	56,0	60,0	61,0	65,0	66,0	55,0	55,0	83,0	50,0	61,0
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	21,0	28,0	20,0	20,0	21,0	41,0	36,0	17,0	0,0	23,0
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	15,0	7,0	14,0	12,0	11,0	5,0	9,0	0,0	0,0	12,0
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	3,0	2,0	3,0	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0	50,0	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	4,0	2,0	1,0	1,0	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,0	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 11

Влияние образовательного уровня на значение здоровья для респондента, % по образованию

Значение здоровья для респондента	Образование респондента							По выборке
	неполное среднее	общее среднее	профессиональное училище	средне-техническое (техникум)	незаконченное высшее	высшее	ученая степень	
Здоровье – самое главное в жизни	59,7	60,3	60,3	60,9	56,4	64,5	100,0	60,5
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	30,2	21,8	20,1	21,0	20,5	21,1	0,0	22,6
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	4,7	12,8	15,1	11,6	15,4	11,8	0,0	11,7
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	4,0	1,7	2,7	2,9	7,7	2,6	0,0	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	0,7	3,4	1,8	3,6	0,0	0,0	0,0	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

перед собой иные задачи. Другими словами, чем выше уровень образования, тем больше здоровье воспринимается как главная ценность.

Готовность пожертвовать здоровьем ради заработка чаще встречается среди россиян с неполным средним образованием (30,2 против 22,6% в среднем). Мнение о том, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями, чаще других встречается среди лиц с незаконченным высшим образованием (15,4%) и окончивших профессиональное училище (15,1 против 11,7% по выборке). Здоровье как не очень важный аспект жизни более чем в два раза чаще отмечают респонденты с незаконченным высшим образованием (7,7 против 3,0% по выборке). Стремление ни в чем не ограничивать себя даже в ущерб здоровью в большей степени отличает представите-

лей со средне-техническим образованием (техникум) – 3,6 против 2,0% по выборке.

В соответствии с величиной прожиточного минимума за 2015 г.⁵ (10 017 рублей – в целом по Российской Федерации), соотносимого с величиной совокупного среднемесячного дохода семьи (в пересчете на одного ее члена), для уточнения влияния дохода на значимость здоровья в ходе обработки данных было выделено 5 кластеров (табл. 12).

К нищим были отнесены лица, чей доход составляет до 5000 руб. в месяц на одного человека. Респонденты с доходом 5000–10 000 руб. были отнесены к категории бедных. Лица с доходом 10 001–15 000 руб. в месяц на одного человека были отнесены к категории средних; с доходом 15 001–25 000 руб. в месяц – к категории

Таблица 12

Влияние дохода на значение здоровья для респондента, % к доходу

Значение здоровья для респондента	Доходные категории					По выборке
	нищие	бедные	средние	состоятельные	богатые	
Здоровье – самое главное в жизни	61,0	66,7	56,1	50,7	58,6	60,5
Здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка	23,3	19,0	28,1	24,7	18,6	22,6
Здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями	8,8	11,6	15,8	19,2	20,0	11,7
Здоровье для меня не очень важно, есть нечто важнее	4,6	0,7	0,0	2,7	0,0	3,0
Здоровье – не самое главное, живу, не ограничивая себя ни в чем	2,2	1,4	0,0	2,7	2,9	2,0
Пожертвую здоровьем ради спасения души	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

состоятельных; с доходом 25 001 руб. и выше – к категории богатых.

Выяснилось (табл. 12), что бедная категория населения больше других оценивает важность здоровья как главной своей ценности (66,7%). Мнение о том, что здоровье важно, но иногда можно забыть о нем ради заработка, чаще других разделяют состоятельные (24,7%) и средние доходные категории (28,1% при среднем 22,6%). В то же время богатые (20,0%), состоятельные (19,2%) и средние доходные категории (15,8% при среднем 11,7%) полагают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями. Иными словами, чем выше доходная категория населения, тем чаще оно готово жертвовать здоровьем ради заработка, развлечений. С одной стороны, видимо, здесь отчасти кроется причина их успешности, а с другой – это свидетельствует о низкой культуре здравоохранительных установок россиян.

Среди состоятельных и богатых россиян чаще других встречается стремление жить, не ограничивая себя ни в чем, даже в ущерб своему здоровью. Среди нищих чаще других (4,6% при среднем 3,0%) встречается мнение, что здоровье – не самое важное в жизни. Гипотеза о том, что между переменными «доход» и «оценка значимости здоровья» есть зависимость, подтвердилась. Об этом свидетельствует то, что полученное значение хи-квадрат равно 33,202 при степени свободы 20 и уровне асимптотической значимости, близком к нулю (0,032). Это подтверждается еще и тем, что значения показателей корреляции лежат в интервале значения от 0 до 1. Коэффициент сопряженности составляет 0,2 при значимости 0,032. Следовательно, связь между этими показателями существует, причем линейная, но слабая: чем ниже уровень дохода, тем больше осознается ценность здоровья как значимого стратегического ресурса.

Таким образом, корреляционный анализ сопряженности ценностной значимости здоровья и таких случайно выбранных признаков, как место жительства, состояние здоровья, гендерная

идентичность, семейный и детный статусы, образование, доход, показали, что каждый из них в отдельности обладает слабым уровнем воздействия и нередко – разнонаправленными векторами. Так, чем меньше населенный пункт, тем чаще здоровье выступает как главный стратегический ресурс выживания. Однако наряду с этой основной тенденцией выявлено, что чем меньше населенный пункт (за исключением сел и деревень), тем чаще встречается мнение о том, что важно не здоровье, а полнота жизни в целом.

Вместе с тем отмечено, что чем тяжелее болен человек, тем выше он ценит здоровье. С возрастом ценность здоровья увеличивается. Нестабильный семейный статус или отсутствие такового отчасти способствуют снижению значимости здоровья, выдвигая на первый план другие приоритеты. Чем стабильнее семейное положение, тем выше значимость здоровья. Наличие детей также способствует пониманию большой значимости здоровья. Чем больше семья, тем реже полагают, что здоровье важно наряду с работой, отдыхом, развлечениями. Чем меньше семья, тем меньше ценится здоровье. С ростом уровня образования здоровье начинает цениться больше. Наиболее сильным влиянием, как выяснилось, отличаются гендерная идентичность и доход. Чем выше доходная категория населения, тем чаще оно готово жертвовать здоровьем ради заработка, развлечений, что свидетельствует о низкой культуре самосохранения. Чем ниже уровень дохода, тем больше осознается ценность здоровья как значимого стратегического ресурса. При этом (при слабом воздействии каждого фактора в отдельности) их влияние имеет коммулятивный эффект, накладываясь, видимо, на распространенность уже сформированного в социуме стереотипа о значимости здоровья. Однако колебания и разновекторность влияния данных факторов еще раз подчеркивает расхождение идеологии важности здравоохранительного поведения и реальных индивидуальных установок населения.

Примечания

- 1 См.: Кулакова Т. В. Социальное здоровье молодежи : понятия и определения // Здоровый образ жизни для всех возрастов (материалы Всероссийской научно-практической конференции) : сб. науч. ст. / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов, 2007. С. 152–156.
- 2 См.: Назарова И. Б. Здоровье российского населения : факторы и характеристики (90-е годы) // Социс. 2003. № 11. С. 57–69.

- 3 См.: Решетников А. В. Медико-социологический, мониторинг. М., 2003.
- 4 См.: Тапилина В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социс. 2004. № 3. С. 126–137.
- 5 См.: О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации во II квартале 2015 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free /B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/179.htm (дата обращения: 15.08.2015).

УДК [316.36+316.48](470+571+1)

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

Н. Ю. Кравченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

Рассматриваются различные конфликты, связанные с проблемой конструирования и формирования гражданской идентичности. Конфликтные зоны, на взгляд автора, заключены в различных цивилизационных основаниях, западноевропейских и российских, отсутствии целостности гражданской идентичности. Автор предлагает исследовательский методологический инструментарий – модель исследования гражданской идентичности в целостности «Я-телесного», «Я-рационального», «Я-психического». На примере состояния гражданской идентичности современной молодежи показан способ диагностики конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: гражданская идентичность, цивилизационный подход, модель формирования гражданской идентичности, конфликтные ситуации.

Civil Identity as a Condition of a Society's Conflictogenity Decrease

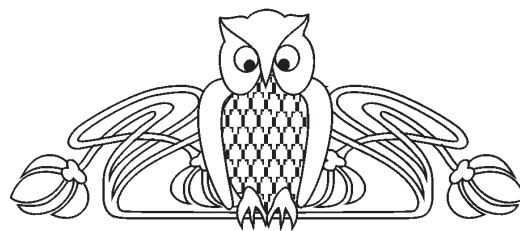
N. Yu. Kravchenko

The considers various conflicts connected with a problem of designing and formation of civil identity. Conflict zones, in the author's opinion, are concluded in various civilization bases Western European and Russian; lack of integrity of civil identity. The author offers research methodological tools – model of research of civil identity in integrity «I-corporal», «I-rational», «I-mental». On the example of modern youth's civil identity the way of conflict situations diagnostics of is shown.

Key words: civil identity, civilization approach, model of formation of civil identity, conflict situations.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-177-180

В начале XXI в. руководство Российской Федерации предложило взять ориентир на построение гражданского общества. В этой связи на первый план вышла задача формирования гражданской идентичности, решение которой, по за-

явлению президента В. В. Путина, – необходимое условие для сохранения единства страны¹.

В последние годы эта проблема разрабатывается на теоретико-методологическом уровне представителями общественных наук, также активную работу по проведению мероприятий, направленных на воспитание гражданской идентичности молодежи, ведут педагоги.

Востребованность гражданской идентичности объясняется потребностью обеспечить «интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина политкультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, свободу его самовыражения на основе учета многообразия социальных установок, норм и ценностей»². Следовательно, работа, которую ведут педагоги, актуальна и необходима. При ее осуществлении, на наш взгляд, следует учитывать конфликтность, заложенную в данном феномене.

В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на то, что конструкт гражданской идентичности принадлежит западноевропейской цивилизации, отличной от российской.

В работах классиков цивилизационного подхода Н. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона, О. Шпенглера и современных авторов мы находим описание различных базисных цивилизационных оснований.

Идентичность не может быть абстрактной, вневременной, внесоцикультурной. Гражданская идентичность в Европе развивалась как часть культуры. С. Хантингтон, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций, рассматривая культурно-исторические условия, сделавшие западного гражданина приверженцем индивидуальной свободы, обращает внимание на то, что эти условия по отдельности присущи и другим цивилизациям, но только в их сочетании они придали Западу его отличительные особенности.

Романо-германский культурно-исторический тип основывается на греческой философии и римском праве. Христианство (католицизм и протестантизм) развили в индивидах способность к внутреннему созерцанию, интроспекции, что способствовало индивидуализации. С. Хантингтон обращает внимание на такие факторы, как разделение духовной и светской власти, представительная власть с тысячелетней историей и самоуправление городов, т. е. автономия на местном уровне. Господство закона сформировало уважение к личности, социальный плюрализм и гражданское общество. Эти условия способствовали росту индивидуализма и создали атомарно-гражданина Запада³.

Н. Данилевский определяет сложившийся на территории России культурно-исторический тип как славянский, А. Тойнби, С. Хантингтон – как русско-православную цивилизацию.

В отечественной науке достаточно хорошо проработаны цивилизационные отличия, в большей степени способствовавшие формированию полланической, а не гражданской идентичности.

Среди таких особенностей А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко отмечают, что, унаследовав от Византии Православие, Русь не стала наследовать право, мы не только ни в один исторический период не наблюдаем господства закона, но и не видим особых взаимоотношений с законом. Свобода понималась как воля, т. е. свобода без ответственности. В изначально слабо развитых городах самоуправление если и существовало кратковременные периоды, то не закрепились⁴.

Православие подкрепляло мессианство, цель бытия – воплощение замысла Бога, вместо западного индивидуализма сформировалась соборность (целостность народной, общественной и государственной жизни).

Также исследователи фиксируют, что на всех исторических этапах развитие индивидуального начала и творческой самоактуализации личности в России блокировалось. Следовательно, в России никогда не будет гражданской идентичности и гражданского общества, полностью совпадающих по своей сути с западными.

К чему апеллируют российские политики всех уровней, призывая формировать гражданскую идентичность у подрастающего поколения? По сути, они призывают к попытке привить на российской почве западноевропейский конструкт, разработанный западными философами в рамках теории общественного договора, гражданского общества и правового государства.

С одной стороны, у нас есть доказательство Н. Данилевского, который говорил: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему, предшествующих или современных, цивилизаций»⁵. С другой

стороны, история сложена из огромного количества примеров присвоения или потребления изначально чуждых культур, но модернизация может быть экстенсивной или интенсивной. Первая ограничивается присвоением результатов инноваций, вторая, помимо этого, вырабатывает посредством собственного социокультурного творчества способность к инновациям.

Экстенсивно конструкт гражданского общества уже заимствован, реализация интенсивного варианта потребует более кардинальных изменений во всех сферах жизни общества. То есть гражданское общество и гражданская идентичность западного типа как коды, присущие романо-германской цивилизации, не смогут быть скопированы, они способны заимствоваться в той или иной степени.

Следующий конфликт мы обозначим как конфликт внутреннего баланса, связанный с сущностью гражданской идентичности. Для того чтобы его пояснить, опишем компоненты предлагаемой нами модели формирования гражданской идентичности.

Трехкомпонентные структуры индивидуального субъекта разрабатывались А. Фрейдом, Э. Эриксоном, О. Контом, М. Смитом и многими другими. В качестве социально-психологического интегративного феномена «Я-концепция» представлена в трудах И. Кона, Л. Митина, Т. Шибутани и др.

Применяя трехкомпонентную структуру идентичности и используя наработки авторов «Я-концепции», мы хотели бы сфокусировать внимание на социальной природе гражданской идентичности. Не выходя за пределы логики структуры идентичности, состоящей из трех элементов: когнитивного, ценностного и эмоционального-аффективного, мы предлагаем следующие компоненты модели формирования гражданской идентичности.

Первый компонент гражданской идентичности мы обозначаем как «Я-рациональное».

Нам бы хотелось подчеркнуть, что весь комплекс знаний об объекте носит целе-рациональный характер и основа селекции информации – частный интерес.

Как справедливо указывает американский философ Р. Вольф, рациональной базой легитимности государства становится общественный договор, с его помощью устанавливаются в какой-то степени даже рыночные отношения между гражданином и государством. Выгодоприобретателями в результате становятся все граждане государства⁶. Этот компонент наполнен представлениями об отношениях между гражданином и государством. Гражданин рационально понимает свою выгоду в этих отношениях. У него есть идеальные представления о характере этих взаимоотношений и реальный опыт.

Помимо этого, «Я-рациональное» будет отражать комплекс знаний о нормах поведения

«нормального гражданина», это знания о нормах, разрабатываемых феноменологами, этнометодологами, «опыт обыденного сознания людей»⁷.

Идея гражданского общества получает свое практическое воплощение в форме гражданской рациональности – системы устойчивых, общепринятых представлений об этом обществе.

Выдающийся британский философ Р. Харре выделяет дискурсивную природу «Я» и рассматривает его как продукт различных дискурсивных практик. Основа этих практик, на наш взгляд, закладывается через «Я-рациональное»⁸.

Второй компонент гражданской идентичности мы обозначили «Я-психическое». Он наполнен, помимо патриотических чувств по отношению к Родине, которые будут включать любовь к природе, землякам, стране, месту рождения и т. п., чувство ответственности за государство, а также гордости или стыда.

И третий компонент модели – «Я-телесное» – позволяет выявить состояние социальной идентичности в сфере гражданственности. Основоположники теории социальной идентичности Г. Тэшфел и Д. Тернер определяли социальную идентичность как направление индивидуального знания о принадлежности к социальной группе⁹. Этот аспект мы понимаем не только как судьбину, неразрывную связь с местом проживания в различных масштабах (малая родина, город, регион, страна), семьей, согражданами, нацией, национальной культурой и историей. «Я-телесное» – это инкорпорированность индивида в ту или иную культуру, цивилизацию, нацию, страну через ощущение себя и на рациональном и психическом уровнях частью «тела» – партии, корпорации, местного сообщества, гражданского субъекта, имеющего право на активную позицию и реализующего его.

Таким образом, мы определяем гражданскую идентичность как социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального».

Исторически соотношение компонентов гражданской идентичности складывается различно. В разные эпохи на первый план выходили те или иные компоненты, соразмерность и внутренний баланс гражданской идентичности. Например, в эпоху Античности «Я-телесное» – неразрывная связь с «телом» полиса, гражданин имел права только в случае владения собственностью в черте полиса. В эпоху Модерна на первый план выходит «Я-рациональное» – буржуа добивается своих прав, выстраивая отношения с государством на рациональной основе. К. Маркс объясняет рациональность буржуазии интересом: «Интерес – вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. Реальной связью между ними является не политическая, а гражданская жизнь». «Я-телесное» у буржуазии – это

Я-собственника, заинтересованного в господстве закона, сохранении имущества и создании условий для дальнейшего увеличения потребления и улучшения комфорта. «Я-психическое» проявлено в патриотизме. Только чувствуя реальную (по Марксу) связь с другими гражданами, буржуа подкрепляет свою гражданскую идентичность¹⁰.

Сегодня в российском социуме мы наблюдаем различно представленные конфигурации компонентов гражданской идентичности. У многих россиян представлен только компонент «Я-психическое» – чувство любви к Родине, даже не подкрепленное чувством ответственности.

Проиллюстрируем сказанное данными исследования гражданской идентичности молодежи социолога Е. А. Черных¹¹.

На уровне компонента «Я-рациональное» у молодежи заложены представления, что у нее нет обязанностей перед страной. Значительная часть молодых людей идентифицирует свое «гражданство» лишь с формальной принадлежностью к государству. При этом молодежь ориентирована на зависимость от государства прежде всего в плане социальной защиты, причем данное предпочтение преобладает над собственной активной позицией молодежи.

Что касается «Я-психического», то исследователи фиксируют интерес к патриотическим идеям и лозунгам, однако для большей части россиян патриотизм остается по большей части декларативным и парадным: так, в сознании молодежи вербально выражаемый патриотизм сосуществует с эмигрантскими намерениями, желанием уехать из страны, возникающим по причине трудных жизненных условий, невозможности реализовать себя, из-за неустроенности и невостребованности.

«Я-телесное» – если у молодых людей нет имущества, собственного бизнеса, они не видят смысла в какой-либо общественной активности. Не случайно применительно к молодежи исследователями фиксируется отчужденность ее представителей от активной общественной жизни.

К. Юнг рассматривал «самость» как первичный образ, архетип – комплекс, существующий в коллективном бессознательном. Самость – это архетип целостности, символ полноты человеческого потенциала и единства личности. Следовательно, если у субъекта нет целостности компонентов гражданской идентичности, любая педагогическая работа будет блокироваться. И полученное патриотическое воспитание не помешает молодежи «проголосовать ногами» и уехать из страны.

Тем не менее, мы считаем работу по формированию гражданской идентичности актуальной и востребованной, но для более интенсивного освоения конструкта гражданского общества нужны граждане-носители гражданской идентичности.

По мысли теоретиков гражданского общества, движущей силой, в нем заинтересованной, выступает класс буржуазии. На наш взгляд, у России есть шанс выработать самопроизводимость конструкта гражданского общества и гражданской идентичности при условии развития малого и среднего бизнеса.

Примечания

- 1 См.: Путин В. В. Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/50> (дата обращения: 12.02.2016).
- 2 Асмолов А. Г. Учебно-методические материалы для педагогов различных ступеней системы общего образования по формированию гражданской идентичности личности учащихся в рамках социального партнерства семьи и школы. URL: <http://www.firo.ru/?p=7245> (дата обращения: 12.02.2016).
- 3 См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ; СПб.: Мидгард, 2007.
- 4 См об этом: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. Исто-

рия России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2013.

- 5 Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 113.
- 6 См.: Wolff R. P. About Philosophy. Prentice-Hall, N. J., 2000. P. 132.
- 7 Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 485.
- 8 См.: Harre R., Gillett G. The Discursive Mind. L.: Sage, 1994.
- 9 См.: Turner J. The experimental social psychology of intergroup behaviour // Intergroup Behaviour / ed. by J. Turner, H. Giles. Oxford: Basil Blackwell, 1981. P. 66–101.
- 10 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.: в 50 т. Т. 2. М.: ИППЛ, 1955. С. 134.
- 11 См.: Черных Е. А. Формирование гражданской идентичности молодежи в условиях неопределенности российского общества. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.422.42

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА «СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И. Н. Юренков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: www.igor1992@gmail.com

В статье рассматривается эволюция представлений о социальной стабильности в социологической науке. Особое внимание уделяется разным трактовкам стабильности в социологической мысли.

Ключевые слова: стабильность, социальная стабильность, эволюция, общество, социальная система.

Genesis of a Concept «Social Stability» in Sociological Science

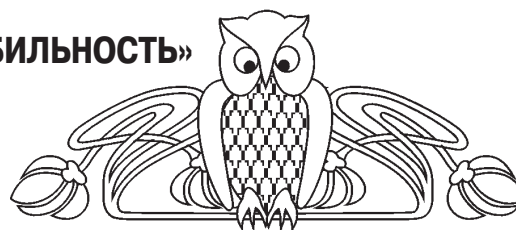
I. N. Yurenkov

The article describes the evolution of ideas about social stability in social science. Particular attention is paid to different interpretations of stability in the sociological thought.

Key words: stability, social stability, evolution, society, social system.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-180-183

Тема социальной стабильности традиционно является одной из наиболее востребованных в социологии как в теоретико-методологическом отношении, так и в плане социальной практики. Современное российское общество, уже с конца

прошлого тысячелетия функционирующее в процессе перманентной кардинальной перестройки общественных отношений и социальных институтов, как никогда нуждается в осознании образа собственного желаемого будущего. Именно сегодня, в условиях очередного социально-экономического кризиса, теоретико-методологические проблемы стабильности социальной системы приобретают особую актуальность.

Категория «стабильность» заимствована социологией из естественных наук, там она означает, что что-то, например система, способна отреагировать на изменения в окружающем и как раньше сохранять примерно то же самое поведение на определенном отрезке времени¹.

Изучая разные трактовки понятия «стабильность» в социологической мысли, можно увидеть достаточно выраженную линию развития. Каждая парадигма в социологической теории открывала новое понимание стабильности. Пусть и не всегда было четкое определение понятия, реально все же увидеть прогресс в создании образа стабильного общества.

Концепт «социальная стабильность» возник в предсоциологическую эпоху. Базовой чертой социального знания того времени являлась ориентация на методологическую роль математики, идею единства наук, идею создания социальной физики.

Конечно, ученые по-разному видели путь к обществу равновесия и порядка. Т. Гоббс, изучая общество, анализирует такие процессы, как отталкивание и притяжение. Отталкивание происходит из-за страха людей перед смертью и их инстинктом к самосохранению. А потом эти же цели развивают движение к стабильности, объединению. В итоге самосохранение является одним из факторов равновесия и порядка². Ярko выражены идеи стабильности и порядка у Гоббса и Локка при описании государства. Гоббс утверждает, что необходима четкая и слаженная работа государственной машины, и сравнивает ее с работой организма. Локк идее стабильности придает главенствующую роль в необходимости обезопасить государство, сохранить богатства и защищать интересы граждан³. Понятия о стабильном обществе, созданные Т. Гоббсом и Д. Локком, основаны, главным образом, на порядке. Общество оценивалось как закономерная гармоничная система.

Устремление к порядку, развитие безопасности, тяга к справедливости рассматриваются и в трудах ученых эпохи Просвещения. Ш. Монтескье и П. Гольбах, например, видят курс общества к нестабильности «естественным» состоянием. Но собственно инстинкт сохранения и тяга к миру, саморазвитию и покою вынуждают людей заключить общественный договор, становящийся залогом устойчивого развития⁴.

Анализируя эволюцию представления о социальной стабильности уже в рамках классической социологической науки, следует обратиться к трудам О. Конта и Г. Спенсера. Идея устойчивости общества у Конта рассматривается в контексте деления науки на социальную статику и социальную динамику. Социальная статика призвана изучать особенности общественного строения, социальная динамика – развитие общества. Статическому и динамическому состоянию социальной системы соответствуют понятия «порядок» и «прогресс». Стабильность соотносится Контом с консенсусом общества, воспринимаемым как многочисленные контакты частей друг с другом, из которых складывается прочная взаимозависимость людей, и порядком, понимаемым как симметричность и уравновешенность структурных элементов. Стабильность в понимании Конта – это статическая стабильность, имманентная закрытым системам. Этот вид основан на поддержании постоянных институтов. Общество не оценивается как гибкая система, в которой сохранение находится в диалектическом единстве с изменениями⁵.

В отличие от О. Конта, оценивающего социальную статику как воплощение порядка, для

Г. Спенсера это, прежде всего, социальные отношения в состоянии равновесия. Спенсер также делает упор на то, что общество как биологический организм состоит из взаимосвязанных и взаимозависимых частей, и, следовательно, задачей социолога является исследование взаимосвязей и взаимозависимостей в этом целом образовании.

Спенсер в большей степени уделяет внимание динамическому равновесию, как пример приводя адаптацию общества к внешнему окружению. В этом процессе происходит усложнение связей системы с окружающей средой. Однако целью социальной системы Спенсер считает путь к равновесию общества, проявляющийся в нейтрализации возмущений и в приспособлении к новым условиям. Таким образом, Спенсер концентрирует внимание на проблеме равновесия общества и необходимости его поддержания⁶.

Аналогичное восприятие устойчивости и целостности общества можно увидеть и у Э. Дюркгейма в его теории механической и органической солидарности⁷. Стабильность традиционного общества поддерживается благодаря сходству и коллективному сознанию. Целостность и устойчивость общества, по Дюркгейму, обеспечиваются при помощи разделения труда и специализации, а также совместного роста взаимобмена и взаимозависимости.

Особенностью в развитии представления о стабильности социальной системы является идея необходимости перемен в обществе, а не сохранения его статус-кво. Начало данному подходу положила социологическая теория К. Маркса. Он рассматривал общество как открытую, саморазвивающуюся систему. Социальная система находится в состоянии динамического равновесия между производительными силами и производственными отношениями. Однако в силу объективных закономерностей исторического процесса это равновесие имеет тенденцию к нестабильности. Прогрессирующий конфликт рушит систему сохранения и неизбежно ведет к усилению социальной, политической нестабильности, классовой борьбы и в конечном итоге к революции. При этом социальная революция является началом новой, кардинально изменившейся структуры. Так, конфликт, нестабильность являются источником социальной динамики. Однако, не являясь сторонником постоянного нестабильного состояния общественной системы, К. Маркс пытался обосновать теоретическую модель устойчивого общества. Он внес вклад в развитие теории стабильности путем исследования сущности экономических кризисов и недостатков капиталистической экономики, отвергнув идею саморегуляции экономической системы. По его мнению, период стабильности сменяется периодом нестабильности, а кризисы являются составной частью экономических циклов. Ключевым моментом этой

теории является то, что макроэкономическое равновесие, построенное на особенностях воспроизводственного процесса в условиях свободной конкуренции, сменится неравновесием, а состояние стабильности – нестабильностью. Важное место в работах Маркса занимает понятие идеологии. Он понимал под ней ложное искаженное сознание представителей правящего класса. Как утверждал Маркс, правящий класс был заинтересован в сохранении общественного строя, и поэтому представители данного класса были способны адекватно воспринимать лишь те явления общественной жизни, которые свидетельствовали об устойчивости, стабильности этого строя. К. Маркс показал, что государство существует, прежде всего, как институт охраны экономической системы, эволюционируя вместе с ней⁸. В целом развитие экономической жизни общества в XX–XXI вв. показало, что обращение только к саморегулированию рынка с отказом от вмешательства государства в хозяйственные процессы ведет к развитию неуправляемой нестабильности.

В XX в. в социологии идея стабильности социальной системы продолжает развиваться. Т. Парсонс видит социальную систему как способ коммуникации действующих лиц, которая рассматривается через категории социального действия. По Парсонсу, общество тяготеет к состоянию баланса и равновесия. Части общества регулярно меняются, и это ведет к ответным изменениям в других сферах социальной системы. Система всегда стремится к поиску порядка⁹. Поэтому «стабильность» является важнейшим элементом анализа Парсонса.

Видится важным остановиться на актуальной в современном научном мире концепции устойчивого развития. Это междисциплинарное направление, развивающее идеи В. Вернадского, К. Циолковского, И. Пригожина, начало формироваться во второй половине XX в.

Исследования Д. Меддоуза и Д. Форрестера¹⁰ показали необходимость создания новой концепции. Изучение экономических данных, демографии, состояния природных ресурсов и окружающей среды дало понимание, что дальнейшее существование общества невозможно без коренной перестройки отношений, необходима стратегия устойчивого развития. Уже само словосочетание – устойчивое развитие – фиксирует взаимосвязь процессов сохранения и изменения. В приоритете оказывается исследование динамических показателей и их соотношение с системообразующими тенденциями.

Русские социологи тоже внесли немалый вклад в концептуализацию социальной стабильности. П. Сорокин попытался соединить статическое и динамическое исследование системы. Его теория социокультурной динамики являлась попыткой социологической интерпретации динамической стабильности¹¹. Питирим Сорокин говорит об истории как о процессе динамиче-

ского чередования трех видов социокультурных систем: идеалистического, идеационного и чувственного, сменяющих друг друга в истории. Время, когда один вид приходит на смену прошлому, сломанному виду, это и есть время цивилизационного кризиса, и этот кризис показывает исчерпанность основных ценностей общества.

Итак, развитие концепта «социальная стабильность» в социологической науке прошло несколько стадий. Изначальный подход научности получения социального знания привел к появлению мнения, что человек склонен к порядку и сохранению, что, в свою очередь, способствует перерождению неустойчивых связей между людьми в состояние стабильности. В социальных исследованиях начала социологической эпохи общество виделось как нечто целостное. Стоит отметить, что социальная система открывалась ученым как независимое, закрытое целое, не имеющее взаимодействия с внешней сферой. Затем стабильность начала рассматриваться как процесс установления между модернизацией социальных функций и изменением структуры общества. Это помогло ученым связать динамическое и статическое изучение системы. Особенностью в развитии представления о стабильности социальной системы является идея необходимости перемен в обществе, а не сохранения его статус-кво. Таким образом, стабильность стала рассматриваться как процесс установления соответствия между модернизацией социальных функций и изменением структуры общества. Это позволило соединить статическое и динамическое исследование системы.

В современной науке устойчивость и подвижность перестают рассматриваться как несовместимые тенденции. В приоритете оказывается исследование динамических показателей и их соотношение с системообразующими тенденциями. Особое внимание уделяется роли государства, обязанному проявлять свою социально стабилизирующую функцию в моменты наибольшей нестабильности, в моменты кризисов. Правильное использование государством существующих в его арсенале регулирующих механизмов должно приводить к минимизации аномии социальной системы, хаоса во всех сферах жизни общества.

Примечания

- 1 См.: Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю. В. Прохоров. М., 1988.
- 2 См.: Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1964.
- 3 См.: Локк Д. Избранные философские произведения : в 2 т. М., 1960.
- 4 См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
- 5 См.: Сен-Симон А., Конт О. Катехизис промышленников, или Система позитивной политики. М., 2011.

- ⁶ См.: Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997.
⁷ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

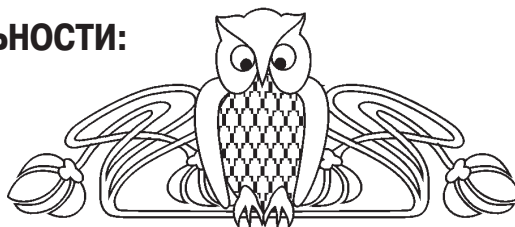
- ⁹ См.: Парсонс Т. Функциональная теория изменения. Американская социологическая мысль. М., 1994.
¹⁰ См.: Меддоуз Д., Рэндерс И., Беренс В. Пределы роста. М., 1994.
¹¹ См.: Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

УДК 316.347

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: naiperlit347@gmail.com

В статье представлены проблемы роли языка в процессе социализации с точки зрения радикального и социального аспектов конструирования социальной реальности. Показано, что символическая природа языковых знаков обуславливает создание смыслов для осуществления взаимопонимания в процессе социализации. Особое внимание уделено социальной обусловленности языковых функций в когнитивном аспекте конструирования социальной реальности.

Ключевые слова: социальный и радикальный конструктивизм, социализация, символы и смыслы, языковой знак.

The Construction of Social Reality: Socio-linguistic Aspect

A. A. Kalinkin

This article presents the problems of language role in the process of socialization, from the points of radical and social aspects of social reality construction. It is shown that the symbolic nature of language signs governs the creation of meanings to implement mutual understanding in the process of socialization. Special attention is paid to social conditionality of language functions in cognitive aspect of construction of social reality.

Key words: social and radical constructionism, socialization, symbols and meanings, language signs.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-183-185

Социальное конструирование реальности означает, что действительность представляет собой человеческий конструкт, а реальность подразумевает только ту действительность, которая воспринимается людьми. В то же время слово «социальное» указывает на то, что для конструирования реальности необходимым условием является факт человеческого взаимодействия. В пределах социума конструирование представлено следующим образом: социальное конструирование реальности, в котором действительностью является природа и подразумевается навык интеракции с внешним миром (состоящим из физических предметов), и конструирование социальной реальности, где речь идет о создании

особого типа реальности – интерсубъективной коммуникации.

С точки зрения социального конструктивизма люди могут совместно конструировать реальность, а проблема соответствия конструктов реальному миру не является существенной – имеет значение лишь то, как она принимается социумом. Тот факт, что эти конструкты эффективно решают практические задачи, позволяет им успешно воспроизводиться и использоваться социумом¹.

В отличие от социального конструктивизма, сконцентрированного на механизмах создания реальности, радикальный конструктивизм сосредоточен на решении эпистемологических проблем. Радикальный конструктивизм постулирует то, что социум накладывает на мир «матрицу», создавая конструкты в соответствии со своей организацией². При этом конструкт представляет собой активность субъекта и/или ее следствие; то, что побуждает возникновение чего-то нового, в отличие от того, что создает окружающая действительность.

Конструирование социальной реальности происходит в основном посредством символов и знаков. Следовательно, социум является абстракцией, созданной людьми для личного комфорта, теоретической структурой; в то же время не стоит отрицать возможность данного конструкта иметь воздействие на сотворивших его субъектов. Это означает, что индивиды, лишённые возможности познать настоящую действительность, не могут находиться в бессмысленном мире и, как следствие, вынуждены конструировать действительность в своем сознании. Радикальный конструктивизм предполагает, что индивиды «воображают» закономерности мира, игнорируя тот факт, что сами ответственны за их формулировку. Более того, Вселенная, в которой мы находимся, которую изучаем и конструируем, характеризуется сравнительной стабильностью³.

Следует отметить, что стабильность восприятия мира каждым отдельным человеком обусловлена индивидуальным опытом и обстоятельствами. При нормальном существовании человек не может избежать взаимодействия с другими людьми, поэтому для достижения стабильной интеракции ключевой задачей является установление взаимопонимания.

А. Шюц утверждает невозможность полноценного понимания чужого подразумеваемого смысла, но в то же время подчеркивает значимость умения человека поставить себя на место другого. Особо следует отметить, что действительность может быть символической. Отличительными чертами символической действительности являются: «примирение» с различными опытами трансцендентальности, адаптация к ним, онтологическая безопасность, контроль над существованием, защита от беспорядка и страха перед смертью. Действительность знаков и символов доступна нашему пониманию, и мы неустанно практикуем интерпретации, придавая им свои смыслы⁴. Интерес представляет высказывание Э. Фёгелина о том, что социум – это «маленькая Вселенная, микрокосм, светом в котором является смысл людей, они неустанно создают его в себе как метод и обстоятельство самореализации»⁵.

При создании социальной реальности смысл побуждает людей создавать типизации, ритуалы и традиции, что, в свою очередь, детерминирует роль языка как основного механизма, содержащего все накопленные научные и культурные данные, передающиеся из поколения в поколение. Таким образом, язык представляет собой как возникший конструкт, так и средство управления и передачи смыслов. Конструктивная функция языка, дающая возможность осуществлять когнитивные действия как источники абстракций и типизаций, составляющих повседневный опыт, обеспечивает межличностную интеракцию, в результате которой образуются социальные конструкты, значимые для существования социума. Язык выступает универсальным виртуальным пространством конструирования социальной реальности и бытия человека – выучив его, индивид уже не способен не использовать язык и становится зависимым от него. Это подтверждает тот факт, что язык является механизмом функционирования каждодневной действительности, которая возникает в процессе коммуникации и пронизана разнообразными языковыми структурами. Несомненно, язык – это самый универсальный инструмент конструирования социальной реальности, как в когнитивном, так и в коммуникативном аспектах⁶.

Неразрывная связь языка и мышления непосредственно обуславливает его особую роль в осмыслении окружающей действительности. Гипотеза лингвистической относительности, разработанная в первой половине XX в. Э. Се-

пиром и Б. Уорфом, также известная как лингвистический детерминизм, утверждает, что наше мышление напрямую зависит от языка, которым мы овладеваем в процессе социализации. Следует отметить, что до сих пор не существует единой точки зрения по поводу того, как особенности различных языков могут детерминировать мышление говорящих на них людей⁷.

Безусловно, язык – нечто более важное, чем просто механизм познания и коммуникации, он присутствует во всех областях жизни индивида и представляет собой «дом бытия»⁸. Установление социальных связей и овладение социальными ролями, осуществляемые языком как основным механизмом социализации, определяет диалектику интеракции эволюционного развития индивида и языка. Это означает симметричность развития социальных и языковых структур – например, постиндустриальные социумы обладают развитыми языковыми системами, и, напротив, ограниченный спектр языковых структур характеризует недостаточно индустриально развитые сообщества⁹. Парадокс языка заключается в следующем: будучи только системой знаков, семантической оболочкой самосознания, язык имеет тесную связь с социальной интеракцией, знанием и практикой, являясь базой для социального конструирования реальности. Вместе с тем, если рассматривать язык как систему символов и знаков, нужно помнить об их значимости и влиянии на индивида. Следовательно, можно заявлять, что любая знаковая система, независимо от того, откуда она появилась, наделена причиняющей силой по отношению к индивиду. Но язык представляет собой не только систему знаков, но и систему символов: слова как знаки соединяют звуковую форму с экстралингвистическим содержанием, нуждаясь в конвенционализации и устанавливая взаимопонимание; слова как символы согласуют содержание текста с содержанием контекста и нуждаются в интерпретации¹⁰.

Знаково-символическая действительность доступна интерпретации, и человек постоянно заполняет символы и знаки своими смыслами, конструируя свою социальную реальность. Э. Халас указывает на социальное происхождение символизма, вопреки представлению о нем как о некоей обособленной семио-лингвистической системе¹¹.

На социальный фундамент символов указывает П. Бурдье, утверждая, что потенциал символов не заключается в них самих, но происходит из социальных обстоятельств – например, влияние, которое имеют слова чиновников, политиков, предпринимателей, клерков, преподавателей или священников, исходит в первую очередь из их социальных статусов¹².

В то же время нельзя игнорировать тот факт, что человек конструирует мир значений, но потом пытается скрыть семиотическую сущность действительности¹³. На это также указывает

представитель радикального конструктивизма П. Ватцлавик, утверждающий, что рассмотрение вопроса о существовании какого-либо априорного смысла в мире нелепо: Вселенная не имеет смысл вообще¹⁴.

Язык также является конструкцией, существующей в виде системы и различных субсистем, относящихся к ней, и, вступая в мир, индивиды овладевают этой сложной системой с целью сосуществования в обществе. Эта система существенна не только из-за ее необходимости для общения, ее важность обуславливается тесной связью с высшими формами мыслительных процессов. По мнению А. А. Потевни, попав в «стройный мир» языка, люди не покидают его границы¹⁵.

Следует упомянуть еще один из аспектов конструирования социальной реальности – его неуправляемость. Вопреки тому факту, что в европейской философии давно превалирует мнение, по которому индивид может полностью понять только те действия, которые совершает сам и что для него по своему характеру очевидно, основная проблема заключается в том, что индивиды не понимают своих действий и зачастую не имеют понятия, каков будет результат¹⁶.

Феноменологическое объяснение данного феномена основано на понятии «горизонта» – надеясь и направляя свои действия, человек не должен полагать, что все случится в точности, как запланировано, так как планирование всегда подразумевает «открытый горизонт значений», расширяемый по мере осуществления плана, и эти ожидания неизбежно имеют типизированный характер. Наши планы и ожидания создают широкий горизонт будущего жизненного опыта, и он не статичен, а, наоборот, динамически изменяется¹⁷.

Таким образом, конструирование социальной реальности – это сложный процесс, в котором конструкты детерминируют, а язык, посредством которого мы стремимся конструировать мир, контролирует наше мышление и миропонимание. Однако можно предположить, что конструкты, несмотря на то что сделаны бессознательно, приносят пользу, так как они адекватны потребностям социума, а язык, вопреки его многогранности и мощи, – всего лишь механизм коммуникации и социализации в процессе конструирования социальной реальности.

Примечания

- ¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 2005.
- ² См.: Щюц А. Символ, реальность, общество // Щюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : РОССПЭН, 2004. С. 456.
- ³ См.: Паниткова Э. Ю. Язык и речь – два уровня конструирования социальной реальности языковой личностью // Язык. Культура. Коммуникация : материалы и тезисы Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой. Ижевск : УдГУ, 2009. С. 75–80.
- ⁴ См.: Щюц А. Указ. соч. С. 532.
- ⁵ Voegelin E. The New Science of Politics : An Introduction // The University of Chicago Press Books. URL: <http://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/N/bo3622811.html> (дата обращения: 15.05.2015).
- ⁶ См.: Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике. М. : КомКнига, 2007. С. 46.
- ⁷ См.: Whorf B. L. Language, Thought and Reality : Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. John B. Carroll. N. Y. : Wiley, 1956.
- ⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 199. (Сер. Мыслители XX века.)
- ⁹ См.: Могилевич Б. П. Социальные проблемы языка // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 23.
- ¹⁰ См.: Борботько В. Г. Указ. соч. С. 52.
- ¹¹ См.: Halas E. Symbolism and Social Phenomena : Toward the Integration of Past and Current Theoretical Approaches // European Journal of Social Theory. № 5 (3). P. 351–366. URL: <http://club.fom.ru/books/halas.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).
- ¹² См.: Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge ; Massachusetts : Harvard University Press, 1991.
- ¹³ См.: Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Изд. группа «Прогресс»; Универс, 1994.
- ¹⁴ См.: Watzlavik P. Münchhausens Zopf. München : Piper Verlag GmbH, 1997.
- ¹⁵ См.: Потевня А. А. Язык и мысль. URL http://destruction.narod.ru/potebnja_mysl_i_jasyk.htm (дата обращения: 15.05.2015).
- ¹⁶ См.: Копылов А. В. Перевод как проблема философской герменевтики (Пролегомены к исследованию). Мурманск : МГПУ, 2008.
- ¹⁷ См.: Щюц А. Указ. соч. С. 530.

УДК 316.77

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ВЕБ-ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ В РАМКАХ ТЕОРИИ НОВЫХ МЕДИА

А. В. Антонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: medellen@hotmail.com

В статье представлен анализ понятия веб-документалистики в эпоху интернет-медиа. Рассматриваются существенные изменения в этой сфере, затронувшие такие социальные институты, как кино и СМИ. Целью представленной статьи является обозначение границ понятия веб-документалистики и выделение ее специфических особенностей и значения в системе общества. Рассматриваемые в работе теории раскрывают влияние происходящих изменений в сфере медиа на социальные процессы информационного общества.

Ключевые слова: веб-документалистика, новые медиа, социальный институт, информационное общество, Интернет, информация и коммуникация, масс-медиа.

The Social Nature of the Web-documentary in the Framework of the New Media

A. V. Antonova

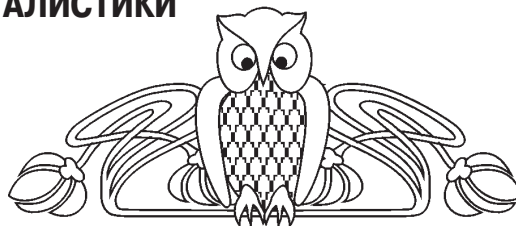
The article presents an analysis of the concept of the web-documentary in the age of online media. The authors considers significant changes in this area affected the social institutions such as film and media. The purpose of the article is the designation of the web documentary concepts boundaries and the selection of its specific characteristics and values in the society system. Considered in theory, reveal the impact of the changes in the media in the social processes of the Information Society.

Key words: web documentary, new media, social institution, information society, Internet, information and communication, media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-186-190

Главной заслугой братьев Люмьер стала доступность кинематографа для широких масс. Именно они открыли первую сеть кинотеатров, где можно было показывать фильмы не отдельным зрителям, а целой аудитории. Тогда это казалось простым развлечением, приносящим немалый доход. Однако именно так началось формирование кинематографа. В связи с усиливающимся значением кинематографа в общественной жизни выделяют социальный институт кино.

Как известно, в социологии существует множество определений социального института. Рассматривая историю термина, А. И. Кравченко и В. И. Добреньков определяют социальный институт следующим образом – исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности, регулируемые нормами, традициями, обычаями, направленной на

удовлетворение фундаментальных потребностей общества¹. Каждый социальный институт выполняет общественно-значимые функции.

Теоретик кино М. И. Жабский в работе «Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории» выделяет следующие функции кино: эвристическую; коммуникативную; познавательную; эстетическую; воспитательную; развлекательную².

Одной из важнейших функций кинематографа, как «мощнейшего регулятора общественных отношений», является формирование и продвижение национальной идеи.

Особое значение исследователи и сами кинематографисты отводят документальному кино. В заявленной миссии Британского фонда поддержки международного документального кино BRITDOC говорится: «Мы считаем, что документальное кино является жизненно важной частью культуры и демократии с уникальной ролью отражения нашей жизни и вызовом нашим идеям и взглядам на прошлое, настоящее и будущее мира»³. Сегодня этот фонд поддерживает международное документальное кино, а также инновационные интернет-формы и технологии в этой области, другими словами, веб-документалистику.

Термин «веб-документалистика» появился одновременно с таким понятием, как «интерактивное документальное кино», и подчеркивает новые возможности медиасферы, которые открыло появление Интернета. За последнее время примеров работ, которые относят к веб-документалистике, стало очень много, причем как за границей, так и в России: «Грозный: 9 городов», «Выход», «Out my window» и многие другие. «Веб» – значит «сетевой», однако свои основные творческие методы и принципы веб-документалистика унаследовала от традиционной.

Проанализировав научную литературу и конкретные примеры творчества, мы пришли к следующему простейшему определению документалистики – это то, что создано на основании документов: документальные фильмы, документальная литература и т. п. Документальная литература развивается в XIX в., примерами могут служить «История Пугачева» А. С. Пушкина, «Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазии», «Жизнь Россини» Стендаля. В таких произведе-

ниях авторы исследуют исторические события и социальные явления путем анализа и творческого синтеза документальных материалов, а не с помощью творческого вымысла.

Похожий творческий метод можно проследить и в кинематографе. Первые эксперименты в области кино были именно документальными – «Прибытие поезда» и «Выход рабочих с фабрики» братьев Люмьер, снятые еще в 1895 г. В 1909 г. были сделаны кинохроники из жизни Льва Николаевича Толстого. Однако понятие «документальный фильм» впервые предложил Джон Грирсон в рецензии на картину Роберта Флаэрти «Моана южных морей». Статья вышла 8 февраля 1926 г. в «The New York Sun». Именно в этой рецензии критик определяет документальное кино как «творческую разработку действительности».

Таким образом, документалистика как вид искусства – это всегда художественный взгляд на реальность, только авторы, выражающие через произведения свои личные мысли и чувства, могут называться документалистами. С другой стороны, существует понятие газетно-журнальной документалистики (очерк, записки, хроника, репортаж), которое правильнее отнести к журналистике.

С развитием цифровых технологий, Интернета и свойственных ему новых форм повествования (таких как вэб-доки, лонгриды и др.) границы между киноискусством, документалистикой, журналистикой стали размываться – один из уровней так называемого процесса конвергенции в теории новых медиа. Адриан Майлз, автор работ о современной интернет-документалистике, подчеркивает, что исследования этой области находятся на периферии учений о новых медиа, кинематографа и документалистики⁴. СМИ активнее используют методы и приемы документалистики, документалистика быстрее и своевременнее откликается на социальные явления, стремится к объективности. Веб-документальные проекты подчинены драме и логике кино.

Процесс конвергенции свойственен не только веб-документалистике – это одна из важнейших тенденций новых медиа. Андерс Фагерйорд и Таня Сторсул, специалисты в области новых медиа, выделили шесть интерпретаций этого термина: конвергенция сетей (из аналогового сигнала в цифровой), конвергенция терминалов (объединение устройств в одно, multifunctional), конвергенция услуг (предоставление прямо не связанных услуг, например Интернет через телевидение и т. п.), конвергенция рынков (слияние телекоммуникационных компаний и медиакомпаний), конвергенция жанров и форм (проникновение жанров одной медиаплатформы в другую), конвергенция регулирования (так как компании и структуры объединяются, то и регулирующие органы также объединяются, например, слияние некоторых министерств и т. п.). Е. И. Горошко говорит и о конвергентных про-

цессах в языке: конвергенции письменной и устной форм речи, вербальной и невербальной информации, монолога, диалога и полилога и др.⁵

Именно эти процессы объясняют, почему веб-документальные проекты впервые появились как журналистские материалы и только потом были подхвачены документалистами. Одним из первых успешных проектов стал «Snow Fall»⁶. Он был запущен в декабре 2012 г. Джоном Бранчем, сотрудником «New York Times», получил Пулитцеровскую премию и был назван экспертами всего мира «будущим журналистики». Всего интернет-материал набрал более 3,5 млн просмотров – фантастический отклик аудитории. Форму проекта попытались перенять другие издания (например web-docs «Firestorm»⁷), и даже были сделаны пародии на проект («Icefail»⁸), что показывает активность аудитории. Примером же тонкой работы настоящего документалиста стал проект «Out My Window»⁹ – истории нескольких обычных людей из совершенно разных стран. И первую и вторую работу, без сомнений, относят к веб-документалистике. Это доказывает, что относительно традиционной документалистики веб-документалистика – понятие более широкое.

Однако не только конвергентность характеризует специфику веб-документалистики как явления эпохи новых медиа, важно рассмотреть и другие особенности.

«Новыми» называют медиа, противопоставляемые традиционным, вместе с тем подчеркивая условность такого разделения: любые медиа когда-то были новыми. Еще в 2001 г. Л. Манович, один из первых исследователей интернет-пространства, издает книгу «Язык новых медиа», где формулирует пять принципиальных особенностей (сейчас, как мы видим в книге под редакцией А. Качкаевой¹⁰, исследователи выделяют гораздо больше). Первой из этих особенностей он называет кодирование данных или цифровое представление. То есть любая информация – текст или изображение – может быть представлена в виде цифр и алгоритма. При этом Л. Манович задумывается: становятся ли традиционные СМИ новыми, если в их создании участвуют цифровые технологии и, если нет, то где же границы новых медиа?¹¹ На наш взгляд, если рассматривать цифровизацию лишь как совершенствование инструментов создания и распространения, то ничего содержательно нового действительно нет. Однако качественно новое проявляется тогда, когда идет речь об изменении методов создания медиа, а также изменении восприятия аудиторией информации, а цифровые технологии действительно становятся причиной этих всех изменений.

Другой сущностной характеристикой Л. Манович определил модульность. То есть, с одной стороны, в Интернете все взаимосвязано принципом гиперссылки, и любой информационный продукт – часть большой системы, Интернет-сети. Однако каждый этот элемент обладает не-

зависимостью и самостоятельностью: картинка может быть частью статьи, а может быть самостоятельной единицей информации. Модульность обеспечивает простоту и динамичность создания информационного продукта – но не нужно останавливать работу сайта, чтобы поменять какое-либо изображение на нем. Кроме того, свойство модульности позволяет работать с отдельными элементами или группой элементов, не затрагивая остального контента, что сделало переворот в проектировании информационного продукта. Наталья Лосева в книге «Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные» объясняет атомно-молекулярную теорию мультимедиа: «Например, одна фотография – условный “инфоатом”». Она может быть самостоятельным элементом и рассказывать довольно много полезного. Три или пять фотографий, собранные в слайд-шоу – это уже “инфомолекула”, тоже самодостаточная. Но при соединении такой “инфомолекулы” слайд-шоу с “инфомолекулой” текста, “молекулой” видеоиллюстрации или видеосюжета, “инфомолекулой” графики получается “тело” мультимедийного материала»¹².

То есть под «инфомолекулой» могут подразумеваться фоторепортаж, карикатуры, подкасты, аудиоиллюстрация, аудиосюжет, видеосюжет, потоковое видео с места событий, видео- или аудиокомментарий. Однако, чтобы исправить видеосюжет, включенный в мультимедийную статью, потребуется не так уж и мало времени, потому что сюжет – это законченное отдельное произведение, в свою очередь состоящее из множества элементов (аудиодорожки, видеокадров, фотографий и т. п.). Впрочем, скорее всего, в будущем станет возможным полноценный аудио- и видеомонтаж в Сети, в режиме онлайн (уже сейчас такие платформы, как «YouTube», предоставляют возможность элементарной корректировки видео – нарезки видеофрагментов, добавление титров, цветокоррекции).

Несмотря на то, что модульность сильно упрощает верстку современного материала, делает менее затратным этот процесс и расширяет набор инструментов создания контента, принципиального отличия от составления первых газет с помощью отливок нет. Только раньше «инфоатомом» была литера, которая складывалась в слова и текст. Но, как и дигитализация (представление в цифровом виде), модульность новых медиа обеспечивает другой тип восприятия материалов аудиторией.

Следующей характеристикой новых медиа, вытекающей из двух первых, Л. Манович называет автоматизацию процесса создания, распространения, поиска информации, архивирования. Сегодня степень автоматизации процесса создания и редактирования информационного контента полностью зависит от программного обеспечения. Можно создать медиапродукт усилиями

одного человека, в связи с этим появляются проблемы информационного засорения Интернета: «К концу двадцатого века перестала остро стоять проблема, как создать объект новой среды, например, изображение; новой проблемой стало нахождение уже существующего где-то объекта»¹³. Впрочем, и эта проблема сегодня решается с помощью автоматизированной системы сортировки информации: по размеру файлов, тематике, дате размещения и другим характеристикам, которые автоматически присуждаются файлу при его создании (например, фотографии цифровым фотоаппаратом). Ко всему прочему автоматизированными становятся и инструменты контент-анализа: все данные о посещении сайта, просмотр видео фиксируются специальными программами-счетчиками. В связи с автоматизацией медиа всегда актуальным будет вопрос разработки искусственного интеллекта, однако до сих пор ученым не удалось создать такую программу, которая могла бы полностью исключить участие человека, а значит, все программы остаются лишь инструментами.

Одно из главных отличий новых медиа от традиционных, по Л. Мановичу, – изменчивость или вариативность форм контента. Если газета, телепередача или радиовыпуск после публикации и выхода в эфир не могут быть изменены, то сайты можно исправить или изменить в любой момент. Более того, современные сайты меняются в зависимости от устройства, на котором вы его просматриваете (например, полные версии и мобильные версии «ВКонтакте»¹⁴), а некоторые ресурсы позволяют корректировать содержание в соответствии с запросами и предпочтениями конкретного пользователя¹⁵. «Как только <...> клиент оказывается за компьютером, который генерирует и отображает среду, и как только эта самая среда существует уже не как материальный объект, а как набор данных, которые могут быть переданы по проводам со скоростью света, тогда клиент получает возможность получить свой уникальный продукт практически сразу после сделанного запроса. Обратимся все к тому же примеру, – как только вы заходите на веб-сайт, сервер немедленно собирает для вас заказанную веб-страницу»¹⁶. Всего в своей книге Лев Манович выделяет семь принципов изменчивости¹⁷:

- элементы медиа хранятся в «информационных хранилищах», из которых генерируется медиапродукт заранее или по запросу пользователя;
- второй принцип состоит в возможности формировать уровни информации, благодаря чему медиа могут создавать интерактивные интерфейсы;
- принципиальной становится возможность формирования конечного продукта в зависимости от полученной информации о технических возможностях пользователя;
- принцип разветвленной интерактивности позволяет пользователю перемещаться по разным частям медиапродукта с помощью меню;

– тесно связанный с предыдущим, принцип гипермедиа обеспечивает просмотр информации в желаемом порядке. Это, в сущности, означает, что с каждым новым выбором последовательности элементов создается новый информационный продукт. Л. Манович считает, что в понятие «гипермедиа» входит понятие «гипертекста», так как первое расширяет значение второго (в гипертексте могут быть анимация, картинка, видеофрагмент). Хотя первым появился термин «гипертекст» – его ввел Тед Нельсон в 1965 г. для описания документов (например, представляемых компьютером), которые выражают нелинейную структуру идей, в противоположность линейной структуре традиционных книг, фильмов и речи. В российской практике почти не используются термин «гипермедиа», расширяя значение «гиперссылки» и «гипертекста»;

– принцип обновляемости новых медиа знаком каждому из нас. Наше программное обеспечение компьютера или ноутбука может часами не включаться, устанавливая новые обновления. По тому же принципу работают некоторые обновления сайтов: какие-то автоматически (рубрики «погода», «валюта» и др.), какие-то вручную, но важно заметить, что меняются только конкретные элементы или какие-то детали, сохраняя общую структуру медиа прежней;

– последний принцип изменчивости – принцип масштабирования или детализации, лучше всего иллюстрируется примером сайтов, у которых есть несколько версий: для компьютеров и ноутбуков, для телефонов и планшетов¹⁸.

Таким образом, мы рассмотрели четыре характеристики новых медиа, которые выделяет Л. Манович: дигитализация, модульность, автоматизация и изменчивость. Но следует отметить, что исследователь, в первую очередь, характеризует новые медиа в самом широком значении – как новую информационную среду, и отмечает, главным образом, особенность технических условий и инструментов этой среды. Однако пятой характеристикой новых медиа Л. Манович называет транскодинг. Это профессиональный термин, который обозначает перевод одного цифрового формата в другой, но автор расширяет значение понятия: он считает, что в новых медиа существует два уровня – «культурный» и «компьютерный». «Так как новые медиа стали создаваться с помощью компьютеров, распространяться с помощью компьютеров, существовать в компьютерной среде, компьютерная логика начала оказывать значимое воздействие на культурную логику всей коммуникативной среды. Поэтому факт того, что компьютерный слой будет оказывать влияние на культурный, – явление, вполне ожидаемое»¹⁹. То есть к теории, сформулированной Мановичем, можно также отнести влияние технологий и инструментов на содержание медиа и изменение системы функционирования СМИ как социального института.

Важнейшую особенность – «сетевую мобильность» – отметил Вин Кросби, исследователь в сфере коммуникации. Возможность передачи контента по Сети неограниченному количеству людей. Ученый связывает с новыми медиа особый тип коммуникации – «многие-к многим», в то время как традиционные СМИ работают по схеме «один-к многим»²⁰. Это позволяет интернет-медиа осуществлять одновременно массовую коммуникации, но сохранять личностно ориентированные формы. Интернет-платформы подстраиваются под каждого пользователя в отдельности и становятся, кроме всего прочего, средством межличностного общения. Каждый может стать автором собственного документального материала и распространить его в считанные секунды – ежедневно на портал Facebook загружается более 250 млн фотографий!

Именно о подобных изменениях говорит в своей работе автор теории культуры участия Генри Дженкинс, отмечая, что технологические изменения повлияли на культуру: «Мы вступаем в эру длительного переходного периода и изменений сферы медиа. Конвергенция лишь описывает процесс, чтобы мы могли разобраться в ее составляющих. Но не будет никакого волшебного черного ящика, который бы привел все в порядок. Производители медиа сами найдут путь через пересмотр их отношений со своими потребителями. Аудитория, вооруженная новыми технологиями, требуют право на участие в создании культуры, занимая пространство на пересечении между старыми и новыми медиа. И те производители медиа, которые не будут считаться с новой культурой участия, столкнутся с потерей внимания аудитории и уменьшением доходов»²¹. Подтверждением этому мнению может служить известный документальный проект YouTube «Жизнь в день». Авторы проекта предложили всем желающим по всему миру снять любой кусочек своего одного дня (24 июля 2010 г.) и загрузить на портал. YouTube получил 80 000 видео общей продолжительностью 4500 часов. В 2011 г. вышел полнометражный фильм длительностью 90 минут. Проект имел ошеломляющий успех, и уже в том же, 2011 г., ВВС начало сотрудничество с YouTube для создания фильма – национального портрета «Британия в день».

Таким образом, мы видим, что веб-документалистика – это не просто адаптация документалистики к интернет-среде. Авторы становятся участниками-продюсерами, которые, учитывая возможности аудитории, управляют творческим процессом, пространством и материалом. В такой модели документалистики нет жесткого разделения на аудиторию и автора, зато есть пользователи, которые получают возможность быть участниками творческого процесса и самого произведения, управлять контентом в режиме онлайн и физически взаимодействовать с произведением (с помощью интерфейса). Все это означает транс-

формацию взаимоотношений и социальных ролей внутри кинематографа, изменение механизмов работы массовой коммуникации, а значит, существенное изменение функционирования кино и СМИ как социальных институтов. Однако специфику и значение этих изменений нам еще предстоит изучить более подробно.

Примечания

1 См.: Добренъков В. И., Кравченко А. И. Социология. М.: Инфра-М, 2001. С. 625, 576.

2 См.: Жабский М. И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социс. 1996. № 2. С. 27.

3 Vickers R. Convergence media, participation culture and the digital vernacular: towards the democratization of documentary // International Conference on Communication, Media, Technology and Design (May 09–11, 2012, Istanbul –Turkey). Istanbul, 2012. P. 106.

4 См.: Miles A. Seven Small Propositions that Fall, Autumnally. Upon Interactive Documentary. URL: https://www.academia.edu/11877122/Seven_Small_Propositions_that_Fall_Autumnally_Upon_Interactive_Documentary (дата обращения: 04.05.2015).

5 Цит. по: Курия И. Мультимедиа и новые принципы новостей // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М.: Дрофа, 2010. С. 16–17.

6 См.: Snow Fall. NYTimes: [webdocs]. URL: <http://www.nytimes.com/projects/2012/snow-fall/#/?part=blur-of-white> (дата обращения: 01.02.2014).

7 См.: Firestorm. URL: <http://last30.ru/> (дата обращения: 12.03.2015).

8 См.: Icefail. URL: <http://games.usvsth3m.com/icefail/#section-1> (дата обращения: 29.05.2014).

9 См.: Out My Window. High Rise Project. URL: <http://outmywindow.nfb.ca/#/outmywindow> (дата обращения: 01.03.2014)

10 См.: Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные.

11 См.: Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: The MIT Press, 2002. P. 23–27.

12 Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. С. 131.

13 Manovich L. Op. cit. P. 55.

14 Полный электронный адрес «ВКонтакте» – vk.com, для мобильных и планшетных устройств – m.vk.com, эта версия ресурса более простая по дизайну и упрощенная по содержанию.

15 Например, новостной ресурс Lenta.ru позволяет подписываться на материалы отдельных тем, а также автоматически анализирует те статьи, которые читал пользователь, и предлагает прочитать то, что ему может быть еще интересно.

16 Manovich L. Op. cit. P. 36.

17 Ibid. P. 37.

18 Можно снова обратиться к ресурсу «ВКонтакте» как к примеру. Вид ресурса меняется в зависимости от того, с какого устройства заходит пользователь. Дизайн автоматически подстраивается под разрешение экрана, размеры и мощность устройства.

19 Manovich L. Op. cit. P. 46.

20 См.: Crosbie V. What is new media? // Corante. 2007. URL: http://rebuildingmedia.corante.com/archives/2006_04.php (дата обращения: 04.04.2013).

21 Ibid.

УДК 316.422

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. А. ЗИНОВЬЕВА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

О. Н. Ларин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: 2306185@mail.ru

Статья посвящена основным направлениям в исследовательской деятельности уникального отечественного ученого А. А. Зиновьева, таким как философия, социология и макросоциология.

Ключевые слова: западнизм, капитализм, демократия, сверхобщество, идеология.

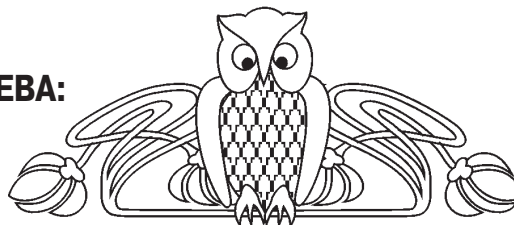
Sociological Ideas A. A. Zinoviev: Modern Look

O. N. Larin

The article discusses the main activities of the unique Russian scientist A. A. Zinoviev, philosopher, sociologist and macro-sociologist.

Key words: zapadnizm, capitalism, democracy, super-society, ideology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-190-192

Труды выдающегося философа, социолога и логика А. А. Зиновьева (1922–2006), стали объектом развернутого осмысления в отечественной науке и за рубежом. Еще при жизни его социологические взгляды вызывали споры: одни считали его неисправимым диссидентом, другие – коммунистом-романтиком. Либеральные идеологи поднимали на щит его сатиру на советскую действительность, но государственники считали его своим единомышленником и гуманистом с большой буквы.

Личные качества ученого отличало обостренное чувство справедливости, побуждавшее его к борьбе с любым насилием, включая идеологическое. Его имя еще два десятилетия тому назад было известно в нашей стране только небольшому кругу философов и социологов. Фено-

мен творческой личности, которая могла пойти против течения, уникален. Его жизненным кредо было свободомыслие, не знающее границ. В условиях жесткого идеологического противостояния социалистической и капиталистической общественно-экономических систем такую позицию мог занимать только герой.

Как макросоциолог А. Зиновьев может быть отнесен к классикам социологической мысли XX в. Введенные им социологические понятия «западнизм», «советизм», «постсоветизм» вносят важный социально-психологический элемент в анализ существующих общественно-экономических систем. Если социология в нашей стране в послевоенный советский период испытывала трудности в своем становлении, то работы по социальной психологии были практически неизвестны.

Сейчас не без влияния трудов А. Зиновьева научный интерес к проблемам социальной психологии вырос. «Законы социальности», открытые им, позволяют лучше понять эволюцию развития советского общества. Если капитализм в Европе прошел многие стадии развития с XVI в., то социализм в нашей стране за 74 года сделал гигантский скачок в своем развитии, но не достиг этапа полной зрелости. Эти законы преследовали своей целью «очищение» социализма от тех отклонений, которые не были предусмотрены в марксистском учении о социализме (тем более что К. Маркс и Ф. Энгельс не могли в полной мере изучить его опыт, кроме кратковременного существования Парижской коммуны 1871 г.).

А. Зиновьев был непреклонным врагом мещанства. Он не лакировал при этом социальную действительность ни в советском, ни в западном обществе, работая по обстоятельствам то «кувалдой», то «скальпелем». Сатирические «социологические романы» Зиновьева были не поклепом на советскую действительность, а вскрывали духовное убожество и пустоту мещанства во всех странах мира. Его «законы социальности» содержали критику психологии и поведения мещанства, среди которых не последнее место занимало стремление к власти, деньгам и авторитету. Представление об этих законах вносит заметный вклад в то направление научного знания, которое называется «социальная психология».

Отнесение большого ученого к диссидентам-антисоветчикам не правомерно. Он был выдающимся представителем передовой отечественной интеллигенции и заклётым противником «западнизации» России.

А. Зиновьев актуален и интересен тем, что как философ и социолог дал много оригинальных мыслей в противодействии нашим идеологическим противникам. Мне не посчастливилось встретиться с Александром Александровичем лично, но я познакомился с его супругой, Ольгой Мионовной Зиновьевой. Запомнилось такое ее воспоминание о муже: «Когда в вынужденной

эмиграции он прибыл в Мюнхен, его окружили журналисты в ожидании антисоветских заявлений. Но он их разочаровал, сказав, что по натуре остался убежденным коммунистом». Зиновьев обосновал своими работами понятие «коммунизм» не как представление о высшей стадии развития цивилизованного общества, а как синоним общинности, коммунальности, сотрудничества и взаимопомощи, являющейся свойством любого человеческого сообщества по самой его природе, в том числе и в тех случаях, когда это сообщество не считает себя коммунистическим.

Масштабы идеологической войны с Западом наши граждане в полной мере ощутили только сейчас в связи с событиями на Украине. Но никто иной, как А. А. Зиновьев, так убедительно обрисовал механизм информационно-психологической войны против нашей страны. Он писал: «Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии... Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплёкой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию»¹.

Противопоставление науки и идеологии стало центральной идеей теоретической концепции А. Зиновьева. Ученый показал ее громадную политическую роль. Как истинный, а не казенный патриот России он убедительно доказал враждебность Запада к нашей стране («Целились в коммунизм, а попали в Россию»). «Сложившаяся на планете ситуация, – заявлял он, – с полной очевидностью обнаруживает то, какую огромную роль в жизни, в эволюции человечества играет идеология. Без коммунистической идеологии была бы невозможна победа революции и построение коммунистического социального строя в нашей стране, была бы невозможна победа в войне с Германией, было бы невозможно превращение страны в сверхдержаву. Спад и кризис советской идеологии стал началом и одной из главных причин краха Советского Союза и советского социального строя. Холодная война Запада, возглавляемого США, против нашей страны велась прежде всего как война идеологическая. Идеология антикоммунизма была одним из оснований интеграции стран Запада в единое западнистское сверхобщество»².

Социолог в своих трудах дал основательную оценку «великой идее» западной буржуазной идеологии, которая, помимо антисоветизма

и русофобии, фарисейски спекулирует на таких понятиях, как «свобода» и «демократия». Западное общество, будучи формально демократическим, является диктаторским социальным, ибо в нем не прекращается «война всех против всех», а конкретно – борьба каждого за рабочее место. Демократия, гласность, права человека, парламентаризм, многопартийность, идеологическая толерантность, как известно, объявлены основными ценностями политического режима западных стран. Отечественный социолог, однако, показывает, что «демократия» – это лишь иное наименование диктатуры буржуазии. Запад не случайно промолчал, а, по сути, одобрил расстрел Верховного Совета РСФСР по приказу Б. Н. Ельцина в 1993 г. «С разгромом советского блока, Советского Союза и советского коммунизма, – пишет он, – началось падение демократии на всех уровнях...»³

Имея, очевидно, содержание многих новостных программ основных телевизионных каналов, Зиновьев писал: «Помните сталинские доклады по принципу “у нас раньше не было того-то (имелись в виду конкретные отрасли индустрии, культура, образование и т. п.), теперь это есть у нас”? В наше постсоветское время новым вождям пора делать доклады наоборот: у нас было то-то и то-то (в смысле достижений), теперь этого нет у нас, зато у нас не было нищеты, теперь она есть у нас; у нас не было без-

работицы, у нас она есть теперь; у нас не было массовой наркомании, у нас она есть теперь и т. д.»⁴ Однако, поскольку ожидать освещения истинного положения дел нередко не приходится, то новости сейчас больше напоминают популярную песенку: «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

Главная заслуга А. А. Зиновьева заключается в том, что многие честные отечественные обществоведы, знакомясь с его трудами, могут сказать: «Мы думаем так же, но он написал это раньше нас».

Актуальность и ценность социологических трудов социолога отнюдь не уменьшилась в наши дни. Они содействуют подъему исследований отечественных обществоведов на высокий теоретический уровень, призывают не замыкаться на мелкотемье. Его идейное наследие остается востребованным в условиях острого идеологического противостояния сторонников «западнизма» и поборников гуманного общества, основанного на социальной справедливости.

Примечания

- ¹ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2008. С. 320–321.
- ² Зиновьев А. А. Русская трагедия. М., 2005. С. 441.
- ³ Там же. С. 365.
- ⁴ Там же. С. 128.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324:316.6

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ, ОЦЕНКА АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАТА В ПРЕДДВЕРИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (анализ результатов массового социологического опроса и фокус-групповых исследований)

М. В. Данилов, А. А. Казаков, Д. В. Попонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: super9999@yandex.ru, aldr.kazakov@gmail.com, poponovdv@mail.ru

Н. О. Назаров

АНО «Центр региональных политических исследований», Саратов
E-mail: crpi@yandex.ru

С. Г. Сергеев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов
E-mail: sergeevsg6684@lenta.ru

В статье анализируются результаты массового социологического опроса и серии фокус-групповых исследований, проведенных в ноябре–декабре 2015 г. в муниципальных районах Саратовской области, входящих в состав Саратовского избирательного округа. Исследовались информационные предпочтения населения, его отношение к власти, конкретным политикам, институту выборов и т. д. Сформулированы конкретные рекомендации по выработке электоральных стратегий накануне выборов в Государственную думу РФ.

Ключевые слова: выборы, Саратовская область, фокус-группа, массовый опрос, избирательная кампания, политические предпочтения населения.

**Information Preferences, Current Problems' Evaluation, and Attitude
to the Government of the Provincial Constituents in Anticipation of the Federal
Parliamentary Elections (Analysis of the Massive Social Surveys and Focus-group
Investigations' Results)**

M. V. Danilov, A. A. Kazakov, D. V. Poponov, N. O. Nazarov, S. G. Sergeev

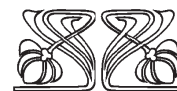
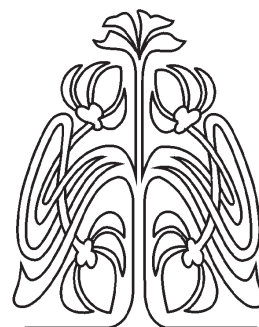
The authors analyze the results of the massive social surveys and focus-group investigations conducted in November–December, 2015 in municipal districts of Saratov region which are the parts of Saratov district constituency. People's informational preferences, their attitude to the government, politicians, and elections were probed. Specific recommendations on elaborating electoral strategies in the run-up to the State Duma elections have been formulated.

Key words: elections, Saratov region, focus-group investigation, massive social survey, electoral campaign, political preferences of the population.

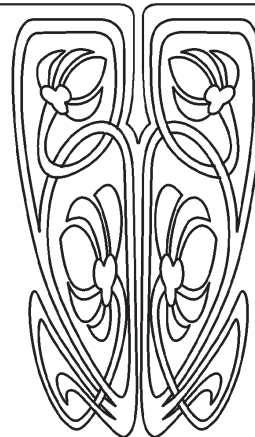
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-193-196

В сентябре 2016 г. в России начнется новый избирательный цикл. Одной из важнейших его составляющих станут выборы в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации.

© Данилов М. В., Казаков А. А., Попонов Д. В.,
Назаров Н. О., Сергеев С. Г., 2016

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

С целью выяснения политических предпочтений и установок жителей Саратовской области в ноябре–декабре 2015 г. – фактически за полгода до старта электоральной кампании – Центром региональных политических исследований (г. Саратов) была проведена серия опросов населения.

В общей сложности было опрошено 210 человек. Из них 60 проинтервьюированы в формате фокус-групп и 150 граждан – в режиме массового социологического опроса. Исследования проводились на территории Базарно-Карабулакского, Новобурасского, Петровского и Татищевского муниципальных районов Саратовской области. В настоящей статье содержатся обобщенные результаты аналитической обработки мнений жителей данного региона по наиболее актуальным вопросам политической повестки дня, общей оценке деятельности власти и ожиданиям от предстоящих выборов.

Начать считаем целесообразным с общей осведомленности граждан о текущей политической ситуации в стране и с того, откуда – из каких источников – люди предпочитают получать информацию о происходящем в мире политики. Анализ ответов на соответствующие вопросы, заданные респондентам в ходе массового социологического опроса и фокус-групп, позволяет констатировать следующее.

Прежде всего, интерес к политике жителей Саратовской области структурирован и весьма высок. За событиями в политической сфере люди следят достаточно регулярно. При этом особенно отчетливо это проявляется у представителей старших возрастных групп.

Основным источником политической информации вполне предсказуемо оказались СМИ: главным образом – телевидение (в первую очередь, федеральные телеканалы). Стоит отметить, что интернет-СМИ в целом используются, но не так регулярно, как телевидение. Для многих Интернет по-прежнему остается развлекательным ресурсом и источником получения профессиональной информации. При этом активные пользователи Интернета, как правило, составляют отдельный сегмент аудитории: те, кто черпают информацию из Сети, чаще всего не смотрят новости по телевизору.

Что же касается прессы, то печатные издания занимают в структуре политической информации периферийные позиции. В большинстве своем люди читают районные газеты, партийную прессу и другие издания, которые обычно раздаются бесплатно.

Центральное место в структуре интересов населения занимают федеральные новости. Региональная повестка структурирована, но ее восприятие обусловлено социальным положением или сферой деятельности человека, хотя в целом спрос на информацию о том, что происходит в поселке/городе/районе/регионе, достаточно высок и устойчив.

В целом можно заметить, что люди не испытывают особой необходимости обращаться к разным источникам информации, поскольку содержание новостей, транслируемых по различным каналам, не сильно разнится. Вместе с тем имеется и слой людей, которые стараются сопоставлять разные информационные потоки, формируя на этой основе собственное мнение о текущей политической ситуации и привлекая для этих целей в том числе оппозиционные федеральные и региональные издания.

При анализе того, как респондентами оценивалось общее положение, в котором находится наша область, отчетливо просматриваются две сформировавшиеся картины восприятия сложившейся ситуации: «Саратовская область – обычный по среднероссийским меркам периферийный регион» и «Саратовская область – “болото”, “дыра”, забытая властями». При этом второй позиции, как правило, придерживаются более мобильные слои населения, на собственном опыте знакомые с жизнью в других субъектах Российской Федерации, а также жители районов, не имеющих «точек роста». В качестве регионов-лидеров наряду со «столицами» чаще всего называются Калужская, Липецкая, Самарская, Астраханская, Пензенская области, а также Мордовия и Татарстан. Что характерно, в качестве наиболее уязвимых «сфер» жизни в нашем регионе респонденты называли дороги, ЖКХ, уровень медицинского обслуживания, качество жизни и культуру населения. При этом механизмы и пути улучшения ситуация у большинства, как правило, не отрефлексируются.

Наибольший оптимизм у населения вызывает сфера образования. Более четверти опрошенных считают, что она находится в хорошем состоянии, почти половина – что в удовлетворительном. Более 70% респондентов уверены в том, что отношения между различными этносами и конфессиями не являются напряженными и конфликтными. Элемент напряженности и потенциальной дестабилизации в этих коммуникациях усматривают чуть более 15% участников опроса; открытые столкновения на межнациональной или межконфессиональной почве допускают только 7,5%.

Стоит также отметить, что ситуация в регионе/районе чаще всего воспринимается отдельно от внешнеполитической, причем в основном негативно и с противопоставлением, которое условно можно сформулировать так: «Мы гордимся своей страной и хотим гордиться своим регионом/районом/городом/поселком».

Население без ошутимого алармизма наблюдает за развитием социально-экономической обстановки в стране, своем населенном пункте и собственной семье. При этом ситуация в месте проживания вызывает даже больший оптимизм, чем благополучие внутри своей семьи. Так, 29% респондентов убеждены, что ситуация в насе-

ленном пункте за последние полгода улучшилась, 43% – что осталась без изменений и лишь 23% отметили ухудшение обстановки. Ухудшение обстановки в семье отметили только 16% опрошенных.

По результатам анализа ответов людей складывается ощущение, что граждане в целом научились справляться с реальными и потенциальными трудностями и готовы поддерживать оптимистический настрой. На ближайшую перспективу (год–два) улучшения экономической ситуации в семье ожидают более 42% респондентов, а в своем населенном пункте – почти треть. Однако при таком относительно высоком уровне социального оптимизма уверенность населения в том, что все наладится, несмотря на непростую ситуацию, четко проявляется только в условиях артикуляции властями более или менее определенных экономических и социальных перспектив. В целом, неблагоприятный социально-экономический климат сегодня воспринимается весьма спокойно в качестве фонового фактора повседневной жизни, хотя при этом существенно ограничивая потенциал местного патриотизма, нивелируя чувства гордости за свой район/город/поселок.

Отдельный блок вопросов в рамках фокус-групп и массового опроса был посвящен выявлению предостережений граждан о наиболее актуальных на сегодняшний день проблемах. В целом, можно сказать, что иерархия проблем на каждом уровне власти не выстроена достаточно четко. В массовом сознании проблемные вопросы оформлены в весьма структурированные проблемные комплексы, выступающие основой для восприятия текущей ситуации и выстраивания на этой базе собственных поведенческих стратегий.

В качестве главной проблемы называется сложившаяся на местах ситуация, связанная с отсутствием условий для жизнедеятельности – как в плане работы, получения достойной зарплаты, приобретения жилья и улучшения жилищных условий, так и в плане организации досуга и отдыха. Следствием этой ситуации являются отток с периферии молодежи и работоспособного населения, которые не могут реализовать себя на малой родине, с последующей деформацией института семьи и семейных ценностей, а также воспроизводство деструктивных поведенческих практик разного уровня и масштабов.

Более половины респондентов ждут решения проблем от местных и региональных властей. Политические партии, общественные организации и предпринимательское сообщество не рассматриваются в качестве эффективных инструментов решения проблем.

Каждый третий участник опроса не будет предпринимать никаких действий, если волнующие его вопросы не будут решаться. Остальные готовы использовать для этого различные институциональные инструменты. В числе наиболее

результативных шагов рассматривается обращение за помощью в местную администрацию (17,3% опрошенных) и средства массовой информации (12,7%).

Дополняет эту во многом универсальную картину специфически формирующийся на каждой конкретной территории комплекс местных проблем, также сужающих пространство социального оптимизма локального сообщества.

Отчетливо просматривается сформировавшийся кризисный тип мышления, усугубленный отсутствием четких сценариев выхода из сложившейся ситуации (неопределенности) и невозможности планировать свои поведенческие стратегии не только в долгосрочном, но и в средне- и краткосрочном форматах.

В оценке текущей социально-экономической ситуации определяющим для почти половины опрошенных является личный опыт. В свою очередь, сама ситуация характеризуется как серьезный экономический кризис, затронувший в том числе и Саратовский регион. На фоне общей неуверенности в завтрашнем дне и минимальных сроков планирования высоким (причем как у старшего, так и среднего поколений) остается уровень рефлексии позитивного и весьма благополучного образа прошлого.

Стратегии развития локальных сообществ связываются, главным образом, со сферой производства, при этом доминирует мнение о том, что каждый регион может развиваться исключительно с опорой на местные ресурсы. Эта идея добавляет системности в сложившуюся «картину мира» и четко оформляет запрос на новый функциональный образ власти, которая, безусловно, несет ответственность за сложившуюся ситуацию.

Ответственность власти за сложившуюся ситуацию дифференцирована. Для трети респондентов главным объектом недовольства в этой связи является федеральное правительство, которое, по мнению опрошенных, не имеет четких целевых установок и стратегии в отношении будущего регионов, комплексной программы социально-экономического развития страны, а также воспроизводит неэффективные институты и практики в отношениях центра и регионов. Каждый четвертый опрошенный разделил ответственность за существующие трудности между властью в целом и внешними обстоятельствами.

Образ президента фактически не вписан в проблемную повестку, поскольку он решает другие задачи (в первую очередь – обеспечивает безопасность страны). Вообще, глава государства стабильно удерживает верхние позиции в рейтинге органов власти. Положительно деятельность В. В. Путина оценивают более 76% респондентов, отрицательно – чуть менее 17%. Наибольшую поддержку вызывает внешнеполитическая деятельность главы государства, предпринимаемые им усилия по борьбе с

международным терроризмом, а также комплекс мероприятий по укреплению вертикали власти. Менее очевидны для участников опроса успехи в реализации экономической, региональной, социальной политики, борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Из проблемной повестки выпадают также региональные и местные власти, ресурсный потенциал которых несоизмерим с масштабом существующих проблем. Оценка деятельности правоохранительных органов, прокуратуры и органов МЧС выше, чем региональных органов власти и органов местного самоуправления. При этом если в оценке деятельности регионалов и муниципалов преобладают отрицательные оценки, то федералы в целом оцениваются в глубоком плюсе.

Хорошей деятельностью правоохранительных органов считают более 30% опрошенных, органов прокуратуры – почти 40%, органов МЧС – почти 50%. Плохими результаты работы полиции считают около 10% респондентов, органов прокуратуры – почти 7%, органов МЧС – менее 4%.

Деятельность губернатора, регионального правительства, областной думы, а также местной администрации и депутатского корпуса называет хорошей лишь каждый пятый участник опроса. Плохо деятельность местной власти оценил каждый четвертый, региональной власти – каждый третий респондент. Наиболее успешными признаны усилия главы региона по взаимодействию с федеральными органами власти, лоббированию интересов региона на федеральном уровне, а также реализации программы импортозамещения. Недостаточно эффективно, по мнению участников опроса, в регионе реализуются мероприятия по снижению долговой нагрузки на бюджет, созданию новых рабочих мест, программы в сфере строительства и ЖКХ, кадровая и антикоррупционная политика.

Одним из ключевых индикаторов оценки властных структур можно рассматривать результаты работы органов власти в сфере здраво-

охранения, а также образования и ЖКХ, которая представляется сельским жителям наиболее важной и значимой. В данном отношении невысокие оценки деятельности региональных и муниципальных властей можно объяснить как раз отсутствием сколь-нибудь значимых успехов в развитии этих сфер. Напротив, относительно высокие показатели работы полиции и службы спасения связаны с тем, что актуальность проблем в сфере безопасности, обеспечении правопорядка и защиты от чрезвычайных ситуаций для граждан менее очевидна.

Четко прослеживается тенденция, согласно которой более высокие властные этажи позитивнее оцениваются населением. Одновременно с этим большие сегменты граждан (более 40%) либо ничего не знают о деятельности того или иного органа власти, либо затруднились представить свою оценку в контексте данного исследования.

Таким образом, подводя промежуточные итоги, можно предположить, что смысловая нагрузка избирательной кампании в сельских районах потенциально может быть отстроена вокруг социально-экономических проблем, учитывая и показатели социального и экономического самочувствия избирателей, и сложившееся проблемное поле, и оформившийся общественный запрос на наведение порядка в этой сфере.

Готовность партий и кандидатов позиционировать себя на этой площадке и содержательно вести социально-экономическую дискуссию можно рассматривать в качестве одного из факторов их успеха в избирательной кампании. Вместе с тем на фоне растущего общественного запроса на данный сегмент электорального дискурса велика вероятность использования некоторыми политическими силами социально-экономической проблематики при планировании протестных мероприятий, что, безусловно, снизит содержательность самого дискурса и не приведет к проработке конкретных сценариев социально-экономического развития общества.

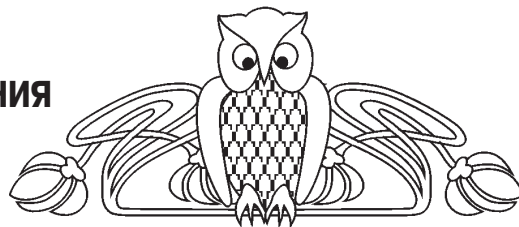
УДК 323.2

ИНВЕРСИЯ ОППОЗИЦИОННОГО СТАТУСА ПАРТИИ «ЯБЛОКО» В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. В. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет об эволюции оппозиционного статуса «Яблока» в постсоветский период, о тех факторах, которые обусловили его особую позицию на либеральном фланге и его взаимоотно-

шения с другими либеральными силами. Акцент сделан на анализе тех изменений, которые произошли в политических месседжах партии в условиях кризиса российско-украинских отношений и обострения международной ситуации.

Ключевые слова: оппозиционный статус «Яблока», социальный либерализм как ядро программы «Яблока», эволюция отношения к власти, инверсия оппозиционного статуса «Яблока».

Inversion of the Oppositional Status of the Yabloko Party in the Context of Strained International Relations

A. V. Golovchenko

The paper discusses the evolution of Yabloko's oppositional status in the post-Soviet period, the factors that conditioned its special position in the liberal wing and its relations with other liberal forces. The emphasis is placed on the analysis of changes that have occurred in the party's political message in the climate of a crisis in Russia-Ukraine relations and an escalation in the international context.

Key words: Yabloko's oppositional status, social liberalism as a core of Yabloko's political programme, evolution of the attitude to power, inversion of Yabloko's oppositional status.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-196-200

Позиция движения «Яблоко» с момента его образования как политической силы всегда была особой среди других либеральных партий и движений. Главные отличия были обусловлены тем, что Г. А. Явлинский отказался поддержать либеральные преобразования правительства Е. Т. Гайдара в силу своего несогласия с конкретными формами и методами проведения радикальных реформ в постсоветской России.

Данная критика основывалась на простом постулате. По мнению Г. Явлинского, Е. Гайдар и младореформаторы, формально находясь на либеральных позициях, не учли конкретных обстоятельств проведения преобразований в условиях постсоветской России. Поэтому во главу угла они поставили либеральные ценности, характерные для периода «дикого капитализма» (формирование класса собственников, приватизация государственной собственности, разрушение плановой системы хозяйствования и внедрение рыночных отношений). Несмотря на то, что в период «перестройки» Г. А. Явлинский сам был одним из авторов программы достаточно динамичных преобразований экономики СССР на рыночных принципах¹, вариант реформ Гайдара был встречен им критично в силу отсутствия в них социальной составляющей.

С этого момента главными пунктами расхождений лидера «Яблока» со всеми другими либеральными партиями стали, во-первых, дистанцирование «Яблока» от тех последствий либеральных реформ 1990-х гг., во-вторых, акцент на социальной стороне либерализма как идеологии. Состоявшееся размежевание демократических сил Г. А. Явлинский объяснял необходимостью сохранения «демократической перспективы» в России². Особенно резкой критике была подвергнута гиперинфляция, к которой привело либерально-демократическое преобразование экономической сферы в постсоветской России³.

Кратковременный успех «Яблока» на выборах в Государственную думу и самостоятельная позиция по ключевым вопросам общественно-политического и социально-экономического раз-

вития России еще более укрепили Г. А. Явлинского и его сторонников в правильности выбранной партийной стратегии и тактики. Несмотря на последующее постепенное снижение рейтинга партии и ее лидера, «Яблоко» продолжало сохранять основную часть своего «ядерного» электората (1993 г. – 7,86%; 1995 г. – 6,89%; 1999 г. – 5,93%; 2003 г. – 4,30%; 2007 г. – 1,59%; 2011 г. – 3,43%). В условиях ужесточения требования к партиям и в связи с изменениями избирательной системы «Яблоко» лишилось доступа к парламентской трибуне. «Ядерного» электората оказалось недостаточно, чтобы преодолеть 7%-ный барьер на выборах в Государственную думу по партийным спискам. Однако участие в выборах Президента Российской Федерации сохраняло статус партии как одного из продолжающих оставаться известным субъекта политики постсоветской России. Кроме того, в ряде регионов кандидатам от «Яблока» удавалось добиваться представительства в региональных законодательных собраниях. В некоторых случаях эта победа обеспечивалась объединением усилий и ресурсов «яблочников» и представителей других либеральных партий.

Критикуя существующую систему, Г. А. Явлинский акцентировал внимание на необходимости преодоления «семи главных бед современной России»: 1) авторитарной, кланово-олигархической, коррумпированной власти; 2) сырьевой зависимости; 3) консервации всеобщей бедности; 4) массового бесправия; 5) продолжения криминальной приватизации; 6) перспективы непреодолимой отсталости и ухода в третий мир; 7) угрозы коллапса государства. Основные положения программы преодоления этих проблем посвящены ужесточению контроля над государственным аппаратом, инвестированию рентных доходов от природных ресурсов в социальные программы, борьбе с монополизмом, реформе заработной платы и трудовых прав⁴.

Статус «Яблока» как социально-либеральной оппозиционной политической силы дополнялся непримиримым отношением его лидеров к попыткам других либеральных лидеров инициировать процесс объединения. При этом отторжение вызывала не столько сама идея объединения либеральных организаций, сколько угроза лидерским позициям «Яблока» в результате интеграционных процессов. Фактически единственным вариантом, на который был согласен Г. А. Явлинский (С. Митрохин), стало объединение вокруг «Яблока» на его условиях и принципах⁵.

События 2011–2012 гг. несколько изменили позицию лидеров в отношении действующей власти, но решающим моментом в инверсии статуса партии «социального либерализма» стали события на Майдане, свержение украинского президента Януковича и последующее возвращение Крыма в Россию.

До данных событий в политической программе «Яблока», в предвыборных платформах

и месседжах кандидатов от «Яблока» проблемы внешней политики России были представлены, но не занимали доминирующих позиций. Суть международной программы состояла в том, что у России должна быть миролюбивая политика, что Россия должна входить во все международные организации и сотрудничать с США и НАТО в деле обеспечения международной безопасности. Критика действующего режима в данной сфере присутствовала, но она не была антагонистической и конфронтационной и не была жестко привязана к критике внутривнутриполитического курса страны. Во время телевизионных дебатов в ноябре 2011 г. Г. Явлинский тезисно изложил свое понимание взаимосвязи внутренней и внешней политики: «Внешняя политика – это обеспечение мира, безопасности, это обеспечение наилучших условий для хорошей спокойной жизни в нашей стране. Ее цель – предсказуемость и добрососедство, дружба со всеми, с кем только можно дружить вокруг. <...> сильная внешняя политика может быть только тогда, когда она опирается на такую внутреннюю политику, когда граждане уважают и любят свое государство, когда в стране нет продажности, нет коррупции, когда люди соблюдают закон, государство соблюдает закон. <...> Когда такой внутренней политики нет, невозможно создать сильную внешнюю политику. Поэтому наша внешняя политика сегодня еще далека от той, которая нужна нашей стране»⁶.

События 2013–2014 гг. выдвинули международную проблематику на первый план политических заявлений и, по сути, обусловили инверсию оппозиционного статуса «Яблока». В своей категоричности в оценке российско-украинских отношений и особенно в вопросе возвращения Крыма в состав России руководители «Яблока» приблизились к лидерам радикальной либеральной оппозиции движения «ПАРНАС».

Более того, их жесткая критика действующего режима стала осуществляться через призму взаимодействия внутренней и внешней политики. Уже в марте 2014 г. лидер «Яблока» С. Митрохин опубликовал официальное заявление, в котором подчеркивалось, что «возрождение имперских комплексов и конфронтация с Западом рассматриваются как важнейшее средство мобилизации российского общества на безоговорочную поддержку режима. В погоне за этой целью он сознательно идет на превращение России в страну-изгоя, открыто нарушает международное право, Устав ООН – весь мировой порядок, сохранявшийся после Второй мировой войны»⁷.

Авторитарные характеристики режима Путина, его провалы во внутренней политике, по мнению Г. Явлинского, привели к агрессивной внешней политике. Ее цель – отвлечение общества от реальных нерешенных проблем и провалов в экономике и социальной сфере, высокого уровня преступности и коррупции, продолжаю-

щейся зависимости России от продажи сырьевых ресурсов.

События в Крыму Г. Явлинский и его сторонники прямо оценили как агрессию России и аннексию территории соседнего государства. Поддержка Донбасса также была оценена как военное вмешательство России в дела суверенного государства. Фактически в данном вопросе «Яблоко» находится на единой платформе с лидерами радикальной либеральной оппозиции. Некоторые нюансы различий остаются (например, в отношении заявления Г. Каспарова, призывающего не просто к свержению режима В. Путина, но и фактически к установлению внешнего управления российским обществом⁸). «Яблочники» не дошли до столь антинациональных заявлений, но их оценки также весьма жестки, как и апелляция к мировому общественному мнению⁹. Ключевое значение имел призыв к восстановлению политических и экономических связей с Западом, отмена санкций, привлечение инвестиций, либерализация экономики и т. д.

По мнению лидеров «Яблока», реальность заключается в том, что «Украина, Грузия и Молдова, подписавшие 27 июня соглашение об ассоциации с ЕС, создают прочную основу будущего своих граждан. Необходимые экономические реформы будут непростыми, потребуют много сил, но спустя некоторое время приведут к качественному изменению в экономиках этих стран, откроют путь к развитию до уровня, соответствующего экономикам XXI века. Попытки помешать им проводить структурные реформы и втягивать их в специально создаваемые заведомо отсталые закрытые экономические анклав – бесперспективный, тупиковый путь, так же как и попытки подменить европейское направление в стратегии государственного развития “евразийской” химерой»¹⁰.

Вопрос об участии ВКС РФ в событиях в Сирии также оценивается лидерами «Яблока» достаточно критично. Главный тезис состоит в том, что данная военная операция предназначена для отвлечения внимания от украинских событий и представляет собой авантюру, которая несет серьезную потенциальную опасность Российской Федерации. Экономическое бремя этой войны непосильно для России в условиях экономического кризиса и тормозит и без того медленное развитие страны.

Одними из негативных последствий, по мнению «яблочников», является дальнейшее ухудшение международного положения России в результате осложнения отношений с Турцией (отягощающиеся и ухудшением экономического состояния), восприятие России как главной военной угрозы для США и НАТО, разрушение отношений с большинством бывших советских республик (Прибалтика, Украина, Азербайджан).

В целом, «Яблоко», сблизившись по вопросам оценки международной проблематики Рос-

сийской Федерации с позицией ПАРНАСа, на союз в ходе проведения предвыборной кампании не идет¹¹. Основной причиной продолжает оставаться акцент на «чистоте» либеральной позиции «Яблока». Тем самым они не хотят принимать на себя ответственность за последствия либеральных преобразований 1990-х гг. и реальной политики в лице экс-премьера М. Касьянова. Еще одной причиной выступает понимание важности дистанцирования от некоторых одиозных фигур радикальной либеральной оппозиции (например Г. Каспарова).

Более того, в начале 2016 г. в условиях фактически начавшейся предвыборной кампании позиция «Яблока» по Крыму была смягчена. Новый председатель партии, депутат Законодательного собрания Республики Карелия Эмилия Слабунова заявила, что у партии «Яблоко» «имеется программа по выходу России из кризиса и разрешению конфликта между РФ и Украиной – без возвращения Крыма и Севастополя под контроль Киева. <...> Мы не отдадим Крым, мы говорим, что нужно цивилизованно разрешать ту ситуацию, которая сложилась в связи с аннексией Крыма»¹². Позиционирующий себя кандидатом в президенты Григорий Явлинский предлагает созвать международную конференцию по статусу Крыма и провести еще один референдум, который бы устроил все заинтересованные стороны¹³.

Расчет делается на ядерный пролиберальный электорат, недовольный авторитарными тенденциями в политике Путина, осложнением отношений России и западноевропейских стран, усложнением возможностей контактов.

По расчетам «Яблока», данное умеренное недовольство не может быть реализовано на либеральном фланге никакой другой политической силой. Только «Яблоко» демонстрирует преемственность и последовательность своей оппозиционной политики, только у «Яблока» отсутствует негативный шлейф антиимиджа в виде разнообразных социальных последствий.

Тем не менее, инверсия политического статуса «Яблоко» уже состоялась. Ее суть состоит в том, что жесткая увязка критики внутренней и внешней политики режима Путина не позволяет «Яблоку» эксплуатировать ставший привычным образ умеренной и конструктивной либеральной партии, которая в своей программе стремится соединить либерализм и социал-демократию.

Можно с большой долей вероятности спрогнозировать, что в ходе предвыборной кампании в Государственную думу Г. А. Явлинскому и другим кандидатам от партии придется делать жесткие заявления не только по внешнеполитическим проблемам, но и в отношении существующего политического режима в целом, его конституционных основ, механизмов рекрутирования элиты, избирательной и партийной системы и т. д. Это неизбежно радикализирует оппозиционный

статус «Яблока» и нивелирует системоопределяющее значение его либеральной социальной платформы. Лидерам «Яблока» неизбежно придется представлять и обосновывать весь комплекс внутренних преобразований, радикально отличающихся от существующей политической системы.

Неизбежно возникнет также вопрос о формах и методах борьбы с существующим режимом, и логика радикальной критики В. Путина объективно подведет к более жестким оценкам возможности изменить ситуацию с помощью мирного волеизъявления граждан в ходе выборов и голосования за оппозиционную партию. Тем самым статус оппозиционности «Яблока» существенно меняется в сторону большей радикальности и непримиримости в отношении к действующей власти.

Такие изменения, с одной стороны, оттолкнув от партии часть либерально ориентированных, но умеренно настроенных избирателей. С другой стороны, у «Яблока» есть шансы оттянуть на себя более радикально настроенных сторонников либерализма. Этому способствует активная контрпропаганда в государственных СМИ, направленная против лидеров ПАРНАСа, раскрывающая их открытые связи с западными организациями и НКО, компромат, дискредитирующий личностные качества М. Касьянова и его сторонников. Фактически внутренняя конкуренция в либеральном секторе на выборах в Государственную думу остается одним из главных факторов, который обуславливает отсутствие серьезных шансов на прорывной успех какой-либо либеральной политической силы. Кроме того, важно учитывать, что на этом фланге активизирует свою деятельность партия «Правое дело» под руководством Б. Титова. Большинство политологов оценивают ее как партию-спойлер, главной целью которой является оттяжка голосов у либеральных оппозиционных партий.

В таких условиях измененный статус партии «Яблоко» вряд ли способен привести к серьезному успеху на выборах, если только ее лидеры не припасли какие-либо оригинальные заготовки, способные изменить отношение к Явлинскому и его сторонникам. В любом случае из всех имеющихся партий данного сектора именно «Яблоко» имеет более всего институциональных ресурсов, которые способны оказать инерционное воздействие на либеральный электорат в качестве мотива голосования.

Примечания

- 1 См.: Переход к рынку. Концепция и программа. М.: ЭПИцентр, 1990.
- 2 См.: Явлинский Г. А. Экономика России: наследство и возможности. М.: ЭПИцентр, 1995. С. 123.
- 3 Там же. С. 38.

- 4 См.: Семь шагов к равенству возможностей. Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» – программа создания сильной России // Рос. газ. 2007. 14 нояб.
- 5 См.: Явлинский Г. А. О российской политике. М.: ЭПИ-центр, 1999.
- 6 Предвыборные дебаты Г. А. Явлинского и С. М. Миронова. Внешняя политика России. URL: https://www.1tv.ru/news/2011/11/22/107501-vybory_2011_grigoriy_yavlinskiy_i_serгей_mironov (дата обращения: 29.04.2016.).
- 7 Неоимперский курс ведет к катастрофе. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2014/03/19> (дата обращения: 22.10.2014).
- 8 См.: Гарри Каспаров : «Путин давно сжег все мосты». URL: <http://inopressa.ru/article/08Mar2016/welt/kasparov.html> (дата обращения: 08.03.2016).
- 9 См.: Политкомитет «ЯБЛОКА» – Международная конференция – необходимое начало мирной политики в отношении Украины. URL: <http://www.yabloko.ru/2014/06/29> (дата обращения: 22.10.2014).
- 10 Там же.
- 11 См.: Вилков А. А. Особенности участия оппозиции в политической жизни современной России в условиях обострения международных отношений // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практических работников. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 27–31.
- 12 «Яблоко» знает, как России решить конфликт с Украиной без возвращения Крыма. URL: <http://www.newsru.com/russia/29feb2016/slabunova.html> (дата обращения: 01.03.2016).
- 13 Там же.

УДК 347:340.115

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Н. И. Изергина

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск
E-mail: ninaini@yandex.ru

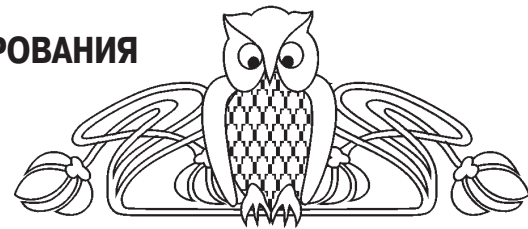
В публикации исследуется проблема проектирования правового государства как составная часть теоретизирования в области модели демократии для современной России. Анализируются механический и органический подходы к решению данного вопроса, а также различия между ними в контексте работ И. А. Ильина, посвященных постсоветскому развитию России. Подчеркивается роль органической методологии в конструировании российской модели демократии, сочетающей высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей, которая обеспечивает синергию нормативно-ценностного и эмпирического подходов в проектировании правового государства для современной России.

Ключевые слова: правовое государство, правосознание, справедливость, модель демократии для современной России, механическая методология, органическая методология, И. А. Ильин, органическая демократия.

Methodological Aspects of Designing a Legal State

N. I. Izergina

The article explores the problem of the designing a legal state as a part of theorizing in the field of the model of democracy for modern Russia. It is analyzed the mechanical and organic approaches to the decide this question, and also the differences between them in the context of the works of I. A. Ilyin is devoted to post-Soviet development of Russia. The main emphasis is laid on the role of the organic methodology in designing Russian model of democracy, combining a high level of freedom with the system of absolute values, which provides synergy of normative-values and empirical approaches in the design of the legal state in modern Russia.

Key words: legal state, legal consciousness, justice, model of democracy for modern Russia, mechanical methodology, organic methodology, I. A. Ilyin, organic democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-200-204

Проблема проектирования правового государства является составной частью теоретизирования в области модели демократии для современной России. Оно основывается на различных методологических подходах – механическом и органическом. Различия между ними четко провёл Иван Ильин в работах, посвященных постсоветскому развитию России.

Согласно механическому (формальному) подходу, суть демократии во всеобщем формальном равенстве и всеобщей борьбе друг с другом за власть ради собственных интересов под флагом общей пользы. Другими словами, в формальной демократии не учитывается качество желаний, планов единомышленников и намерений голосующих. То есть право голоса может стать правом перетягивания общего одеяла на себя. В формальной демократии государственный интерес состоит из суммы частных интересов. В ней нет, по мнению Ильина, «духовно верной меры свободы». Она безразлична к внутренней несвободе человека, к добру и злу¹.

Такая модель демократии сложилась в рамках западноевропейско-североамериканского общественно-политического и социально-эконо-

мического развития, ориентирами которого является ряд универсальных принципов (свобода конкуренции, ориентация на использование достижений НТП, приверженность демократической организации политической жизни и др.). Однако в условиях глобализации практика политической модернизации по западной либеральной версии в обществах с иными традициями и опытом продемонстрировала их готовность сохранять собственные идеалы, отвергая навязываемую западную систему ценностей².

Подобный результат, думается, не случаен, но предопределен, прежде всего, неверным методологическим посылом, базирующимся на формально-количественных индикаторах модернизационных процессов и их результатов в различных обществах. Между тем последнюю четверть века существенных трансформаций отличает «качественное усложнение природы и характера социальных изменений, а именно переход к нестационарной системе социальных связей и преобладанию нелинейных по характеру процессов»³.

Недостаточность описательного потенциала концепции глобализации как идеологии социального прогресса, в основании которой лежит европоцентристский демократический проект, обусловлена «идеологическими рамками линейной неолиберальной парадигмы» и проявляется «в противоречиях между навязанным универсализмом и культурным многообразием»⁴.

Реалии современного мира, пишет К. С. Гаджиев, состоят в том, что «ни о какой гомогенизации, единении мира и культур, тем более его макдональдизации, вестернизации, американизации не может быть и речи»⁵. Немаловажное значение в продолжающихся попытках со стороны Запада, прежде всего США, «навязать остальному миру свою модель политической самоорганизации или форму государственного устройства» имеет «западный комплекс триумфализма», который был порожден предполагаемой победой Запада в целом и США в особенности в «холодной войне» и который пришелся на пик их могущества⁶.

Сегодня в связи с признанием западноевропейского пути развития как модели для всего остального мира, скорее, исключением, чем правилом, закономерно рассматривать в качестве принципиальной методологической установки современной политической науки императивность разработки релевантных сложности современных социальных объектов «парадигм анализа, прогнозирования и управления»⁷.

К числу таких сложных социальных объектов принадлежит демократия, идея которой сегодня в глазах многих утратила свои реальные исторические и цивилизационные черты, вызвала чрезмерные ожидания, дебаты о кризисных процессах в функционировании западной версии демократии. В условиях глобализации «под угрозой находится не тот или иной модус

демократии (национальный или глобальный), а сама способность демократии оправдывать свое актуальное или желательное состояние»⁸.

Достаточно долгое время теоретизирование в области модели демократии для современной России осуществлялось преимущественно на европоцентризме, т. е. признании в качестве эталона для копирования формальной западной демократии. Постепенно акцент с традиционной парадигмы научного мышления, согласно которой существует единый путь развития всего человечества, стал смещаться к цивилизационной парадигме, рассматривающей отдельные цивилизации как уникальные социокультурные образования. Признавая это смещение, безусловно, положительной тенденцией, следует согласиться с тем, что данная парадигма таит в себе опасность абсолютизации специфики.

Представляется, что примером органичного сочетания указанных парадигм является разработка теории демократического развития постсоветской России И. А. Ильиным, в которой общие принципы демократии связаны с внутренней логикой преобразований и национальной духовной традицией.

Мыслитель обосновывал модель демократии для будущей России «с учетом унаследованной исторической, национальной, державной, и психологической данности», отказываясь «от всего несостоятельного, в том числе от новых видов западничества», но в то же время исходя из «знания всех политических форм и средств человечества и воплощения в жизнь в меру исторической возможности христианских аксиом правосознания и государственности»⁹.

Методологическая концепция разработки модели демократии для постсоветской России у философа основывается на следующих положениях:

– различные политические системы, формы государственного устройства развиваются, подобно живым организмам, по своим внутренним законам, связывающим в единое и неразрывное целое все составляющие элементы и не допускающим произвольных, внешнеполитических изменений;

– эти закономерности складываются на базе специфической культуры народа;

– устоявшиеся способы политической жизнедеятельности несут на себе отпечаток географических условий страны, характера ее исторического пути, веками господствующих религиозных верований;

– любые политические реформы должны носить эволюционный характер, так как резкие скачки и перевороты вредны, поскольку разрушают преемственность культуры, снижают ее уровень;

– одна и та же политическая модель (схема) не может быть эффективной для различных социально-культурных общностей;

– демократия имеет определенные сложности и опасности, которые могут возникнуть в условиях не критического к ней отношения и излишней поспешности введения ее в государственную жизнь;

– оптимальный характер демократизации, втягивания масс в политику возможен лишь в меру создания необходимых предпосылок: умение людей понимать, ценить свободу и правильно пользоваться ею, высокий уровень правосознания людей, их экономическая самостоятельность и т. д.¹⁰

Достоинство обозначенной методологии заключается в качественно-органическом подходе к демократии, исключая крайности европоцентризма и этнонационализма, недооценку факторов взаимодействия и взаимовлияния отдельных государств и цивилизационных общностей.

Философ не разделял позицию тех, кто видел в России только отставшую в своем развитии страну, не способную ни к чему другому, как только учиться у Запада. Он ценил в русской культуре особое внимание к религиозной и морально-этической проблематике. Жизненный идеал, на который ориентировалась русская культура (в лице философов и писателей), включал нравственную ответственность человека перед Богом и перед другими людьми. Отсюда самобытность нашего пути Иван Ильин видел в том, чтобы, освободившись от наших слабостей, таких как безволие, безмыслие, бесформенность и хаос, не утратить традиционной силы, заключающейся в нашей сердечности, созерцании, свободе и совести.

Русская идея, в его понимании, есть «идея православного христианства», требующая от России быть не только национальным, но и христианским государством, где закон и порядок сочетаются с моральными заповедями христианства. На этом основана уверенность русского философа в том, что будущая Россия должна быть и будет свободной, но путь, ведущий к этому, – это не путь западного формализма, а творческий путь, диктуемый духом сердечного созерцания и предметной свободы.

Опыт политического и культурного строительства, имеющийся у человечества, в обязательном порядке должен быть адаптирован к русской органической традиции, сильно поколебленной русской революцией. Инновационному восстановлению и формированию, с точки зрения Ильина, подлежит целый ряд здоровых национальных традиций. В их числе следующие традиции:

1) обновленной религиозной веры, преодолевающей разрыв между научным знанием и верой. Новая демократическая Россия должна быть не просто цивилизованным, но культурно и духовно развивающимся обществом, а главным субъектом этого развития и одновременно его главной целью должен быть нерасколотый, цельный человек;

2) патриотизма – духовного единения людей, духовного измерения их культурной принадлежности в чувстве любви к духу своей нации и укладу жизни;

3) чувства национального достоинства, веры в силы своего народа, которые должны закладываться в человеке в родительской семье;

4) русской семьи: любовь, взаимное доверие, солидарность, дисциплина, уважение авторитета, внутренняя свобода ее членов, жертвенность, справедливость, честь. Русская семья была хранилищем русского национального характера, а это то, что «нужно России навеки»;

5) «русского национального рыцарства», слагающегося из честного служения Родине, ответственности и преданности, доброты и милосердия, воли и прямоты;

6) разделения сфер и органического согласования целей и усилий Церкви и государства в служении высшей цели – Делу Божию на земле. Дело Православной церкви – это «дело пробуждения живых человеческих сердец к любви, милосердию и благотворительности...»¹¹;

7) духовной традиции в политике: «необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика; политика, ведомая честью и прозорливостью»¹²;

8) сильной государственной власти (правота, наличие национально-идейного замысла; независимость; всенародное признание; достаточный и предметно действующий принудительный аппарат; демократический дух);

9) поиска справедливости на новых путях, «указанных христианством, но пока не найденных человечеством»¹³;

10) поиска «нового русского строя», авторитарного и унитарного по форме, но демократического и федеративного по духу;

11) социального понимания частной собственности, «преображения ее щедростью и осмысливания как публичной обязанности»¹⁴.

Отсюда следует, что методология проектирования демократической России включает национальную органическую традицию в развитие всего человечества, цивилизации, становящейся все более универсальной. При этом творческое восстановление священных традиций позволит России сохранить себя в качестве самостоятельного и самобытного исторического субъекта, органически соединяющего силу сердца, созерцания, свободы, совести русской души с силой воли, мысли, формы и организации. Взаимодействие традиций и инноваций в социально ориентированной либерально-консервативной стратегии развития современной России подразумевает ее духовное обновление, национальную солидарность, практическую реализацию принципов социального и правового государства, создание сильной государственной власти, совмещающей преимущества авторитарного и демократическо-

го строя – при непрерывном отборе качественно лучших людей к власти.

В основу проектирования «правильной» демократии должна быть положена органическая точка зрения, исходящая из обновления демократического принципа в направлении отбора лучших и политического воспитания. Неудавшийся отбор к власти лучших людей приводит к развалу государства или к его строительству сверху, без участия народа. При этом подходящая система голосования в каждой стране должна быть выработана своя.

Политическое воспитание означает воспитание настоящего гражданина – того, кто думает об общем, о государственном деле: об общей безопасности жизни, о национальной армии, честной полиции, правом суде, образовании, культуре, правопорядке, гарантиях личных прав и т. д. Политическое воспитание призвано сформировать в народе умение правильно строить свое государство на базе здоровых национальных традиций.

Органическая демократия основывается на самобытности народа, его способе чувствовать, думать, желать и действовать. Основная духовно-творческая сила русского человека – любовь и вера, без которых он, по мысли Ильина, «неудавшееся существо». Россиянин, чтобы стать ответственным участником демократического строя, должен поверить в то, что российская демократия строится любовью, правом, справедливостью и свободой.

Это утверждение философа согласуется с представлениями россиян о свободах и правах человека, а также об основных характеристиках демократического общества. Так, о равенстве всех граждан перед законом в 1998 г. говорили 54% россиян, сегодня уже 70%, т. е. приоритет равенства всех перед законом стал основным мотивом целеполагания. При этом на равенстве всех перед законом приверженцы традиционных конфессий настаивают даже чаще, чем атеисты и верующие вне конфессий. 85% опрошенных россиян (в том числе 87% православных, 91% мусульман, 68% атеистов) считают, что не может быть оправдания оскорблению чувств верующих. Оскорбление религиозных чувств относится к числу наиболее осуждаемых поступков, выходя по уровню неприятия на третье место – у православных после употребления наркотиков и жестокого обращения с животными, у мусульман – после однополых браков и гомосексуализма¹⁵.

Главная мечта россиян сегодня – мечта о справедливости¹⁶. Религиозные традиции выступают в качестве ключевых трансляторов высших ценностей. В частности, Коран считает справедливость высшим достоинством. И в Коране, и в Книге хасидов это понятие употребляется очень часто, в Библии оно традиционно присутствует как синоним правды¹⁷. Традиционное отечественное понятие Правды как основы всего по-

рядка жизнеустройства присутствует в дискурсе Президента РФ: «... уважение к закону возникает только тогда, когда он один для всех, всеми соблюдается и в основе его – правда»¹⁸.

Церковь как институт пользуется колоссальным доверием в нашем обществе (ей доверяют 50%), и даже среди атеистов ей доверяет каждый пятый. Не случайно крайняя форма светскости одобряется только третью россиян, тогда как большинство считает нужной и социально позитивной деятельность религиозных организаций, в первую очередь в духовно-нравственной сфере, в сфере милосердия и благотворительности, сфере культуры и сохранения культурного наследия¹⁹.

Российская демократия не может быть безжалостной, где слабых и неэффективных обязательно добивают, без сочувствия к ближнему. Это против традиций русского народа. Поэтому правовое государство в современной России в восприятии народа неразрывно связано с социальным государством и его принципами: экономической свободы человека, ответственности государства за обеспечение благополучия своих граждан, социальной справедливости и солидарности общества, участия работников в общественной и государственной жизни.

Помимо традиции связь правовых и социальных характеристик государства вытекает из объективной взаимообусловленности свободы, справедливости и других принципов социального государства с правом и правосознанием. Право – это порядок, договор, организованность, господство, а правосознание – воля к порядку, единению, верность, свободная лояльность.

Правильное правосознание должно основываться на правильных понятиях о свободе и справедливости. Право – мерило действующей свободы и гарантия ее осуществления. Свобода возможна только под законом и через закон, а законная свобода будет полнее при опоре на здоровое правосознание. Последнее есть воля к законопослушанию, умение соблюдать свои и чужие полномочия, обязанности и запретности. Правосознание, исходящее из воли к духу и добру, перестраивает социальную жизнь людей на принципах духовного самоуправления, чувства собственного достоинства, уважения, доверия и справедливости.

Источником государственного правосознания Ильин считает национальное чувство. Он выделяет ряд особенностей русского правосознания: неформальность, свободу от мертвого законничества, тягу к живой справедливости, наивную недисциплинированность в бытовых основах, тягу к анархии²⁰.

Отсутствие здорового правосознания в народе превращает демократический строй в «решето злоупотреблений и преступлений». С воспитанием государственного правосознания «на основах христианско-братской солидарности

и патриотизма» связывал философ всю будущность России, ее государственное и политическое обновление в направлении органической демократии²¹.

Для теоретизирования и для практики демократического строительства большое значение имеют сформулированные Ильиным три правила правосознания:

– добровольное соблюдение действующих законов и борьба за новые, лучшие на основе конституции государства;

– внутреннее освобождение себя посредством добровольного самообязывания и поиск свободы только законным путем;

– всякое действующее право должно исходить из естественного, христиански воспитанного правосознания²².

Только через верное правосознание своих граждан государство может служить высшей цели – «организовывать и защищать родину на основе права и справедливости»²³. Следовательно, формирование правового государства в России предполагает, по Ильину, личность, обладающую волевой культурой христианского правосознания.

Таким образом, выступая за национальную самобытность, нельзя исключать из национального универсальное, право человека на свободу, реализуемое посредством институтов и учреждений правового государства.

При этом органическая методология в конструировании российской модели демократии, сочетающей высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей, обеспечивает синергию нормативно-ценностного и эмпирического подходов в проектировании правового государства для современной России.

Иначе говоря, в решении обозначенной проблемы нельзя игнорировать актуализацию нравственного императива, основанного на традиционной ценностной системе, но в обновленной форме, и конкретные задачи преобразования России в условиях сложнейших современных процессов и вызовов.

Примечания

¹ Изергина Н. И. Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 151, 154.

² См.: Изергина Н. И. Сильная власть как константа российской политики : методология Ивана Ильина и современность // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 89.

³ Гаман-Голутвина О. В. Политическая наука перед вызовами современной политики. К 60-летию САПН/РАПН // Полис. 2016. № 1. С. 13.

⁴ Мчедлова М. М. Социокультурные смыслы политики : новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. 2016. № 1. С. 159.

⁵ Гаджиев К. С. Размышления о перспективах мир-системы // Власть. 2016. № 2. С. 11.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 14.

⁸ Мусихин Г. И. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации // Полития. 2008. № 2. С. 43.

⁹ Изергина Н. И. Теория органической демократии И. А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2009. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Ильин И. А. Церковь и жизнь // Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. М. : МП «Рарог», 1992. Т. 2. С. 63.

¹² См.: Ильин И. А. О воспитании национальной элиты. М. : Жизнь и мысль, 2001. С. 483–484.

¹³ Ильин И. А. В поисках справедливости // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 185.

¹⁴ Изергина Н. И. Теория органической демократии И. А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России. С. 21–22.

¹⁵ См.: Мчедлова М. М. Указ. соч. С. 168.

¹⁶ См.: О чем мечтают россияне : идеал или реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013. С. 168.

¹⁷ См.: Мчедлова М. М. Указ. соч. С. 169.

¹⁸ Путин В. В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Изв. 2012. 16 янв.

¹⁹ См.: Мчедлова М. М. Указ. соч. С. 169.

²⁰ См.: Изергина Н. И. Теория органической демократии И. А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. С. 154–156, 161–165.

²¹ См.: Изергина Н. И. Путь России к демократии : взгляд И. А. Ильина и современность. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. С. 121–122.

²² См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Почему мы верим в Россию : Сочинения. М. : Эксмо, 2006. С. 317, 319, 323.

²³ Там же. С. 329.

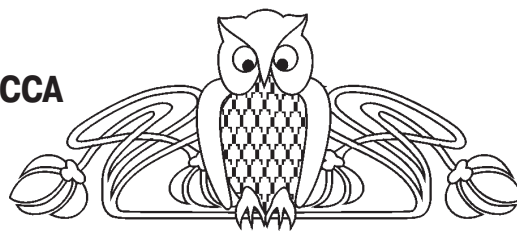

УДК 321.01

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

А. С. Федотов

Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: as.1953.ru@yandex.ru

В статье предпринята попытка анализа факторов, обусловленных процессами глобализации, интернет-коммуникации, социальной стратификации и развития массового общества, объективно дестабилизирующих современный политический процесс.

Ключевые слова: политический процесс, социокультурный контекст, глобализация, вестернизация, массовое общество, социальные меньшинства.

Globalizational Context of the Modern Political Process

A. S. Fedotov

The author tries to analyze the facts caused by the processes of globalization, Internet-communication, social stratification, and development of mass society which objectively destabilize modern political process.

Key words: political process, socio-cultural context, globalization, westernization, mass society, social minorities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-205-207

Несмотря на то что термин «политический процесс» давно и широко используется в специальных работах, за ним пока не стоит строго определенное и общепринятое содержание. Считается, что для этого еще не накоплен достаточный объем знаний, поскольку само явление многопланово, многомерно и, конечно, противоречиво. Вместе с тем мы можем представить этот процесс в некой абстрактной теоретически непротиворечивой модели, которая все же позволяет достаточно адекватно решать конкретные вопросы управления обществом. Современный политический процесс, имеющий глобальное, региональное и локальное измерения, выступает неким целостным феноменом, элементы которого находятся в постоянном и подвижном взаимодействии друг с другом. В рамках контекстуального подхода приоритетным является анализ социальной среды, социально-экономической и социокультурной обусловленности политического процесса. Данный подход, как и другие, позволяет раскрыть изменчивость политический явлений, выявить те или иные источники, состояния и формы политического процесса. Поэтому для наших рассуждений вполне достаточным будет понимание политического процесса как совокупности изменений в поведении и отношениях субъектов, в функционировании политических институтов, а также всех элементов поли-

тического пространства под влиянием внешних и внутренних факторов¹.

В этом плане, конечно, особую роль играют ценности, стереотипы и социальные нормы, непосредственно влияющие на макрополитику, поскольку здесь важны не только действия политических институтов, но и неформальные модели и правила политического поведения, которые образуют в итоге сложные формы взаимодействия между людьми. Несколько перефразируя П. Л. Бергера, можно сказать, что политические акторы совершают в обществе лишь то, что допускается, что соответствует его правилам, так как большинству «ярмо общества не слишком трет шею»². В конечном счете для нас важны те изменения в политическом процессе, которые сформировались и весьма четко проявились в современных условиях и которые, на наш взгляд, будут определяющими в ближайшей перспективе. Иначе говоря, важны социокультурные факторы, прямо влияющие на изменение политического процесса с точки зрения его структуры, форм, функций, акторов и т. п. обстоятельств политической жизни.

В этом контексте следует, в первую очередь, выделить проблемы, порождаемые глобализацией. Стало уже трюизмом понимание того, что глобализация негативно влияет на субъектность национальных государств, а также способствует дальнейшему ослаблению уже слабых государств. Она подрывает легитимность национальных государств как главных поставщиков социальных благ и делает граждан государств более восприимчивыми к идеям и предложениям разных интернациональных общностей и организаций. Глобализация способствует глубоким изменениям в структуре идентичностей граждан с появлением транснациональных сообществ и идентичностей, она изменяет национальную (традиционную) систему лояльностей людей. Впрочем, эти вещи подробно описаны в литературе и являются вполне обыденными и понятными. Но вместе с тем глобализацию нельзя отождествлять с интеграцией и интернационализацией, которые являются объективными системными закономерностями развития современного мира³. Поскольку, если мы посмотрим на процессы глобализации с точки зрения их субъектности, глобализация из нейтрального и объективного процесса сразу же превращается

в вестернизацию, воздействию которой и подвергается, за исключением «Евроамерики», весь остальной мир. В этом смысле – это уже попытка переформатирования социокультурных матриц большинства народов и особенно народов стран периферии и полупериферии современной мир-системы.

А. Зиновьев, рассуждая о характере народа, рассматривает его как единый комплекс взаимосвязанных качеств. И если характер народа уже сложился, то к нему нельзя добавить ничего постороннего и нельзя исключить из него ничего существенного, не нанося при этом ущерба этому целому и не разрушая его. Естественно, что сам характер народа со временем изменяется, эволюционирует. Но эти исторические изменения в характере народа происходят в рамках одного и того же типа культуры и главное – на ее основе⁴.

По мнению А. Зиновьева, государство возникает и существует и для самого себя, и для привилегированных групп, и для всего общества. Эти аспекты всегда проявляются только в единстве государственной деятельности. Но следует подчеркнуть, что государство волей-неволей для обеспечения целостности общества и его сохранения в историческом процессе, в первую очередь должно позаботиться о себе, стать во многом самодостаточным социальным институтом, превратиться в субъекта истории, исполняющего общество как основу и средство своего бытия. Только при этом условии у государства появляется возможность «позаботиться должным образом» об обществе, орудием которого оно в конечном счете и является⁵. Крупнейший российский историк XX столетия В. Кожин эту же мысль выразил несколько иначе. На его взгляд, действительная «история каждого народа начинается с момента создания государства, которое, по сути дела, являет собой воплощение исторической воли народа. Именно посредством государства, в лице государства, народы осуществляют те свои целенаправленные деяния, из коих складывается их подлинная история»⁶. Иначе говоря, любое национальное государство формируется длительной исторической эволюцией, и поэтому к нему нельзя подходить как к какому-то нейтральному социальному механизму, роль и место которого в политическом процессе можно произвольно менять.

И действительно, в современных условиях явно проявляется нарастание противостояния государств транснациональным корпорациям и выражающим их интересы международным финансовым организациям. В современном политическом процессе государства по-прежнему остаются наиболее общей формой объединения разнообразных идентичностей, способной защитить и поддержать своего гражданина. Государство по-прежнему является единственным органом самосохранения общества в условиях

крайне противоречивого процесса формирования и развития глобального гражданского общества как негосударственного объединения людей. В такой интерпретации социокультурного пространства становится как-то яснее и проще определять цели и содержание национального политического процесса.

Распространение в последние десятилетия радикальных взглядов и действий в западных странах есть естественный продукт развития самого массового общества с его прочно укоренившимся культом формального равенства индивидов. Фактически это связано с окончательным разрушением традиционных солидарных структур, когда единственной всеохватывающей формой идентификации становится гражданская идентификация, т. е. идентификация с государством. Но именно она, как форма солидарности с собственным государством, начинает подвергаться сомнению и резкой критике как результат многообразных форм отчуждения в условиях нарастания свобод индивида, когда сознательно отказываются от всякого рода различий и провозглашают тотальное равенство людей, обладающих якобы равными универсальными правами, и где человек предстает как некая абстрактная величина. Другими словами, в этих условиях субъектом всеобщих прав человека становится человек вообще, который не имеет ни национальных, ни конфессиональных, ни профессиональных, ни социальных, ни каких-либо других, ранее базовых характеристик, упорядочивающих и структурировавших общества недавнего прошлого. Естественно, что появляется и широко распространяется ностальгия, тоска по социальной солидарности и сплоченности, которые были характерны для прошлых эпох в развитии человечества.

Культ индивида, индивидуализация современного мира являются той благодатной почвой, на которой и появляются различные формы контркультуры, поскольку возрастание свободы выбора стиля поведения и образа жизни индивида порождает новые социальные проблемы и гражданские конфликты. Индивид в современных условиях получает возможность неоднократно на протяжении своей жизни менять в той или иной степени систему ценностей, менять свою политическую мотивацию, свое политическое (и не только) поведение, поскольку все это становится нормой жизни, когда мораль и традиция уже не являются теми рамками, которые ранее определяли поведение человека.

Конечно, ориентация в политике на различные радикальные идеи и действия по-прежнему порождается самыми разными факторами социально-экономической и политической жизни, но они в современных условиях как бы получают дополнительную мотивацию, а главное, создают иллюзию в легкости достижения поставленных целей. Здесь речь идет о социальных сетевых

технологиях, которые постепенно превращаются в некую базу всей общественной активности. Можно сказать, что интернет-коммуникации «вырывают» человека из взаимосвязей традиционного опыта и якобы включают индивида в прямые отношения с «миром». Реальным здесь является лишь то, что сущностно изменяется информация, которую использует человек. Она из личной и коллективно переживаемой информации, вырастающей из непосредственного опыта индивида и коллектива, превращается в некую виртуальную информацию, принципиально отличающуюся от традиционной. Интернет-коммуникация может провоцировать и агрессию, поскольку для виртуальных сообществ, как это показано в специальной литературе, характерны четкие границы между «Мы» и «Они». Подобные границы в реальной жизни не бывают столь жесткими, так как человеку в повседневной жизни они просто не нужны, поскольку разрушают любое социальное взаимодействие. Общение же в социальных сетях порождает уверенность в наличии общей цели, в единстве, в том, что таких, как участник, много, и т. п. Отсюда эти виртуальные «вещи» приобретают как бы онтологический статус, и именно они как бы и воплощают саму реальную жизнь.

Следует обратить внимание и на те моменты, которые очень ярко представил в своих последних работах Л. Г. Ионин⁷. В них он показывает, что формирование и самопрезентация в широчайшем диапазоне и объеме самых разнообразных и, как правило, агрессивно настроенных групп меньшинств стали одними из самых значимых явлений последних 10–15 лет. По его мнению, эти весьма разнообразные, очень пестрые по своей «тематике» образования различаются по формам проявления и степени оформленности, но все характеризуются наличием разрушительного потенциала, угрожающего социальному порядку и сплоченности любого общества.

А современная массовая демократия, характеризующаяся не просто терпимым отношением к меньшинствам, но и в ряде моментов прямо поощряющая их деятельность, начинает формировать новый тип социальной структуры, где ключевыми идентификациями оказываются при-

знаки разного рода меньшинств, рассматриваемых как депривированные со стороны некоего господствующего большинства. И поэтому их претензии на изменение своего статуса становятся универсальным явлением современной социальной жизни и современного политического процесса.

Таким образом, можно сказать, что выявление фундаментальных особенностей современных политических процессов, характерных в первую очередь для развитых индустриальных стран, распространяются на весь мир в рамках процесса вестернизации, в который включены все без исключения народы. Поэтому для национальных государств, конечно, важнейшей задачей становится удержание общества в традиционных и общепринятых рамках собственной культурной традиции и общественной морали.

В настоящее время в обществе не только объективно существуют возможности для самой разной идентификации индивида в течение его жизни, но они признаются обществом и государством и, самое главное, активно используются индивидом. Поэтому проблема гражданской идентичности приобретает особое значение в современных демократиях, основанных, как уже говорилось, на соблюдении универсальных прав человека, когда «императивность коллективного образа жизни» уходит на периферию общественного сознания.

Примечания

- ¹ См.: Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. М., 2003. С. 288.
- ² Бергер П. Л. Приглашение в социологию : Гуманистическая перспектива. М., 1996. С. 89.
- ³ См.: Фурсов А. Холодный восточный ветер русской весны. М., 2014. С. 212.
- ⁴ См.: Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004. С. 190.
- ⁵ Там же. С. 194.
- ⁶ Кожин В. О русском национальном сознании. М., 2002. С. 262.
- ⁷ См.: Ионин Л. Политкорректность : дивный новый мир. М., 2012 ; *Его же*. Восстание меньшинств. СПб., 2012.

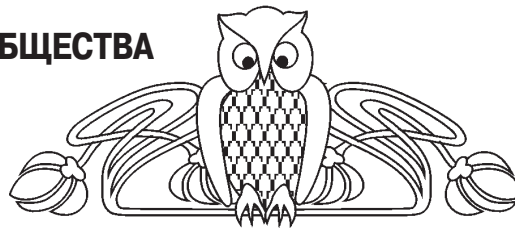

УДК 32.01

АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере африканских стран)

Г. М. Барашков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Eternity65@yandex.ru

В статье рассматриваются аналоговые формы гражданского общества в странах Юга на примере африканских стран. Анализируются становление и развитие гражданского общества в этом регионе мира, его специфика и характерные черты. Показано, что формирующиеся модели гражданского общества незападного ареала обладают собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран.

Ключевые слова: аналоговая модель, гражданское общество, демократия, демократизация, модернизация, традиционализм.

Analogous Forms of Civil Society (Exemplified by African Countries)

G. M. Barashkov

The author considers analogous forms of civil society in countries of the South exemplified by African states. Foundation, development, specifics, and peculiarities of civil society in this region of the world are analyzed. It is stated that burgeoning civil society models of non-Western areal have their own specific features, which are determined by special character of civilizational development of the countries.

Key words: analogous model, civil society, democracy, democratization, modernization, traditionalism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-208-215

При исследовании гражданского общества вряд ли можно исходить из существующей какой-то единой «нормативной» его модели, как это делают некоторые исследователи¹. Это можно объяснить тем, что в мире сложно найти страны с комплексом абсолютно идентичных культурно-исторических, экономических, политических и иных условий развития, которые бы укладывались в некое лекало. Есть определенный набор признаков «идеального» гражданского общества, в наибольшей мере существующий в экономически и демократически развитых государствах. Страны догоняющего развития, в том числе страны Юга, с разной степенью настойчивости пытаются освоить этот набор, который, накладываясь на местную специфику, порождает своеобразные формы гражданских отношений.

На первый взгляд, вопрос о наличии и функционировании гражданского общества в западном ареале исключает сколько-нибудь реальные мотивы для его постановки в исследовательском плане ввиду определенных условий развития и становления данных обществ, особенно учитывая

евро-американское происхождение и довольно рыхлое содержание самой концепции гражданского общества, разнообразие его моделей, характеристик гражданских организаций, сфер и направлений их деятельности, отношений с государством, рынком и т. д. Могут ли гражданские общества существовать вне западной цивилизации? Некоторые исследователи в этом сомневаются ввиду связи этого понятия с особой исторической траекторией западных обществ. Построение социальных отношений на общинной, этнической или религиозной основе, как и смешение государственной и частной сфер, вроде бы должно препятствовать развитию гражданских обществ в полном смысле слова. Вместе с тем, как показывает практика, и в странах Юга происходят интенсивные процессы гражданской самоорганизации, отрицать которые было бы неверно.

Возникновение гражданских организаций в странах Юга определялось рядом внутренних и внешних факторов. К первым относятся ослабление государств в отпадении их основных социальных функций, т. е. ситуация, в которой эти организации становились для населения некой альтернативой государству; рост так называемых промежуточных элит, способствующий подъему разного рода ассоциаций. Ко вторым факторам можно отнести окончание межблоковой «холодной войны», расширившее политическое пространство для организаций гражданского общества; увеличение международных неправительственных организаций, создававших свои отделения в развивающихся странах, а также увеличение международной помощи странам Юга в обход государственных структур.

Все эти процессы проявились в странах Юга, в частности африканских странах, особенно на рубеже 1980–1990 гг., в период демократической волны, и нашли отражение в смене авторитарных однопартийных режимов многопартийными на основе конкурентных выборов, усилении роли представительных органов власти, а также в общем ослаблении государства в социально-экономической сфере, во многом под влиянием и давлением либеральных идей извне.

Демократизация политических режимов, рост гражданской активности не обошли стороной и арабские страны. Многие гражданские организации здесь или предстают в роли партнеров

государства, или делают упор на вопросах защиты прав человека. Специфической чертой социально-политической ситуации в этом регионе является довольно сильное влияние религиозного (исламского) фактора, что нередко отражается на внутренней структуре и функциональности гражданских организаций. В Египте, Тунисе – странах так называемой арабской весны, исламские организации, например, относят себя к гражданскому обществу. Но «исламизированной» концепции гражданского общества, практически неизбежной в мусульманских странах, довольно активно, и небезуспешно, противопоставит его «светская», демократическая трактовка, и столкновение этих двух течений во многом характеризует идейную атмосферу общественной жизни в арабском мире.

В странах незападного ареала формируются модели гражданского общества, которые со временем приблизятся по некоторым параметрам к «западному образцу», но в то же время будут обладать собственными, специфическими чертами, определяемыми особым характером цивилизационного развития этих стран. Феномен цивилизационной специфики в русле глобальных процессов стал темой научных дискуссий и публикаций. Так, исследователь В. С. Степин считает, что категории «гражданское общество», «правовое государство», «права человека» принадлежат культуре одного типа цивилизации. Их нельзя применять к традиционалистскому обществу. Это связано с тем, что, по его мнению, личность в традиционалистском обществе определяется через семейно-корпоративные и производственно-корпоративные связи. Это личность только потому, что является частью корпорации, сословия, касты, общины. Степин выразил сомнение в том, что права человека могут быть «в традиционной культуре»².

Процессы становления гражданского общества в странах Юга, как и в других государствах и регионах мира, отмечены своими закономерностями и особенностями. Вместе с тем само понятие «гражданское общество» в известной мере достаточно аморфно. В разное историческое время оно имело различные, порой чуть ли не взаимоисключающие толкования. В связи с этим оптимальным направлением анализа феномена гражданского общества в странах Юга можно считать исследование процессов формирования определенного набора его признаков и проявлений их жизнедеятельности на современном этапе. Ввиду неравномерности развития различных социумов эти проявления имеют свою национальную, религиозную и иную специфику.

В наиболее общей форме существующая ныне концепция гражданского общества характеризует его как один из трех полюсов в структуре социума, который, отражая и защищая интересы граждан, оказывает давление на два других полюса – власть и рынок. Генезис такого

общества проходит через активность граждан, создающих при наличии определенных политических, экономических и социальных условий различные организации некоммерческого, неправительственного толка, стабильное функционирование которых обеспечивает демократизацию общества.

По мнению ряда исследователей, генезис структур, на основе и в рамках которых в странах Юга стало формироваться гражданское общество, имел место еще в период колониальной зависимости. Так, например, исследователь Х. Роннинг считает, что гражданское общество создавалось колониальным государством для белых жителей колоний. Особенно типичной такая ситуация была в Алжире, Кении, Зимбабве. Своеобразным отклонением от «нормы» автор считает креольские общества в Западной Африке, которые уже в XIX в. создавали очаги национально-освободительного движения, направленного против и колониального государства, и колониального гражданского общества³. Таким образом, мы можем констатировать, что уже в XIX в. на колониально зависимых территориях стран Юга существовали структуры если не гражданского, то протогражданского общества, включающие, с одной стороны, лиц, связанных с колониальными режимами, с другой – участников национально-освободительных движений.

К факторам подготовки «почвы» для будущих элементов гражданского общества следует отнести и деятельность христианских миссионеров, созданные ими религиозные общины, ставшие своеобразными прототипами будущих гражданских организаций в постколониальной действительности. В итоге создавался пласт социума, подготовленного к восприятию и усвоению норм гражданственности в современном понимании.

В этой связи можно сослаться на некоторые исследования, в которых утверждается, что признаки становления гражданского общества отмечались во многих частях континента еще до прихода колонизаторов. Например, в работе, посвященной деятельности ганских неправительственных организаций, констатируется, что «уже в доколониальный период гражданское общество в Гане являлось ключевым участником формирования политической ситуации в стране, равно как и оно само формировалось в соответствии с ее потребностями»⁴. Что касается периода независимого развития, то нынешней, выстроенной в основном по европейскому образцу, эвентуальной модели гражданского общества в Африке предшествовала реальная деятельность его местного варианта.

Существует мнение, что препятствием для становления гражданского общества в Африке являются два фактора. Во-первых, западное происхождение этого феномена. Во-вторых, существенное различие в характере формирования

общественных организаций, которые на Западе образуются на добровольной основе, а в Африке – по аскриптивному принципу, т. е. строго в соответствии с социальными характеристиками каждого вступающего в организацию (пол, этническая принадлежность, имущественное положение и т. д.). Между тем в незападных странах, включая страны Юга, гражданское общество пробивает себе дорогу, привнося в свое содержание элементы, определяемые цивилизационной природой населения того или иного региона. Вполне успешное гражданское общество существует в целом ряде регионов мира, отличающихся от западных по своим цивилизационным моделям (Япония, Южная Корея, Индия, ЮАР и др.).

Что же представляет собой современное традиционное общество стран Юга, в частности Африки, возможно ли в данных обществах найти какие-либо черты или ростки гражданственности? Безусловно, оно принципиально отличается от западноевропейского. Так, по мнению А. М. Васильева, для него характерны следующие черты. Во-первых, все социумы данного ареала являются не системой индивидов, а системой общин, социальных организмов, имеющих местные корни, хотя и трансформированные. Во-вторых, негосударственные и политические организации существуют в рамках иерархических структур, с малым числом ограничителей и противовесов или вообще без них. В-третьих, очень слаба или вовсе отсутствует вертикальная социальная мобильность. В-четвертых, сохранение половозрастных союзов исключает быстрое продвижение во властные структуры активных и потенциально способных представителей молодого поколения. В-пятых, сохраняющаяся патронатно-клиентельная система подразумевает преданность группы лидеру, патрону. Поведенческий стереотип в рамках таких отношений распространяется на управляющих и управляемых, на создание целых политических кланов⁵.

Стоит согласиться с позицией А. М. Васильева, что реальное африканское общество носит плюралистический, а точнее, многомерный характер, что проявляется не только в одновременном существовании различных социальных групп, слоев, организаций, укладов, относящихся к разным эпохам развития человечества и разным цивилизациям. Жизнеспособными окажутся те демократии, которые смогут соединить универсальные демократические ценности с историческими, культурными и социально-политическими традициями конкретной страны⁶.

Весьма интересную характеристику современному африканскому обществу дает Ю. Н. Винокуров. По его мнению, африканское общество представляет собой ярчайший пример переходного общества. Формационная стадильность эволюции до неузнаваемости изменилась под воздействием его цивилизационной специфики, закоснелое общинное бытие уживается с частно-

предпринимательским практицизмом, религиозно-мифологическое мировоззрение – с научным осмыслением законов общественного развития, интравертные приоритеты – с вестернизацией, восприятие человека как несамостоятельной частицы сложного мира – с осознанием судьбоносности личных качеств и целеустремленной деятельности индивида. Богатство меньшинства соседствует в нем с нищетой подавляющего большинства населения, вынужденного вести борьбу за свое физическое существование⁷.

Исследователь Н. Б. Кочакова отмечает следующие направления эволюции традиционных обществ. Прежде всего, это движение от потребительского натурального хозяйства к товарному, от коллективных форм собственности к частной, эволюция общины от первобытного коллективизма к индивидуализму. Значительны изменения в распределении земли, в типах труда, в методах выбора рабочей силы. Происходят ослабление внутриобщинных связей, обособление, усиление экономической и социальной самостоятельности малых семей за счет больших; нарушение половозрастного разделения труда; обозначились рост социальной мобильности, социальное расслоение традиционного общества на основе новых критериев, таких как богатство, образование, овладение нетрадиционными профессиями, причастности к колониальной и постколониальной государственной службе. Наблюдаются эрозия и деградация традиционных культурных ценностей и общественной морали, утеря традиционных приоритетов⁸.

Политико-правовой аспект постколониальной системы власти заключался в принятии конституции, создания административных и правовых институтов. Конституционно-правовая модель воспроизводила ряд существенных элементов механизма власти в бывших метрополиях, а также США и СССР. Это была попытка перенести на африканскую почву западные политические институты, которые не соответствовали ни социально-экономическим, ни политическим условиям, ни особенностям политической культуры.

В формальную систему власти входит фактический механизм политического управления, представленный правящей элитой, главным признаком которой является отношение не к собственности и средствам производства, а к власти. Арсенал руководства включает персональные связи, политическую коррупцию, систему коммуникаций «патрон – клиент», а также этнорелигиозные отношения. При этом важно отметить экономический ресурс реальной власти. Частная собственность сравнивается с политической властью в лице бюрократии. В результате происходит разбухание государственного аппарата, преобладающим типом институционализации власти становится авторитарно-бюрократический, основанный на доминирующем положении в си-

стеме государства институтов исполнительной власти и отождествлении ее с личной властью руководителей. Чиновники выполняют роль звеньев во взаимодействии патронов и их клиентов. Сформировались неопатримониальные отношения, которые проявляются, во-первых, в персонализации лидерства, когда авторитет личности не только зависит от занимаемой должности, но и освящен традицией, принадлежностью к определенной группе, этносу, конфессии, во-вторых, в симбиозе традиционных отношений и современных элементов конституционализма, норм и различных идеологических ориентаций, в-третьих, в личной лояльности к лидеру со стороны его ближайших соратников и подчиненных.

Характеризуя практику неопатримониализма, американские исследователи М. Братен и В. Ванге отмечают, что «коренная черта политической жизни... личные отношения, которые образуют фундамент и надстройку политических институтов. Взаимодействие между «влиятельным человеком» и его многочисленной клиентелой определяет африканскую политическую жизнь сверху донизу, от президентского двора до самой глухой деревни»⁹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в странах Юга механизмы власти характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридность, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия традиций гражданственности, экономической слабости и зависимости¹⁰.

Каковы же социальные силы, которые заинтересованы в политической и социально-экономической модернизации, в формировании гражданского общества? Активной силой и социальной базой становления демократических институтов являются средние слои населения. Однако проблема заключается в том, что эти слои далеки от общественной интеграции и не имеют своих организаций. Их потенциальное влияние на социально-политические процессы фактически нейтрализуются рамками неопатримониальных отношений. В этих условиях важнейшим фактором модернизационных преобразований может стать интеллигенция, та часть среднего класса, которая не владеет средствами производства, но обладает знаниями и квалификацией, необходимыми для организации экономической и духовной жизни современного общества.

С такой позицией солидарна И. Т. Катагощина, считающая, что главенствующая роль в развитии гражданского общества в странах Юга принадлежит именно интеллигенции. Объяснение этому она видит в том, что многие представители интеллигенции стимулируют интеграцию

общества в рамках национального государства через сферу просвещения, науки, культуры, информации¹¹. В то же время внедряемые при непосредственном участии интеллигенции демократические институты западного образца подвергаются существенным модификациям под влиянием традиционных форм самоорганизации африканского общества. Цивилизационное несходство привнесенных форм западного демократизма и сущностной специфики африканских общественных отношений приводит к искажению и вытеснению демократического содержания западных институтов и замене его неотрадиционным содержанием, основанным на общинной и этнической солидарности. Влияет на становление гражданских институтов и конкуренция отдельных этнических групп за доступ к национальным богатствам и к власти, а также стремление правящей верхушки к установлению контроля государства над обществом. Вместе с тем общинные и этнические связи интеллигенции могут становиться сильнее общегосударственных интересов и интересов общества как целостного социального организма.

Анализируя становление гражданского общества в странах незападного ареала, некоторые исследователи подчеркивают, что «новая социальная организация зарождается в незападном мире не в порядке естественно-исторического или «органического» развития, но принорасится извне и накладывается на традиционные формы организации социумов (сословия, касты, общины, племена, империи). Отсюда – гибридные и симбиозные формы социальности... асимметрия взаимосвязи «государство – гражданское общество»: становление первого и обгоняет становление второго и нередко обуславливает его рождение»¹². Такое положение со всей очевидностью проявляется в Африке.

Похожей точки зрения придерживается А. М. Васильев. По его мнению, в Африке еще нигде нет современного гражданского общества, но есть его отдельные элементы, или органические, имплантированные, или имитирующие чужие образцы; подключение социумов, входящих в другие цивилизации, к современному гражданскому обществу может происходить или путем синтеза – и тогда результатом будет новое качество общества, или путем симбиоза в рамках одного социума, и тогда общественное равновесие окажется неустойчивым¹³. Именно благодаря такому синтезу гражданское общество приобретает определенную специфику, некие оттенки, становится неким аналогом классического понятия гражданского общества, функционирующего в западных странах.

Существует и другая точка зрения. По мнению В. Г. Солодовникова, «ключевой проблемой перехода африканских стран к гражданскому обществу является ликвидация экономической отсталости», и пока не будет решена эта про-

блема, «беспредметно строить планы и говорить о демократических преобразованиях, о переходе африканских стран к гражданскому обществу»¹⁴. Конечно, экономический фактор играет не последнюю роль в становлении и нормальном функционировании гражданского общества. Но насколько правильным здесь будет противопоставление экономических трудностей, с которыми сталкиваются переходные общества, да и развитые тоже (например, затяжной кризис в Европе), политическим преобразованиям в рамках развития демократических процедур?

Состояние гражданского общества и его функциональность детерминированы цивилизационными ценностями, историческими особенностями и традициями, политической культурой населения и элиты. В африканских странах в годы независимости объем власти государства и его институтов расширялся без соответствующего развития его социальной базы. Сверхцентрализация государственной власти сдерживала гражданскую активизацию населения. Ситуация существенно изменилась на рубеже 1980–1990-х гг., когда возмущенные экономическими трудностями, политические осложнения и давление стран-доноров вынудили властвующие элиты пойти на демократические преобразования. И хотя в большинстве стран эта «демократическая волна» не устранила прежние правящие группы, она вывела на политическую сцену новые социальные силы в качестве полноправных участников политических событий, которые расширяют сферу деятельности общества, оказывают скрытое влияние на происходящие политические и экономические преобразования.

Тем не менее роль государства в процессе политической и социальной модернизации продолжает оставаться главенствующей. Как отмечает Л. В. Гевелинг, страны континента «начинают претендовать на реальные плоды модернизации». В их числе он отмечает национальную консолидацию, утверждение рациональных начал в политической культуре и сознании, расширение практики политического участия, совершенствование избирательного процесса и политических технологий и т. д. Но «модернизация властных структур характеризуется незавершенностью и противоречивостью, носит очаговый и элитарный характер, ее реальные процессы отстают от декларируемых намерений»¹⁵.

И все же политическая модернизация, способствующая укреплению демократических институтов, создает определенные условия для развития гражданского общества. Здесь важное значение имеют соответствующее законодательство и конституционные права. В новых конституциях стран Африки прописаны демократические процедуры и гражданские свободы. Вместе с тем процесс политических изменений во многих случаях не затронул старых государственных структур, которые приспособляются к новой

ситуации. Во многих странах старые авторитарные силы используют ухудшение социально-экономического положения для укрепления своей власти, убеждая население, что демократия раскалывает общество, создает проблемы развития.

В то же время по отношению к некоторым африканским странам можно говорить о появлении некоторых элементов и принципов гражданского общества. Его формирование происходит во взаимодействии с государством через возникшие современные институты демократии – принцип разделения властей, развитие парламентаризма, многопартийность, различные формы общественной активности населения, политические и неправительственные организации и движения, негосударственные средства массовой информации. Это не означает, что западные образцы демократии и гражданского общества полностью копируются. В странах Юга ростки гражданского общества находятся под влиянием традиционных, этнорелигиозных отношений, представляющих его корневую систему, первооснову.

В ряде африканских стран возникают формальные и неформальные организации, включающие общественные движения, которые занимают негосударственную сферу публичного пространства, артикулируют и продвигают интересы различных групп в обществе, гармонизируют отношения и гасят конфликтные ситуации. Эти организации защищают индивидуальные и коллективные права, гражданскую независимость от вторжения государства и других влиятельных сил, включая иностранные, осуществляют посреднические функции между государством и большинством общества.

Несмотря на то, что демократические процессы в странах Африки в той или иной мере развиваются, в складывающейся политической атмосфере общественные неправительственные организации не получают необходимой поддержки со стороны государства. Оно либо стремится их контролировать, либо препятствует их деятельности. Проблемы прав человека для правящих и партийных элит, да и большинства населения африканских стран не относятся к числу приоритетных. Вся постколониальная история Африки свидетельствует о пассивном, враждебном отношении правящих элит к формированию гражданского общества, особенно к деятельности правозащитных организаций, финансируемых из-за рубежа. В результате инициативу создания правозащитных и других неправительственных организаций, а также их ресурсное обеспечение взяли на себя иностранные организации, которые не всегда преследуют декларируемые ими гуманитарные цели. Однако они упорно подталкивают африканцев и их правительства к созданию гражданского общества западного образца. На наш взгляд, это рецидив застарелого европоцентризма, адепты которо-

го, как и прежде, полагают, что, согласно теории догоняющего развития, страны Юга, чтобы приблизиться к цивилизованному миру, должны модернизироваться только по предлагаемым извне рецептам и схемам. Об удаленности подобных концепций от действительных реалий в сфере развития демократического процесса говорит незначительный процент общественных организаций, которые А. М. Васильев относит к числу «органических», и преобладание тех, которые он называет «имплантированными или имитирующими чужие образцы»¹⁶. Вряд ли подобные образования способны интегрировать в общественно-политическую жизнь африканских государств широкие слои населения, которые на сегодняшний день отгорожены от нее замкнутостью общинного бытия.

У действующих в настоящее время местных (собственно африканских) общественных организаций отсутствует необходимое системообразующее начало. В обществе не сложилось понимания важности совместной деятельности всей совокупности неправительственных организаций, ориентированных на отстаивание прав и интересов каждого из его членов. Зафиксированное в государственном законодательстве ряда стран положительное отношение к развитию правозащитных и неправительственных организаций, как правило, не подкрепляется практической деятельностью правящих элит. Непреодоленность этих препятствий значительно осложняет возможности формирования и функционирования гражданского общества.

Перспективы гражданского общества часто увязывают со считающимся неизбежным синтезом культур. На практике подобный синтез предполагал бы, скорее всего, распространение чуждой африканцам политической культуры, центральной фигурой которой является свободный, независимый от государства и общества индивид с его частными интересами и личными предпочтениями. В силу особенностей социального уклада, определяющего на сегодняшний день быт и зачастую само выживание значительных масс населения, их отношения к политике и вовлечение в политику строятся на другой, отличной основе, а именно коллективизме политического поведения. Эти различия предопределяют разные подходы к строительству гражданского общества и пониманию его задач.

Обращает на себя внимание то, что нередко сами африканцы называют гражданским обществом местные традиционные структуры или считают их эквивалентом. В качестве конструктивной деятельности, способствующей демократизации, некоторые африканские исследователи рассматривают проведение политики децентрализации власти и передачи большего, чем теперь, объема административных функций на места, т. е. создание системы широкого местного самоуправления. Предполагается, что это позволило

бы избежать нередко возникающего конфликта между центром и периферией, а местным административным структурам – более успешно решать свои локальные проблемы. В таких условиях развитие местного самоуправления могло бы стать базой строительства демократии «снизу» и формой гражданского участия.

Анализ африканского общества позволяет сделать вывод, что во многих странах континента существует как бы два мира, в которых сложились не готовые к взаимодействию социальные структуры, что приводит к открытому и скрытому столкновению интересов, различной вовлеченности граждан в политическую жизнь общества. Возникновение этих разделительных линий является результатом специфики социально-экономического развития африканских стран при колониализме и в постколониальное время. Их преодолению наряду с другими факторами препятствуют особенности политической культуры. В традиционной политической культуре спланированное начало действует в рамках клана, племени или этнической общности, что в условиях межплеменной и межэтнической напряженности мешает возникновению более широкой, гражданской солидарности, предполагающей возможность создания предварительных условий для формирования гражданского общества. Элиты руководствуются политической культурой, которая позволяет им осуществлять свои особые индивидуально осознанные интересы, но, стремясь к власти и обогащению, многие из ее представителей прибегают к этнофаворитизму и ищут поддержку «своего» клана, т. е. подпитывают те традиции, которые также мешают росту гражданственности.

Исследователи отмечают, что важная черта политической культуры в странах Южной и Центральной Африки – это ее пронизанность традиционными представлениями о власти, обществе, лидерстве, которая объясняет распространенность специфических, иррациональных, с точки зрения западных политологов, политических мотиваций, присущих большинству участников политических процессов, происходящих на континенте. В отличие от стран Запада, где в политической культуре преобладает индивидуальный или индивидуально осознанный групповой интерес (политический, социальный, экономический), в африканских странах господствует общинная, клановая, племенная, этническая солидарность, базирующаяся на общих, традиционно закрепившихся обычаях и символах. Подобная социальная психология как бы отменяет потребность в выражении индивидуалистических интересов. В Африке, как и на Западе, люди, по-видимому, также осознают свой интерес, свою выгоду, но убеждены, что достичь ее можно только усилиями общности, к которой они принадлежат. Поэтому они в первую очередь заботятся о своем коллективе, через успехи которого привыкли и надеются удовлетворять

свои интересы¹⁷. По мнению И. В. Следзевского, неформальные образования определяют политическое поведение своих членов, позволяют осуществлять их политическую мобилизацию и, что существенно, путем установления личностных связей за рамками общины иметь развитую систему представительства. Все важные внутренние проблемы и конфликты решаются в этих традиционных образованиях без участия официальных властей, под руководством вождей, путем длительных обсуждений, до тех пор, пока стороны не достигнут всеобщего согласия¹⁸. Таким образом, функционирование и воспроизводство традиционных форм общежития можно рассматривать как замещение функции гражданского общества. Эта замечательная по своей теоретической целостности схема рассуждений не объясняет, однако, того, почему при наличии такой устойчивой традиции путь специфической, но все же достаточно эффективной политической самоорганизации (если критерием эффективности в политике считать устойчивость механизмов решения конкретных социальных проблем и проблем государственного управления) доминирующей тенденцией в политике является нерешаемость на протяжении десятилетий никаких проблем, включая элементарную безопасность граждан от насилия в ходе племенных конфликтов и обеспечение их продовольствием, прекращение деятельности военных группировок. Получается, что социально-политические системы предрасположены к нормальному, хоть и специфическому, функционированию в режиме организации нормальной гражданской жизни и государственного управления, у них исторически сложилось все, что для этого нужно, но практически к такой эффективной самоорганизации они никак не переходят.

Каковы же те социальные силы, которые заинтересованы в политической и социально-экономической модернизации, в формировании гражданского общества? Эта проблема имеет актуальный характер. Прежде всего, к таким силам можно отнести средние слои населения, к которым относятся значительная часть предпринимательской национальной буржуазии, в том числе сельские фермеры, служащие и лица свободных профессий, представители интеллигенции, офицеры, квалифицированные рабочие. Однако проблема заключается в том, что эти слои далеки от общественной интеграции и консолидации, как правило, не имеют своих объединений и организаций. Их влияние на социально-политические процессы нейтрализуется рамками неопатриархальных отношений. В этих условиях важнейшим фактором политической модернизации может стать интеллигенция, способствующая интеграции общества в рамках национального государства через сферу просвещения, науки, культуры, идеологии, информации. В то же время демократические институты западного образца сплошь и рядом подвергаются модификациям

под влиянием традиционных и неотрадиционных форм самоорганизации африканского общества. Цивилизационное несходство привнесенных форм западного демократизма и сущностной специфики африканских общественных отношений приводит к искажению демократического содержания западных институтов и замене его неотрадиционным содержанием, основанным на общинной и этнической солидарности. Вместе с тем общинные и этнические связи могут зачастую становиться сильнее общегосударственных интересов, консолидируя и цементируя общество как целостный социальный организм.

Примечания

- ¹ См., например: Шлихтер А. А. «Третий сектор» (некоммерческий) и гражданское общество США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 2. С. 32–33.
- ² См.: Степин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право. («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // *Вопросы философии*. 2002. № 1. С. 23, 26.
- ³ См.: Ranning H. *Democracy, Civil Society in Africa* // *J. of Democracy*. Wash. : John Hopkins Univ. Press. 1996. Vol. 7, № 2. April. URL: <http://www.roape.org/cgi-bin/roape/show/8704.html> (дата обращения: 14.09.2013).
- ⁴ Ghana NGO Sector. URL: [http://www.ngohandbook.org/index.php?titl=Ghana NGO Sector](http://www.ngohandbook.org/index.php?titl=Ghana%20NGO%20Sector) (дата обращения: 14.09.2013).
- ⁵ См.: Васильев А. М. Африка – падчерица глобализации. М., 2003. С. 13.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ См.: Винокуров Ю. И. Политическая борьба в Демократической Республике Конго (1965–2001 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 18–19.
- ⁸ См.: Африка : многовариантность развития / Н. И. Высоккая, Н. Д. Косухин, Н. В. Кочакова [и др.]. М., 1977. С. 32.
- ⁹ Цит. по: Африка : проблемы становления гражданского общества / отв. ред. Ю. В. Потемкин ; Ин-т Африки РАН. М., 2009. С. 29.
- ¹⁰ См.: Ирхин В. В., Слизовский Д. Е. Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995. С. 4, 14.
- ¹¹ См.: Катагощина И. Т. Интеллектуальная элита в странах Тропической Африки : университеты, власть, общество. М., 1991. С. 43.
- ¹² Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России / отв. ред. В. Г. Хорос. М., 1998. С. 24–25.
- ¹³ См.: Васильев А. М. Африка – падчерица глобализации. С. 23.
- ¹⁴ Солодовников В. Г. К проблеме становления гражданского общества // Африка : проблема перехода к гражданскому обществу : материалы VI конф. африканистов (16–18 ноября 1994 г.) / отв. ред. А. М. Васильев. М., 1995. С. 151.
- ¹⁵ Гевелинг Л. В. К теории развития транзитных форм организации власти в странах Тропической Афри-

ки // *Нестабильность в Африке : уроки прошлого и современные процессы* : сб. / Ин-т Африки РАН. М., 2006. С. 164.

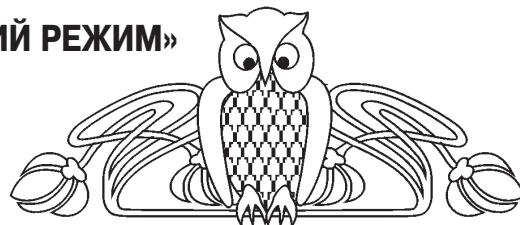
¹⁶ Васильев А. М. *Гражданское общество в Африке : реалии и мифы* // *Восток*. 1995. № 2. С. 16.

¹⁷ См.: *Африка : проблемы становления гражданского общества*. С. 106.

¹⁸ См.: *Следзевский И. В. Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур*. М., 1990. С. 56.

УДК 328.36

КОНЦЕПТ «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ» КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Ш. М. Хаутиев

Ульяновский государственный университет
E-mail: sharp1974@yandex.ru

В статье исследуется объяснительный потенциал концепта «региональный политический режим» в контексте дискуссии о природе постсоветской российской трансформации. Автор доказывает, что термин «политический режим» уточняет и индивидуализирует ключевые признаки эволюции властных отношений в условиях неопределённости. В процессе исследования концепта «региональный политический режим» преодолеваются два основных заблуждения по поводу применимости данного понятия.

Ключевые слова: региональный политический режим, политическая переходность, политическая неопределённость.

The Concept of «Regional Political Regime» as a Theoretical Basis for Understanding of Post-soviet Russian Transition

Sh. M. Khautiev

In paper studies explanatory potential of the concept of «regional political regime» in the context of discussion about the nature of post-Soviet Russian transformation. The author argues that the term «political regime» is specifying and clarifying the key characteristics of evolution of political relations in uncertain. In article is getting over two main mistakes on the term «regional political regime».

Key words: regional political regime, political transition, political uncertainty.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-215-218

Актуальность данной статьи заключается в необходимости доказать продуктивность и эвристическую ценность использования концепта «региональный политический режим» для понимания природы постсоветской российской трансформации.

Анализ переходного общества предполагает в нашем случае применение теоретических положений, связанных не с реализацией демократического проекта, а с уточнением природы политического режима. Ожидания скорой и неизбежной победы демократии в посткоммунистической России (известные как «телеология переходного периода») породили целый ряд ме-

тодологических проблем и ложных ожиданий. Они были описаны в одной из новейших публикаций российского политолога Лилии Шевцовой, которая отметила, что «безоговорочная вера в то, что Россия при Ельцине встала на путь демократии, позднее помешали нам в полной мере осознать авторитарную эволюцию российской власти»¹. В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что существует большое разнообразие подходов к оценке политического режима. Термин «политический режим» используется в различных контекстах – начиная от конституционных моделей и кончая формами правления². Однако эти критерии, изложенные в рамках государственно-правового подхода, являются скорее определительными и трудно применимы для понимания процесса политического перехода, при котором правила игры могут быстро меняться. Мы рассматриваем политический режим как совокупность средств и методов, с помощью которых правящие элиты осуществляют экономическую, политическую, идеологическую власть в том или ином сообществе. Как нам представляется, данный подход индивидуализирует и уточняет основные признаки политического порядка. Таким образом, наш подход основан на анализе условий перехода, в котором главной категорией является неопределённость. В своё время известная британская исследовательница Мэри Маколи успешно использовала данный критерий для сравнительного анализа российских региональных режимов в 1990-е гг.³

Если говорить в целом, то основной теоретический аргумент, развитый благодаря осмыслению одной из последних работ американских учёных Дж. Хигли и М. Бартона, состоит в понимании политического режима как «образца, в рамках которого принимающая решения правящая власть организуется, осуществляется и передаётся»⁴. Данный подход позволяет вскрыть специфику политического режима через политических субъектов (акторов), которые играют системообразующую роль в создании, поддержании и воспроизводстве определённого поли-

тического порядка. Такая интерпретация предполагает чёткое отождествление региональных политических режимов с ролью и доминированием элитных групп в обществе. В атмосфере неуправляемой децентрализации постсоветского российского общества 1990-х гг. и господства парадигмы «реформ сверху» («навязанный переход») основными действующими лицами российского политического процесса становятся властвующие элиты. Здесь находят своё пересечение режимный и элитный подходы к объяснению постсоветской политической трансформации. С помощью элитного подхода возможно преодоление статичного представления о политическом порядке и выявление того, как региональные политические режимы меняются в случае смены ключевых фигур регионального политического процесса.

Близко к этому стоит определение, данное российскими исследователями В. Гельманом, С. Рыженковым совместно с немецким учёным М. Бри. Согласно данному определению политический режим понимается как «совокупность акторов (субъектов) политического процесса, институциональных форм организации политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти»⁵. Нижегородский исследователь Н. Распопов полагает, что понятие «региональный политический режим» может быть точкой отсчета для понимания причин и итогов разнонаправленных и разнохарактерных региональных трансформаций в постсоветской России. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что эволюция этих политических режимов представляет собой нелинейный процесс – без заранее разработанного направления движения и без заранее разработанного завершения⁶. К. Рогов рассматривает политический режим в рамках модели «спроса и предложения», в которой взаимодействуют два фактора политического процесса: динамика общественного мнения и общественная поддержка «снизу» (спрос) и тип политического режима, выраженный в конкуренции элит (предложение). Подход, концентрирующий внимание на проблемах взаимодействия элит, был назван инструменталистским или элитаристским, в фокусе которого были акторы политического процесса. Последователи инструменталистского подхода полагают, что устойчивость режимов электорального или конкурентного авторитаризмов определяется их способностью консолидировать элитные группы, маргинализировать оппозицию, противостоять давлению извне⁷.

В. Гельман предлагает рассматривать политические изменения, происходящие в определённых границах. В этом смысле, по его мнению, полезно использовать территориально ограниченный подход, рассматривая политический режим в качестве исчерпывающего определения «конкретной политической единицы» (polity)⁸.

Тем не менее на пути использования концепта «региональный политический режим» необходимо преодолеть два основных заблуждения, возникших, как ни странно, в процессе изучения российских локальных политических практик.

Первое заблуждение связано с тезисом о том, что исследования региональных политических режимов некорректны без исследования зависимости политических процессов в регионах от политики федерального центра. Пожалуй, наиболее громко скептицизм по поводу региональных политических режимов выразил И. Чертков, поставивший вопрос следующим образом: «Имеет ли вообще право на существование такой термин, как “региональный политический режим”?»⁹ Однако, как справедливо заметил В. Гельман, «трудно найти эмпирическое подтверждение того, что федеральная политика по отношению к регионам в период после распада СССР носила сколько-нибудь последовательный характер (речь идёт как о политике Центра в целом, так и действиях по отношению к конкретным регионам)»¹⁰. С начала 1990-х гг., особенно после начала рыночных реформ Ельцина – Гайдара в 1992 г., политическая самостоятельность российских регионов росла вплоть до конца десятилетия, достигнув своих высших точек после серии губернаторских выборов 1996–1997 гг. и экономического кризиса («дефолта») августа 1998 г. Российский политолог А. К. Магомедов доказал, что именно в эти моменты влияние региональных элит на процессы, происходящие в стране, было наибольшим¹¹. Следовательно, мы можем рассматривать российские регионы как чётко различающиеся единицы политического анализа, а локальные политические режимы идентифицировать как автономные политические механизмы (polity). В рамках таких единиц разворачиваются различающиеся типы политической игры, включающей в себя становку политических акторов с их ресурсами и стратегиями и политическими институтами¹². В своё время известный британский специалист по России Филип Хансон в 1994 г. высказал впечатление о том, что российские регионы отличаются друг от друга даже больше, чем государства Европейского союза¹³. Всё это позволяет нам считать изучение региональных политических режимов даже без учёта политики центрального правительства вполне корректным делом. Однако вышеприведённое аналитическое упрощение пытались адаптировать к постельцинской ситуации, когда было покончено с процессами неуправляемой регионализации и хаотической фрагментации отечественного социума. На этот раз аргументы противников регионального режимного подхода заключались в том, что некорректно использовать понятие «региональный политический режим» в условиях завершения процессов российской децентрализации и регионализации начиная с 2000-х гг.

Поскольку объявленный и реализованный курс на создание «вертикали власти» в России привёл к тому, что лидеры местной политики не просто превратились в исполнителей федерального государственного курса, но были интегрированы в общероссийскую политико-управленческую иерархию¹⁴. Стоит отметить, что краснодарский политолог А. Баранов дал убедительную критику данной точке зрения¹⁵. Если исходить из того, что «политический режим», как было отмечено выше, определяется сочетанием таких характеристик, как 1) политические субъекты (акторы) с имеющимися в их распоряжении стратегиями и ресурсами, 2) властно-политические институты, предписывающие соблюдение правил игры, в т.ч. неформальных, и определяющие природу власти на уровне конкретной политической единицы (polity), то региональный режим – это сочетание акторов, институтов, ресурсов и стратегий местного уровня. Они определяют характер реализации локальной власти и регионального политико-экономического курса¹⁶.

Более чем 20-летнее пребывание в состоянии политической трансформации делает полезным исследование переходных процессов, которые осмысливаются с помощью режимного подхода¹⁷.

Второе заблуждение вызвано тем, что некоторые аналитики вообще склонны связывать возможность существования регионального политического режима с федеративным устройством государства и применять его только при анализе федеративных систем. Авторы такой позиции считают, что определение «региональный политический режим» применимо лишь для государств, имеющих федеративную структуру, а для государств унитарного типа использование подобной терминологии неприемлемо, поскольку может ввести в заблуждение. Вот что пишет по этому поводу Ю. Б. Димитрова: «При всех ограничениях российской централизации наличие в России элементов федерализма позволяет рассматривать региональную власть как достаточно самостоятельный субъект для оценки его деятельности»¹⁸. Таким образом, существование региональных политических режимов автоматически выводится из факта существования федеративного государства и из принципа федерализма¹⁹. Является ли федерализм главным условием возникновения и функционирования региональных политических режимов? Мы считаем, что правомерность использования понятия «региональный режим» не зависит от формы государственного устройства. Такие режимы могут быть присущи любой территориальной единице при наличии хотя бы минимальной автономии локальной политики и управления по отношению к вышестоящим уровням власти.

Доказательством существования региональных политических режимов может служить реакция не только субъектов Федерации, но и ло-

кальных образований на кризисные ситуации и переломные моменты. Вариация основных институтов локальных режимов в России задана рамками политических возможностей на всех уровнях власти. Значительное расширение этих рамок в 1990-х гг. стало оборотной стороной слабости федерального центра, который *de facto* делегировал политику институционального строительства в городах на региональный уровень. Например, зеркально противоположная позиция руководства Ульяновской и Нижегородской областей в годы «шоковой терапии» (1992–1993 гг.) означала не только различные пути адаптации этих регионов к переменам, но и формирование различных подходов к реализации внутренней политики. Аналогичный процесс наблюдался в России в отношении военных действий в Чечне. Тот факт, что Татарстан отказался посылать своих новобранцев в зону конфликта, а Ингушетия объявила нейтралитет в отношении независимости Чечни, в то время как бывший губернатор Нижегородской области Б. Немцов собирал подписи против войны, свидетельствовало о проявлениях различных региональных политических режимов. Радикальные действия руководства Свердловской области по провозглашению «Уральской республики», возникновение так называемого «ульяновского чуда» в 1992 г., наряду со «Степным уложением» в Калмыкии и «Сибирским соглашением» в Новосибирске, также можно рассматривать как результаты действий региональных режимов. Наконец, этнокультурные различия также являются важной предпосылкой существования феномена региональных политических режимов. Нельзя забывать и того, что перечисленные примеры реализовывались в атмосфере полной политической неопределённости на уровне государства.

Таким образом, региональный политический режим – это постоянно действующий фактор российской политики на различных этапах посткоммунизма, включая постельцинский. Создание «вертикали власти» в начале 2000-х гг. не уничтожило большого количества политических субъектов и практик локального уровня. Анализ феномена регионального политического режима имеет ценность вовсе не потому, что позволяет определить специфику российского федерализма, а также механизм взаимодействия по линии «центр – регионы». Он имеет ценность потому, что режимный подход позволяет лучше понять особые признаки переходного развития общества, а также уточнить критерии политической неопределённости.

Примечания

¹ Shevtsova L. What Do the Normativist Stand For? // The American Interest. 2016. 13 January. URL: www.the-american-interest.com/2016/01/13/what-do-the-normativist-stand-for/ (дата обращения: 25.01.2016).

- 2 См.: Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19–25; Медушевский А. Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопр. философии. 1999. № 12. С. 3–21.
- 3 См.: McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge Univ. Press, 1997.
- 4 Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, 2006. P. 15.
- 5 Россия регионов : трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 19–20.
- 6 См.: Распопов Н. П. Нижегородский региональный политический режим : проблемы трансформации влияния центров власти. URL: www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad7/ (дата обращения: 29.05.2010).
- 7 См.: Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 4–5 (56). С. 9.
- 8 Гельман В. Я. Успехи и провалы переходов к демократии : политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе / Центр конституционных исследований. М., 2000. С. 4.
- 9 Чертков И. В. Региональные политические режимы Российской Федерации : на примере Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Новгородской области : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2005. URL: <http://www.disserscat.com/content/regionalnye-politicheskie-rezhimy-rossiiskoi-federatsii-na-primere-sankt-peterburga-republiki-kareliya-i-novgorodskoi-oblasti/> (дата обращения: 26.11.2012).
- 10 Гельман В. Политические режимы переходного периода : российские регионы в сравнительной перспективе. URL: http://eu.spb.ru/images/pss_dep/gelman_political_regime.pdf (дата обращения: 29.11.2012).
- 11 См.: Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000.
- 12 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- 13 См.: Transformation from below : local power and the political economy of post-communist transitions / ed. by J. Gibson and Ph. Hanson. Cheltenham, 1996. P. 4.
- 14 См.: Медушевский А. Н. Сравнительное институциональное право и политические институты. М., 2002. С. 327–328.
- 15 См.: Баранов А. В. Региональные политические режимы в России в системе властных отношений // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.
- 16 См.: Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России : рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ge5.html> (дата обращения: 02.02.2013).
- 17 См.: Авдонин В. С. Рязанская область : «умеренный» авторитаризм становится жёстче // PolitBook. 2013. № 1. С. 59–78; Магомедов А. К. Указ. соч.; Хазов А. Характеристика политических режимов в постсоветской России // Власть. 2012. № 2. С. 109–112 // Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-politicheskikh-rezhimov-v-postsovetskoy-rossii#ixzz3TP4wYg5I> (дата обращения: 11.03.2014); Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России : к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–95.
- 18 Димитрова Ю. Б. Политическая эффективность функционирования региональной власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 22.
- 19 См.: Чертков И. В. Указ. соч.

УДК 323

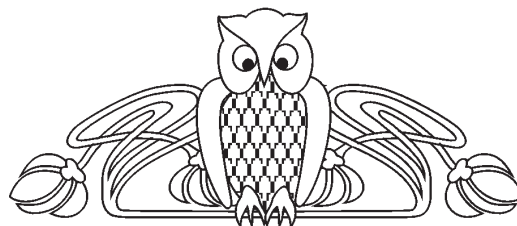
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛИЗМУ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Ефанова, А. А. Колотилина

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, missn@list.ru

В статье проведен сравнительный анализ практик реализации политики безопасности (США, Япония, Россия). Представлен отечественный опыт противодействия национализму в условиях обеспечения безопасности на международном, государственном и региональном уровнях. Определены региональные особенности реализации целевых программ в субъектах РФ как инструмента эффективной национальной политики.

Ключевые слова: национализм, противодействие национализму, национальный интерес, государственная безопасность, государство.

Counteraction to Nationalism in the Conditions of Realization of Policy of State Security of the Russian Federation

E. V. Efanova, A. A. Kolotilina

In the article the comparative analysis the practician of realization of a security policy (USA, Japan, Russia) is carried out. Domestic experience of counteraction to nationalism in the conditions of safety at the international, state and regional levels is presented. Regional features of implementation of target programs in territorial subjects of the Russian Federation as tool of effective national policy are defined.

Key words: nationalism, counteraction to nationalism, national interest, state security, state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-218-222

Отталкиваясь от исследований, основывающихся, как правило, на западной фактологической и методологической базе, следует отметить российскую традицию изучения национализма. Особенностью русской религиозной философии служит деление национализма на подлинный («здоровый») и ложный («извращенный»). Подобная трактовка характерна и для представителей современной отечественной политологии в контексте соотнесения проблем национализма и толерантности¹. Социальные антропологи Запада выделяют национализм «хороший» (патриотизм, гражданский национализм) и «плохой» (шовинизм, этнический национализм). Однако в данном случае «плохой» не идентичен «ложному», а «хороший» не есть «подлинный»².

Принципы западной этносоциологии (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум), принятые парадигмой конструктивизма, находят свое отражение, например, в системе государственной безопасности США, где национализм понимается как конструкт, существующий в процессе коммуникации, ретрансляторами которого выступают различные национальные медиа³. В исторической парадигме (Дж. Армстронг, Л. Гринфельд, Э. Смит) национализм рассматривается как явление долговременного процесса мирового развития или своего рода «идеальный тип». То есть национализм порождается нациями, которые предстают мощной социальной и исторической реальностью, что характерно, например, при формировании государственной безопасности Японии.

С либеральных позиций национализм рассматривается как проявление дикости и варварства, как возрождение первобытного родового мышления (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм), а в консервативно-традиционалистской интерпретации национализм является непосредственным проявлением исторического самосознания народа, национального духа, а также способом отстаивания его жизненных интересов. Продуктивный национализм отличается от деструктивного и ложного тем, что первый является сохранением своего, второй – захватом чужого. При этом в широком значении сохранение своего обозначает также и возвращение того, что было отнято незаконным путем⁴.

Пропаганда национальной исключительности и национального превосходства, а также политика по реализации националистической идеологии представляет собой основу национализма. Национализм может проявляться в нетерпимости по национальному признаку и конфронтации, как между представителями разных стран, так и внутри одной страны между представителями различных наций и этносов. Данная политика национализма классифицируется международным законодательством как политическое преступление и безусловная угроза безопасности государства.

Ключевым в представлении национализма как угрозы государственной безопасности является тот факт, что основным в программе политических действий, как правило, выступает территориальный вопрос и внесение изменений в государственное устройство, и конституцию в частности. Это объясняется тем, что государство как административный аппарат выступает средством достижения национальных интересов.

Удовлетворение государственно-национальных интересов происходит путем взаимодействия государств и определенных социальных сил внутри них. Данные отношения характеризуются как противоборством, так и сотрудничеством акторов, что, в общем, дает основание рассматривать их как разновидность борьбы за существование. Данная специфическая борьба есть прямое и косвенное соревнование между государствами, заставляющее их так или иначе учитывать интересы друг друга. В экономических рамках это соревнование носит характер конкуренции, а во внеэкономических сферах – характер военно-политического и культурно-информационного противоборства. Формы и направленность такого противоборства и сотрудничества определяются национальными интересами. Однако столкновение их интересов перманентно, так как ресурсы, выделяемые на развитие, для государств разнятся лишь частично.

Государственность и этнические общности являются двумя смежными, конкурирующими уровнями социальной организации. Этнический активизм претендует на государственный статус аналогично тому, как государство пытается контролировать культурное развитие общества. Отмечается, что «в современных условиях культура представляет необходимую общую среду..., находясь под влиянием которой, ее члены могут дышать, говорить и творить; значит, это должна быть единая культура»⁵. Усиливается напряжение между идущим процессом глобализации и попыткой национальных групп по сохранению своей самобытности. Не случайно, что проблема толерантности привлекает все большее внимание исследователей⁶.

Современными вызовами выступают выход на мировую арену новых национальных групп, сохранение элементов апартеида в ряде государств, дискриминация на национальной и религиозной почве. Кроме того, усиливается роль идеологии, возрастают технические возможности и эффективность идеологической пропаганды крайних форм национальной нетерпимости.

Очевидным представляется влечение государств к монокультурной, национальной форме. Так, этническая мобилизация стала причиной распада по национальному признаку нескольких полиэтнических государств и распространения масштабных межэтнических конфликтов. Кроме того, можно говорить о тенденции к увеличению масштаба до религиозно-цивилизационных

оснований. Особенно сложно приходится федеративным государствам, в основе федеративной структуры которых – национально-этнический признак.

В современных условиях реализация политики национально-государственной безопасности осуществляется государствами многовекторно.

Например, в актуальной национальной военной стратегии, обнародованной Пентагоном в 2015 г., главными угрозами безопасности США были обозначены ревизионистски настроенные страны и экстремистские группировки. Прямо указывается, что новейшая национальная военная стратегия выработана в связи с «необходимостью противодействовать ревизионистски настроенным государствам, которые бросают вызов международным нормам, а также использующим насилие экстремистским группировкам, подрывающим трансрегиональную безопасность»⁷.

Обеспечение государственной безопасности Японии и ликвидация существующих угроз определяются «Основными принципами японо-американского сотрудничества в области обороны»⁸. Правительство Японии открыто называет вызовами и угрозами для государственной безопасности: провокации со стороны Кореи, в частности, развитие ракетно-ядерного оружия, увеличение масштабов влияния Китая и его притязания на ряд островов Сенкаку, а также терроризм. Предлогом для вероятного военного конфликта может стать ряд китайско-американских противоречий, особенно по тайваньскому вопросу. Общей тенденцией остается военно-стратегическое партнерство с США и формирование двусторонней системы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Изучение существенных вызовов и угроз государственной безопасности Российской Федерации в условиях современного глобального мира обнаружило, что значительную роль в их природе и содержании представляет национальный вопрос. Причем основой обеспечения государственной безопасности выступает анализ двух взаимозависимых положений: специфики текущего периода развития страны и установления главных ориентиров развития современного мира как планетарной целостности, которая включает в себя множество отличных друг от друга культур, в частности, Россию как особенную евразийскую цивилизацию⁹.

Решение национального вопроса и политика противодействия национализму в РФ осуществляется как на международном, так и на государственном и региональном уровнях.

На международном уровне практика противодействия выражается в деятельности России на мировой арене, в частности, в заключении соглашений, формировании международных организаций, конвенциях. Это помогает координировать общие усилия по предотвращению национальной нетерпимости в странах, где данная проблема сто-

ит наиболее остро, а также способствует обмену опытом в решении национальных вопросов¹⁰.

На уровне международных организаций практика по противодействию национализму представляет собой ведение эффективной дипломатии. В частности, примером подобной практики служит публикация рекомендаций 2 апреля 2015 г. Комитетом ООН по правам человека для России. Среди них отмечается рекомендация по увеличению эффективности борьбы с незаконными действиями экстремистских организаций и казачьих патрулей, законодательному запрету правоохранительными органами применения расового профилирования, проведение для сотрудников органов специальных тренингов, применению наказаний в случае дискриминации по расовому признаку, приведению в соответствие с обязательствами РФ по Международной конвенции ряда законов (закон о государственной измене и шпионаже, закон об оскорблении чувств верующих, закон о внесудебных блокировках сайтов, закон о реабилитации нацизма, закон о блогерах), установлению четкого критерия по запрету экстремистских материалов и т. д.¹¹

Внутригосударственная практика противодействия национализму для России имеет особый характер. В современной России критерием положения «свой – чужой» является национальная принадлежность, что объясняется продолжительной атеистической традицией воспитания. Исходя из этого, возможными представляются два альтернативных подхода к национальной политике. Первый – «антидискриминационный» – подход предполагает, что этнические меньшинства должны быть в полной мере наделены правами и свободами наравне с национальным большинством. Второй – «преференциальный» – подход основывается на положении, что этническим меньшинствам необходима специальная защита прав и свобод во всех сферах, в первую очередь социально-культурной, поскольку у них особые специфические потребности и отсутствует возможность реализации своих потребностей без поддержки большинства. Согласно федеральному законодательству Российская Федерация осуществляет второй подход. Это подтверждается присоединением России к международным документам, которые декларируют права национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств¹².

В регионах прослеживаются четыре модели проводимой политики по отношению к национальным меньшинствам.

– Политика отчужденности. Основывается на положении властей, что поднятие проблем национальных меньшинств является главной провокацией межнациональной напряженности.

– Политика конфронтации с отдельными меньшинствами.

– Политика балансирования. Основывается на компромиссе между общественным мнени-

ем, настроенным против меньшинств, и защитой их прав.

– Политика конструктивного сотрудничества с этническими меньшинствами.

Регионы, проводящие политику первых двух моделей, следуют «антидискриминационному» подходу; субъекты, осуществляющие политику сотрудничества с национальными меньшинствами, опираются на концепцию «преференций» меньшинствам.

В целом субъекты РФ обладают позитивным опытом проведения национальной политики¹³. Достаточно эффективными на практике оказываются следующие институциональные и инструментальные меры:

– организация центров межнационального общения – региональных Домов дружбы. Они сформированы уже в большей части субъектов (Мурманская, Волгоградская области, Дагестан, Удмуртия и др.);

– содействие национальным СМИ. Например, в Самарской области до последнего времени функционировало «Радио-7», вещавшее на 11 языках, выпускается 9 национальных газет при финансировании из областного бюджета. Аналогичная ситуация в Башкирии, Дагестане, Пермской, Оренбургской областях;

– содействие в становлении национально-образованию. Национальные школы располагаются в районах компактного проживания национальных меньшинств. Однако в районах смешанного характера расселения такие школы функционируют благодаря инициативности национально-культурных центров, поскольку региональными властями они обычно не финансируются (Москва);

– нестандартный подход. Так, в Волгоградской области властями была организована «горячая линия» по вопросам межнациональных проблем, в Астраханской некоторое время осуществлялся выезд полным составом Консультативного совета при губернаторе для рассмотрения конфликтов на месте, в Удмуртии открыты кафе национальной кухни, в Ставропольском крае проводится обучение кадров Городской районной администрации по проблемам национальных отношений, в Татарстане формируется Ассоциация национально-культурных организаций.

Однако практическая политика по предотвращению национализма и распространению толерантных установок обнаруживается особенно эффективной в регионах, которые подходят к вопросам национальной политики комплексно, серьезно относятся ко всем ее компонентам: правовой базе, институциональному, инструментальному и финансовому обеспечению. В частности, внимания требует Закон «О национальных отношениях на территории Волгоградской области»¹⁴, который является достаточно декларативным и носит рамочный характер. Тем не менее, его роль неопределима для

формирования национальной политики в области, поскольку он послужил основой органам государственной власти в разработке и принятии одной из лучших региональных программ национальной политики.

Важнейшим инструментом реализации поставленных целей, задач, приоритетов и механизмов национальной политики в субъектах выступают региональные целевые программы, которые условно можно разделить на два типа: комплексные региональные программы национальной политики, которые охватывают все сферы национальной политики, и специальные региональные программы толерантности.

В одних регионах сделали ставку на комплексную программу, охватывающую практически все направления национальной политики (республики Башкирия, Марий Эл, Удмуртия, Хакасия, Ставропольский край, Волгоградская, Курганская, Пермская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области), в других – на реализацию специальных программ толерантности (республики Коми, Чувашия, Оренбургская область), в-третьих – на сочетание комплексной и специальных программ (Кабардино-Балкария, Калмыкия, Амурская, Белгородская, Калужская области, г. Москва), в-четвертых – на выделение блока мероприятий по формированию толерантности в других специальных программах (республики Бурятия, Якутия, Астраханская, Пермская области).

Таким образом, общая практика противодействия национализму сочетает в себе деятельность на всех уровнях и во всех сферах. Только в совокупности можно добиться наиболее эффективных результатов, поскольку угроза национализма в обеспечении государственной безопасности затрагивает национальные интересы. Важнейшую роль в данном процессе играет адекватная, объективная оценка современных условий и возможностей в противодействии национальной нетерпимости. При этом следует учитывать состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, наличие социально-политической поляризации российского общества и криминализации общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение межнациональных и осложнение международных отношений.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–13–34011).

Примечания

¹ См.: Вилков А. А. Политические аспекты проблемы толерантности в современной обществоведческой литературе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 88–93.

- 2 См.: Аванесова Е. Г. Религиозное измерение национализма // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2011. № 2. С. 60–62.
- 3 См.: Глухов А. П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2010. № 3. С. 30–35.
- 4 См.: Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 124.
- 5 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 90.
- 6 См.: Вилков А. А. Указ. соч.
- 7 The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 8 См.: The Guidelines for Japan-US Defense Cooperation. September 23, 1997. URL: www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/gideline2.html (дата обращения: 24.02.2016).
- 9 См.: Цисар Л. А. Проблемы определения понятия «национальная безопасность» в России и ее виды // Безопасность бизнеса. 2005. № 1. С. 28.
- 10 См.: Сергунин А. А. Международная безопасность : новые подходы и концепты // Полис. 2005. № 6. С. 126–137.
- 11 См.: Информационно-аналитический центр «СОВА». Комитет ООН по правам человека рекомендует России сузить определение экстремизма и соблюдать права человека в Крыму. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2015/04/d31680/> (дата обращения: 24.02.2016).
- 12 См.: Европейская Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. 1996. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/1_AtGlance/PDF_Text_FCNM_ru.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 13 См.: Мукомель В. И. Национальная политика в регионах России : сравнительный анализ, позитивная практика // Федерализм. 2004. № 3. С. 35.
- 14 См.: О национальных отношениях на территории Волгоградской области : закон Волгоградской области от 13 сентября 2001 г. № 586-ОД. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4383372/3711575/> (дата обращения: 24.02.2016).

УДК 328.36

ПОНЯТИЕ «ИСЛАМСКИЙ МИР» И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОЦЕССА ЕГО ПОЛИТИЗАЦИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье представлены основные трактовки понятия «исламский мир» и его изменения в результате миграционных процессов в условиях глобализации, рассмотрены основные факторы политизации проблемы «исламского мира» в западноевропейских странах и современной России.

Ключевые слова: «исламский мир», миграционные процессы, глобализация, политизация проблемы «исламского мира», политические последствия радикализации ислама.

The Concept «Islamic World» and a Global Context of its Politization

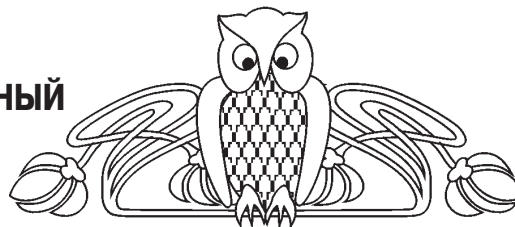
D. G. Mirzakhanov

This paper studies the main interpretations of concept «Islamic world» as well as its modifications as a result of migration processes in modern globalization. The author observes the crucial factors of politization of «Islamic world» in Western Europe and in Russia.

Key words: «Islam world», migration, globalization, politization of «Islam world», political consequences of the politization of Islam.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-222-226

Процессы глобализации по сей день не имеют единой трактовки и оценки. Ключевая причина заключается, прежде всего, в том, что они

настолько сложны и противоречивы по своим целям, содержанию и результатам, что не могут быть оценены однозначно. Особенно сложным представляется исследование глобального контекста процесса политизации исламского общества в постсоветской России. Не случайно, что данная проблема неоднозначно оценивается отечественными исследователями.

К. Ю. Труевцев, анализируя понятие «исламский мир» с точки зрения его ранга одного из мировых центров, акцент делает на том, что такое его понимание «довольно сомнительно». Несмотря на огромный человеческий потенциал мусульман (1 млрд 400 млн человек) и серьезные экономические и финансовые возможности, «это конгломерат совершенно разных по природе и уровню развития государств, не имеющих между собой ничего общего, кроме религии и некоторых традиций»¹. Главные аргументы – отсутствие интенсивных и результативных интеграционных процессов в исламских странах² и высокий уровень конфликтности межгосударственных отношений в исламском мире.

Поэтому автор предлагает подходить к проблеме исламского мира с другой стороны, рассматривая его как «ойкумену обитания мусульман». В этом смысле он предстает «не только и не столько местом обитания мусульман, сколько их мировой совокупностью, имеющей, разумеется, в том числе и геополитическое измерение. Тогда

в состав «исламского мира» попадут не только те страны, где ислам исповедует большинство жителей, но и все те районы мира, где мусульмане вообще представлены, включая и места их традиционного расселения..., и регионы новой и новейшей мусульманской диаспоры»³. Как представляется, такой подход к трактовке «исламского мира» как исламской уммы дает возможность глубже понять его специфику как субъекта глобализационных процессов и особенности его проявления в различных странах с наличием определенной доли мусульманского населения (в том числе и специфику политизации ислама в России). Тем самым проблема исламского мира выносится за рамки национальных государств и приобретает глобальные контуры, которые определяются не географическими границами, а социокультурными параметрами.

Такая трактовка методологически создает возможности для парадоксальных и противоречивых оценок глобальных последствий развития «исламского мира». С одной стороны, в рамках такого подхода мусульмане «переносят» и сохраняют свой мир вместе со своей верой, образом жизни, культурой, независимо от места своего сегодняшнего пребывания. Антиглобалисты видят в этом главную опасность для западноевропейской цивилизации и сложившейся системы национальных государств. По их мнению, в результате миграционных процессов в западноевропейских сообществах появляются мусульманские анклавные структуры, которые не усваивают нормы и ценности принявших их обществ, а начинают развиваться и укреплять свои позиции как самостоятельные социальные группы. С учетом высокого уровня рождаемости у мусульман и продолжающихся миграционных процессов удельный вес данных анклавов объективно будет увеличиваться. Тем самым неизбежно будут расширяться конфликтные зоны взаимоотношений мусульман с населением принявших их стран, обусловленные различиями социокультурных ценностей.

С другой стороны, понимание «исламского мира» как ойкумены обитания мусульман нацеливает на изучение причин того, почему они сохраняют свои ценности в иной цивилизационной среде.

Религиозное мировоззрение мусульман в данном ракурсе можно рассматривать не только как надэтнический и наднациональный фактор, который несет в себе потенциал разрушения существующей системы национальных государств с целью создания мирового халифата, но и как потенциал, который можно направить в конструктивное русло социально-политической и социально-экономической модернизации.

Это становится возможным, если процессы глобализации рассматривать не с позиций повсеместного распространения во всем мире либеральной политической, экономической и

культурной модели, а с точки зрения признания многовариантности социального прогресса. В этом случае переход США и западноевропейских стран к постиндустриальному уровню своего развития не будет единственным «маяком» для остальных стран.

События последних лет на Ближнем Востоке обусловили крайне противоречивое отношение к исламу как мировой религии. Успехи ИГИЛ в расширении своей территории, страшные кадры массовых казней, обошедшие телевизионные экраны во всем мире, показательные разрушения исторических памятников в Ираке, Сирии, Афганистане вызывают противоречивые чувства у большинства населения европейских стран. С одной стороны, в общественном мнении сторонники ИГИЛ воспринимаются как террористы, как сторонники возвращения к средневековому варварству. С другой стороны, большинству обывателей непонятно, почему вербовщики ИГИЛ находят благоприятную среду не только среди жителей мусульманских стран, сталкивающихся с серьезными социально-экономическими проблемами, но и среди мусульман вполне благополучных западноевропейских государств.

В связи с последними террористическими актами в Париже в 2015 г. и Брюсселе в 2016 г. у европейских обывателей закономерно возникает множество вопросов в отношении сущности самого ислама. Почему мигранты-мусульмане, получив доступ к западноевропейским ценностям и социальным благам, не испытывают не только элементарного чувства благодарности к принявшему их европейскому сообществу, но отрицают саму европейскую цивилизацию и сложившийся образ жизни? В чем причина такого антагонизма? Коренится ли она в нежелании утратить свою самобытность в результате признания либеральных ценностей? Либо в том, что ценности ислама несовместимы с западноевропейскими ценностями?

В зависимости от вариантов ответов на данные вопросы формируется переоценка и многих либерально-демократических ценностей. Насколько верной была политика открытости и толерантности западноевропейских обществ, которая и привела к появлению во многих европейских странах крупных мусульманских анклавов, не желающих (или не способных) интегрироваться в принявшие их сообщества на основе единых принципов и ценностей? Почему в ряде случаев эта интеграция была более или менее успешной, чем в других случаях? В чем коренится причина таких различий? В особенностях исповедуемого ислама, или в специфике политики принимающих государств?

В этой связи не случайным стало укрепление позиций правых политических сил в европейском сообществе и усиление разногласий различных его членов по вопросам миграционной политики. Об этом свидетельствует, напри-

мер, жесткая позиция руководства Венгрии в отношении приема мигрантов, несогласие правительств прибалтийских государств с теми квотами на прием мигрантов, которые они обязаны реализовать, напряженность в отношениях Греции с рядом приграничных государств по поводу дальнейшего перемещения мигрантов в глубь Европы, и многие другие противоречия.

Фактически те процессы глобализации, которые многими западными исследователями рассматривались как преимущественно позитивные сдвиги в архитектуре мировых отношений, показали свою оборотную сторону и вновь актуализировали проблему гармонизации совместного проживания представителей различных конфессий в рамках сложных сообществ суверенных государств и их союзов. Это особенно важно с учетом того, что в результате последних событий была подвергнута сомнению дееспособность модели мультикультурализма, которую пропагандировали последние десятилетия идеологи либеральной глобализации.

Усиливающаяся исламофобия в западноевропейских странах проявляется не только в укреплении правых националистических партий во Франции, Германии, Венгрии и многих других государствах, но и находит отражение в объяснении сущности ДАИШ (ИГИЛ) и его исламской основы.

По мнению директора Института международных исследований МГИМО В. В. Попова, «ислам имеет определенные особенности, которые отличают его от других вероучений: это всеохватывающий характер религии, которая является не просто мировоззрением, или идеологией, или сводом духовных ценностей, а она – образ жизни, поскольку всеобъемлюще регламентирует жизнь верующего. Во-вторых, это удивительная религия солидарности, которая объединяет всех правоверных, независимо от цвета кожи, национальной принадлежности и т. п. В-третьих, это – религия, ориентированная на равенство и социальную справедливость, поскольку в Коране содержится немало указаний на то, что истинный мусульманин может отличаться от другого не богатством, не знаниями, не опытом, не силой, а только благочестием. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества, устройства Вселенной, все это делает ислам притягательным для новых приверженцев. Ничто, кроме религии, не связывает марокканцев и индонезийцев, иранцев и малайцев. Ни в одном другом вероисповедании нет такого количества последователей, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Но, поскольку ислам больше чем религия, мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев осознают свою принадлежность к одной религиозной общности»⁴.

Данная емкая оценка содержит основные характеристики ислама, но, тем не менее, не позволяет ответить на вопрос, почему многие его приверженцы восприимчивы к тем идеям, которые для большинства представителей других религий осознаются как возвращение к средневековому варварству и мракобесию.

Можно объяснить конфликт мусульманских сообществ в западноевропейских странах неприятием тех изменений, которые произошли за последние десятилетия в демократических обществах в результате внедрения либеральных ценностей (легализация однополых браков, дискредитация семейных ценностей, свобода слова, в том числе в отношении исламских святынь, и т. д.).

В этой связи ислам рассматривается как альтернатива данному образу жизни, основанная на более справедливых и понятных для мусульман принципах. Однако возникает резонный вопрос, почему данный образ жизни в своей прежней стране обитания не устраивал мигрантов и они всеми правдами и неправдами стремились в западноевропейские страны? Многие мигранты позиционируют себя как вынужденных переселенцев, которые мигрировали из стран, где идет гражданская война или идут боевые действия с другими странами. В то же время исследования показывают, что значительная часть беженцев представляют собой экономических мигрантов, которые выехали в поисках лучшей жизни.

Возникает парадокс – людей не устраивает тот уровень жизни, который имеется в их родных странах (где ислам играет гораздо большую роль в определении параметров политического и социально-экономического устройства), но в Европе их не устраивает отсутствие возможностей вести образ жизни в соответствии с нормами ислама.

Можно с высокой долей вероятности предположить, что большую часть мигрантов устраивает ситуация в принявшей их стране, а сторонники террористов представляют собой лишь мизерную часть западноевропейских мусульман. Однако для рядового обывателя достаточно того факта, что организатор террористических актов длительное время укрывался беспрепятственно в мусульманском квартале Брюсселя, чтобы воспринимать всех мусульман как источник угрозы стабильности и европейских ценностей. Это тот источник угрозы, который не включает в себя всех мусульман, но представляет собой специфическую религиозную среду, постоянно воспроизводящую радикальный террористический элемент.

В определенной степени данная ситуация последствий глобализации может быть экстраполирована и на Россию. Несмотря на длительный опыт мирного проживания представителей различных религий в рамках Российской империи и в советский период, в российской истории име-

ются сложные и драматичные моменты, которые могут быть использованы для разжигания межрелигиозной и межэтнической вражды.

В советский период данная проблема была минимизирована не только в результате целенаправленной государственной политики по формированию дружбы между народами и такой же последовательной атеистической политики ослабления роли религии в обществе. Еще одна причина состояла в том, что сама идея коммунизма – строительство общества социальной справедливости – в значительной степени компенсировала религиозные ценности всех традиционных конфессий (в том числе и ислама).

Ситуация резко изменилась в 1990-е гг. С одной стороны, либерально-демократические преобразования создали благоприятные условия для возрождения ислама и других религий в российских регионах. С другой стороны, радикальные преобразования в социально-экономической сфере привели к существенному падению уровня жизни большинства населения и резкой поляризации российского общества. Это стало одной из причин недовольства существующей системой, которое отчасти проявилось в нарастании сепаратистских тенденций. Кроме того, в этот период значительно расширились возможности для духовного влияния на мусульман Российской Федерации со стороны Саудовской Аравии и других исламских стран.

В результате картина состояния исламского мира в России оказалась очень пестрой и противоречивой. Наряду с традиционным официальным вариантом ислама, представленным в Татарстане и других российских республиках и областях с мусульманским населением, в Дагестане и ряде других регионов появились исламские центры с его более радикальным вариантом. Возрождение ислама в постсоветской России чаще всего было встроено в контекст возрождения этнической самобытности и культурного своеобразия российских народов. Это еще больше усложняет картину исламского мира в современной России, особенно с учетом негативных последствий либерально-демократических социально-экономических преобразований 1990-х гг. По мнению исследовательницы И. Л. Бабич, «местная творческая и научная интеллигенция, главным образом среднего и старшего поколений, в значительной степени утратила свои сильные позиции авторитета в обществе и реноме законодателей общественной морали. Молодежь абсолютно потеряла ориентиры, частично уйдя в ислам»⁵. Однако значительная часть этой молодежи уходит не в традиционный ислам, руководство которого нашло консенсус со светскими властями на региональном и федеральном уровнях, а в тот ислам, сторонники которого резко критикуют существующую социально-экономическую систему, основанную на либеральных рыночных ценностях. В качестве альтернативы

рассматривается возврат к первоисточкам, к ценностям ислама времен пророка Мухаммеда.

Однако обращение к ценностям средневековой справедливости в той или иной степени актуализирует проблему создания исламского халифата и борьбу с неверными. Именно эти идеи становятся ключевыми в пропагандистской работе по привлечению сторонников ИГИЛ в различных регионах мира, в том числе и на постсоветском пространстве. По мнению Г. И. Мирского, «они убеждены, что их священный долг – защита ислама от наступления несправедливого и агрессивного Запада, стремящегося разложить и подорвать единственно истинную веру, лишит ислам его духовных ценностей, опустит мусульманскую “умму” на дно мирового сообщества, навсегда отнять у мусульман священный Иерусалим. Ради этого они готовы пожертвовать собой»⁶. В результате действий таких отдельных радикалов во многих западноевропейских странах растет недоверие к исламу в целом и усиливается исламофобия⁷. Наиболее жестким его проявлением стал расстрел, устроенный в Норвегии А. Брейвиком⁸, и усиление ультраправых группировок во многих европейских странах.

В целом, можно констатировать, что политика открытости и миграционные процессы в большинстве стран привели к тому, что традиционная конфигурация расселения мусульман за последние десятилетия существенно изменилась. Национальные государства с мусульманским населением в большинстве своем не смогли конкурировать по уровню и качеству жизни с западноевропейскими странами и стали источником потоков мигрантов в поисках лучшей жизни.

Значительная часть исламских государств была оформлена в результате процесса распада колониальных империй и представляет собой довольно пеструю картину с точки зрения политического устройства и уровня социально-экономического развития. Наличие серьезных внутренних противоречий (в том числе и на религиозной почве), кровопролитные конфликты (нередко подогреваемые извне⁹) привели к тому, что значительная часть государств арабского Востока превратилась в зону нестабильности и стала источником не только экономической, но и политической миграции в западноевропейские страны. Самым массовым ее проявлением стали потоки беженцев из Афганистана, Сирии, Ирака, Ливии, других государств Северной Африки в результате внутренних вооруженных конфликтов и военного вмешательства США и их союзников.

Данные потоки фактически носят нерегулируемый характер и, с одной стороны, актуализируют целый ряд застаревших политических проблем Европейского союза (прежде всего проблему интеграции беженцев в европейское сообщество), а с другой, создают ряд новых проблем во взаимоотношениях между членами ЕС в связи с угрозой массовой миграции мусульман.

Террористические акты во Франции и Бельгии, активная работа по вовлечению в ряды сообщников ИГИЛ европейских мусульман показали, что понятие «исламский мир» является для европейцев не только внешнеполитической проблемой, но и внутренней, нуждающейся в новом осмыслении и выработке новых политических подходов к ее решению. Это особенно важно с учетом усиления праворадикальных партий и расширением антиисламских настроений европейских обывателей.

Для России проблема «исламского мира» стала особенно актуальной внутренней проблемой с момента распада СССР и усиления роли религии в обществе в условиях постсоветских преобразований. Кроме того, после падения «железного занавеса» Россия оказалась втянута в процессы глобализации, которые оказали существенное негативное влияние на институционализацию «исламского мира» в России. Это предопределило наличие сложного симбиоза внутренних и внешних факторов, актуализирующих проблему ислама в современной России.

Как видится, для обеспечения стабильных межконфессиональных отношений и сохранения многовекового опыта мирного проживания мусульман и православных, представителей других традиционных религий в рамках единого Российского государства важно не демонизировать ислам как источник террористической угрозы, а вести постоянную разъяснительную работу с мусульманской молодежью о том, что возвращение к средневековым исламским нормам не способно привести к построению справедливого общества. Их абсолютизация (без учета конкретных условий возникновения) ведет лишь к возвращению кровопролитного варварского межрелигиоз-

УДК 323.1

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕННОСТИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

И. Б. Санакоев

Владикавказский научный центр РАН
E-mail: inal59@mail.ru

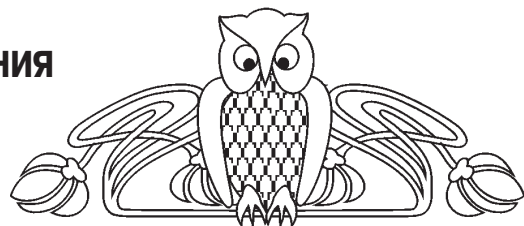
Статья посвящена исследованию идеи национального самоопределения Южной Осетии в контексте разделенности единого осетинского народа. В ней автор пытается проследить влияние ситуации этнической разделенности на формирование югоосетинской национальной идеи, а также роль, которую эта ситуация сыграла в процессе конечной реализации данной идеи.

Ключевые слова: этническая разделенность, идея национального самоопределения, политическая самоорганизация, политическая элита, идея объединения, внутреннее самоопределение, автономия.

ного антагонизма. Гораздо важнее учитывать положительный опыт и те религиозные традиции и ценности, которые позволяли мирно интегрировать «исламский», «православный», «протестантский», «иудейский», «буддистский» и иные миры в единое российское сообщество.

Примечания

- 1 Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир : проблемы адаптации // Полития. 2007. № 4 (47). С. 65.
- 2 Статья К. М. Труевцева была написана еще до успехов ИГИЛ в Ираке и Сирии.
- 3 Труевцев К. М. Указ. соч. С. 66.
- 4 Попов В. В. О роли исламского фактора. Цивилизационный аспект. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document154205.phtml> (дата обращения: 24.11.2015).
- 5 См.: Бабич И. Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 164.
- 6 Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 117.
- 7 См.: Бибикова О. П. Исламофобия на Западе и в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–100
- 8 См.: Хокенос П. Он не одинок. Суд над норвежским массовым убийцей Андерсом Брейвиком – это только верхушка айсберга в беспокойном море радикальной исламофобии в Европе. URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20120421/190916184.html> (дата обращения: 22.04.2012).
- 9 См., например: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.

The Idea of National Self-determination of South Ossetia in the Context of Separation of the Ossetian People

I. B. Sanakoev

This article explores the idea of national self-determination of South Ossetia in the context of the separation of Ossetian people. The author tries to explore the influence of the situation of ethnic division on the formation of the South Ossetian national idea and the role this situation has played in the process of final implementation of this idea.

Key words: ethnic division, idea of national self-determination, political self-organization, political elite, idea of reunification, internal self-determination, autonomy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-226-230

На формирование идеи самоопределения мощное воздействие может оказывать ситуация разделенности, когда две или более части одного народа проживают на территории различных государств. Данная ситуация, безусловно, может сопровождаться явлениями ирредентизма и энзиса уже самим фактом разделенности, а в ситуациях крупных общественно-политических разломов мы можем наблюдать значительную актуализацию требований по защите своих прав со стороны разделенных национальных меньшинств, достаточно болезненно реагирующих на этническую разделенность.

Ситуация разделенности единого осетинского народа, формировавшаяся на протяжении длительного промежутка времени, также оказывала значительное воздействие на процессы национального самоопределения осетинского народа, формируя как на севере, так и на юге Осетии разнонаправленные, но встречные векторы политического и этнокультурного взаимопритяжения, более сильные на юге и более слабые на севере. Эти векторы в различные исторические периоды приобретали различную силу и актуальность, значительно активизируясь в периоды крупных общественно-политических изменений и затухая в периоды установления политической стабильности в регионе. В условиях распада СССР ситуация разделенности единого осетинского народа, безусловно, актуализировала эти векторы, в особенности на юге Осетии, при этом оказав значительное воздействие как на общественно-политическую ситуацию в Южной Осетии, так и на формирование идеи югоосетинского самоопределения.

В этом плане становится актуальным определить параметры и направления эволюции югоосетинской национальной идеи в условиях этнической разделенности и проследить механизм влияния ситуации разделенности на формирование идеи югоосетинского самоопределения в его окончательном варианте. При этом под разделенностью народа мы будем понимать, прежде всего, так называемую абсолютную политическую разделенность, или же «по-сути нахождение частей, равных или неравных, одного и того же народа на территории двух или более государств. И здесь, конечно же, имеются ввиду не диаспоры и мигранты, а две или более части одного народа, непосредственно граничащие друг с другом, но по территории которых проходит государственная граница»¹.

Для решения обозначенной задачи попробуем изначально определить специфику формирования самой ситуации разделенности осетинского народа, которая в данном случае рассматривается в качестве приоритетного этнополитического контекста эволюции идеи югоосетинского самоопределения в целом. В этом плане следует иметь ввиду, что ситуация разделенности осетинского народа имеет достаточно

длительную предысторию, обусловленную расселением народа по обе стороны Главного Кавказского хребта.

В историческом контексте очевидно, что формирование разделенности осетинского народа связано с определенными процессами, протекавшими в прошлом в Кавказском регионе и вокруг него, и здесь можно выделить четыре этапа.

Первый этап – это аланский и посталанский период, когда аланское этнополитическое образование распалось и отдельные его части были вынуждены переселиться на другую сторону хребта². Именно в тот период на четкую ландшафтную границу (Главный Кавказский хребет) наложился две зоны альтернативных претензий различных этнополитических субъектов: феодальных владетелей Грузии и Кабарды. Одна часть осетинского населения оказалась в зоне политического влияния и претензий на суверенитет грузинских феодальных владетелей, другая часть оказалась в зоне периодической зависимости от кабардинских князей, связанных с пастбищами северокавказских равнин. На севере осетины завязывали связи с кабардинскими владетелями, которые позволяли им более устойчиво хозяйствовать на равнине, а осетины с южного склона Центральной части Кавказа старались поддерживать отношения с грузинскими княжескими домами и царским домом с тем, чтобы получать царскую зарплату. Кабарда, как княжеская полития и как всякое иерархическое феодальное образование, была довольно открыта для того, чтобы феодальные группы осетинского населения становились вровень с князьями. Грузинское политическое поле тоже было открыто для становления, но здесь мы не наблюдаем процесса инкорпорации осетинской знати в грузинскую феодальную иерархию.

Второй этап становления разделенности осетинского народа связан с периодом Российской империи. В составе Российской империи Осетия оказалась в разных административно-территориальных образованиях, поскольку южная часть осетинского народа вошла в состав Тифлисской губернии, а северная часть – в состав Терской области. У осетинского населения Тифлисской губернии формировалось отношение к Грузии как такому этнокультурному пространству, в котором они не могут состояться как целостность, оставаясь внутри этого поля. Поэтому одна часть осетин стремилась интегрироваться в это поле, растворившись в нем. Другая же большая часть стремилась уйти из этого поля и сформировать альтернативный проект в югоосетинском поле, чтобы остаться в качестве осетин. На севере происходило совершенно иначе. У осетин во Владикавказе не было комплекса в отношении русских, и они становились культурно-бюрократической элитой кавказского пространства³. Все это привело к тому, что в период 1917–1921 гг., когда распалась Российская им-

перия и на ее обломках образовались различные государства, северные осетины оказались в составе России, а южные – в составе Грузии.

Третий этап становления разделенности осетин относится к советскому периоду. В начале 1920-х гг. осетинская политическая элита предприняла попытки объединения Осетии в составе России. Но наличие в советском руководстве сильного грузинского лобби и стремление большевиков не отталкивать от себя Грузию привели к тому, что в 1922 г. на территории Южной Осетии была образована автономная область, введенная в состав Грузии⁴. И хотя это было не более чем административное разделение, «в умах большинства тогда живущих осетин возникло опасение разделенности, которое впоследствии срезонировало уже и в массовом сознании – нас делят!»⁵ При этом, если во времена царской России грузины и осетины были на равных правах, то в Советском Союзе грузинские власти уже могли более целенаправленно вести работу по ассимиляции той части осетинского народа, которая в силу политических обстоятельств попала в состав Грузии.

Четвертый, постсоветский, этап становления разделенности осетинского народа связан с распадом Советского Союза⁶, когда в начале 1990-х гг. образовались самостоятельные Российская Федерация и Республика Грузия. Разделенность осетин приобретает теперь уже государственно-правовые черты, а после признания независимости Южной Осетии – и международно-правовой характер. Это был очень резкий поворот в судьбе осетинского народа. Фактически отсутствовавшая граница стала присутствующей, и у людей возникла масса сложностей при ее пересечении.

Следует отметить, что формирование разделенности, значительно растянувшееся по времени, с неизбежностью продуцировало определенный негатив, накладывая свой особый отпечаток на все сферы жизнедеятельности народа. Так, к примеру, в социально-политической сфере ситуация разделенности привела к появлению у осетинского народа двух различных форм политической самоорганизации. В этом контексте шел и процесс формирования разных политических элит: «В условиях определенных разделительных линий формируются и разные центры элит. Скажем, один центр во Владикавказе, другой в Цхинвале и в Тбилиси. Эти центры начинают играть роль центров исторической рефлексии, центров тяготения. И тогда проблема разделенности может восприниматься уже как более институциональная»⁷. Подобные процессы имели место, безусловно, в силу того, что политические формы жизнеустройства северных и южных осетин в условиях этнической разделенности складывались в разных социально-политических пространствах и по-разному: на севере – в условиях нарождавшихся форм политической само-

организации северокавказских обществ, а позднее в условиях Российской империи, на юге – в условиях грузинской феодально-иерархической системы.

В силу ряда обстоятельств у северных осетин опыт политической самоорганизации оказался шире, поскольку Северная Осетия развивалась в рамках Российской империи, а впоследствии и Российской Федерации, а национальная политика империи была достаточно лояльна к кавказским горцам. После установления Советской власти возможности этнополитического развития кавказских народов существенно расширились в связи с получением статуса автономных республик, а автономия уже предполагает наличие собственных управленческих институтов: «Так что Северной Осетии в этом смысле повезло больше»⁸. Поэтому для осетин Северной Осетии, в отличие от Южной Осетии, проблемы ущемления национальных прав не существовало⁹.

Что же касается Южной Осетии, то там опыт политической самоорганизации оказался намного меньше, и историческая судьба южных осетин в этом отношении сложилась менее удачно. Причиной было то, что в Тбилиси всегда, как в досоветское, так и в советское время, очень болезненно относились к оформлению политических статусов национальных меньшинств в любом варианте. Помимо этого, специфика отношений с грузинской феодальной элитой, а также дисперсность проживания с грузинами мешали политическому развитию южных осетин в рамках единого политического образования. Поэтому на юге Осетии постоянно наблюдалось ущемление национальных прав осетин. Даже после установления российской администрации в Закавказье южные осетины были разделены на несколько губерний¹⁰.

Ситуация разделенности осетинского народа и особенно его негативные последствия permanently стимулировали в общественном сознании поиски решения проблемы, которые фокусировались преимущественно на идее объединения как важнейшей национальной цели и важнейшем национальном проекте, нацеленном на сохранение этнонациональной идентичности. Поэтому идея самоопределения на юге Осетии в большей степени и в меньшей степени на севере Осетии неизбежно приобретала определенный вектор, формулировавшийся в категориях объединения и воссоединения с остальной частью этнической общности.

Впервые публичная постановка идеи объединения была осуществлена в период распада Российской империи. Практическую работу в этом направлении в тот же период начал осуществлять Национальный Совет Южной Осетии, сформированный в тот период как высший представительный и исполнительный орган Южной Осетии. Свое дальнейшее развитие идея объеди-

нения получила уже в советский период, когда в 1925–1926 гг. ставился вопрос об объединении двух Осетий. Идея объединения осетинского народа на севере и на юге Осетии получила мощный импульс в условиях распада СССР, когда наблюдались рост национального самосознания и активизация процессов национально-государственной консолидации в осетинском обществе: «Не случайно идея объединения актуализируется в тот момент, когда происходит разлом определенной системы. А для периодов разлома характерно стремление быть со своими, быть единым народом, чтобы лучше сохраниться. Ничего криминального в этом нет и для периодов разлома это достаточно органичная идея»¹¹.

Рейтинг объединительных идей на юге Осетии всегда был значительно выше, чем на севере, и инициатива в процессе объединения обычно исходила из Южной Осетии. Одной из основных причин роста популярности идеи объединения на юге Осетии стала политика дискриминации разделенных народов. По оценкам экспертов, в зависимости от того, как меняется политический режим на территории их проживания, разделенные народы могут становиться объектом гонений и притеснений. Поэтому в ситуации резкого обострения отношений национальных меньшинств с титульными народами разделенные народы сталкиваются с формально-правовой и культурно-языковой дискриминацией, которая и служит достаточно мощным источником идей объединения. В такие кризисные периоды этнические меньшинства особенно четко осознают свою разделенность и стремятся в качестве защиты использовать все средства, в том числе и то, что имеют собратьев по другую сторону границы. И когда есть возможность объединиться с другой частью народа, который имеет более высокий государственный статус, в этом случае ситуация еще более способствует возникновению ирредентистского сепаратизма¹².

В югоосетинском общественном сознании идея объединения актуализировалась вследствие политико-правовой и культурно-языковой дискриминации южной части осетинского народа в рамках Грузии. По оценкам экспертов, «грузинские политики не создали бы себе проблем ни в Южной Осетии, ни в Абхазии и могли легко получить Южную Осетию, если бы были более дальновидными и проводили политику, которая бы гарантировала права и свободу южных осетин в составе Грузинской республики»¹³. Мощное влияние на формирование идей объединения в осетинском обществе оказал также грузино-осетинский конфликт, который, по своей сути, являлся следствием дискриминационной политики грузинских властей в отношении южных осетин¹⁴.

Среди благоприятных факторов, создававших определенные шансы и так или иначе всегда способствовавших объединительным процес-

сам, – это стремление населения обеих Осетий к объединению, а также наличие политической воли у обеих осетинских элит к решению проблемы. По данным социологических опросов, «две части одного народа совсем не против, а скорее, однозначно за то, чтобы жить в единой Осетии в составе РФ»¹⁵.

Среди политических факторов, всегда благоприятствовавших объединению Осетии, выступала ориентация осетинского народа на союз с Россией и достаточно дружелюбное отношение России, как досоветской, так и советской, к Осетии в целом. Со своей стороны, с приходом на Кавказ Россия всегда была заинтересована в продвижении через Осетию своих внешнеполитических и геополитических интересов и расширении таким образом зоны своего влияния. И в этом плане Южная Осетия, как, впрочем, и Северная, оказались в зоне влияния российских интересов достаточно давно и надолго, и по этой причине Россия всегда оказывала военно-политическую помощь Южной Осетии в деле ее защиты и становления государственности.

Однако помимо благоприятных конкретное решение проблемы объединения Осетии всегда зависело от действия целого ряда неблагоприятных факторов, создававших достаточно высокие риски как для объединительного процесса, так и для судьбы народа в целом.

Среди таковых, конечно же, следует отметить наличие между двумя Осетиями Главного Кавказского хребта в виде практически непреодолимого географического препятствия. В географическом плане Главный Кавказский хребет, безусловно, объективно создавал определенные естественные препятствия для административного и экономического объединения двух регионов. К примеру, в советский период официальные власти утверждали, что Южная Осетия не может быть объединена с Северной Осетией и войти, таким образом, в состав Российской Федерации, так как она географически оторвана от севера, а советское руководство считало очень сложным осуществлять связь через хребет. Считалось, что труднопреодолимые природные препятствия значительно усложняют налаживание связей, и прежде всего экономических.

Другой не менее мощный фактор, который всегда создавал непреодолимые препятствия для объединения Осетии, – это международное право, которое не содержит никаких правовых процедур, регламентирующих каким-либо образом объединительные процессы разделенных народов. Основная проблем здесь заключалась в том, что, с точки зрения международных норм, вероятное объединение Осетии будет рассматриваться как отторжение части одного государства в пользу другого, поскольку в ситуации объединения речь, естественно, может идти только об объединении единого народа в составе России. И это создает нежелательный для мирового со-

общества прецедент, связанный с перекройкой существующих между государствами границ, чего не допускают практически все международно-правовые документы.

Объединению Осетии всегда препятствовала также региональная политическая конъюнктура, поскольку этот процесс имел все шансы столкнуться с мощным противодействием соседей осетин по Кавказу, и в первую очередь Грузии, которая всегда выступала против объединения Осетии. Грузия всегда воспринимала Южную Осетию как свою территорию, и поэтому проблема разделенности осетинского народа для нее – это угроза части своей территории, и это воспринимается болезненно: «Грузины нервничали и в 1925-ом году, когда обозначилась перспектива объединения Северной и Южной Осетии. В 1990-е гг. они всячески поддерживали Азербайджан в его стремлении сохранить Нагорный Карабах, с тем чтобы аналогичные процессы не развернулись на их собственной территории»¹⁶.

Следует отметить, что в условиях распада СССР соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов в общественном югоосетинском сознании оценивалось как негативное с явным преобладанием высоких для объединения народа рисков.

В силу отчетливого осознания этих рисков объединительный вектор идеи самоопределения начинает уступать место другому, более практичному и безопасному вектору достижения самоуправления через внутреннее самоопределение. На практике это означает, что в силу вынужденных обстоятельств идея объединения почти автоматически эволюционирует в требование сохранения автономии в составе какого-либо государства: в составе Грузии, если это будет возможно (первое повышение югоосетинского статуса), если нет – то в составе СССР (второе повышение статуса и участие в референдуме о сохранении СССР). При этом сама идея объединения в этническом сознании никак не отменяется, а откладывается на неопределенное время – дальнюю перспективу, оставаясь вековой «мечтой осетинского народа».

Таким образом, можно констатировать, что хотя ситуация разделенности и идея объединения как ее производная явились стимулирующим фактором формирования идеи югоосетинского самоопределения, это влияние не доводило ее до излишней политизации и в условиях распада Советского Союза ограничивалось формулированием требований автономного самоуправления в пределах какого-либо существующего государства (СССР, РФ и даже Грузии). Поэтому идея самоопределения Южной Осетии в условиях этнической разделенности накануне распада СССР

фактически формируется как идея внутреннего самоопределения (как программа-минимум) и ближайшая цель. При этом объединительный вектор национального самоопределения сохраняется в широком общественном сознании как конечная цель (программа-максимум) югоосетинского национального проекта. Из этого следует, что этническая разделенность в ситуации с Южной Осетией не стала детерминирующим фактором сепарации и внешнего самоопределения. Ориентация же южных осетин в условиях распада СССР на воссоединение с Северной Осетией и Россией стала превалировать лишь в связи с утверждением в Грузии этнической концепции нациестроительства.

Примечания

- 1 Балашов Ю. А. Разделенные народы : проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?470> (дата обращения: 24.06.2008).
- 2 См.: Гаглойти Ю. С. Проблемы этнической истории Южных Осетин. Цхинвал, 1996.
- 3 См.: Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ : исторические особенности формирования национального единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006. С. 157.
- 4 См.: Очерки истории Юго-Осетинской автономной области : в 2 т. Т. 1. История южных осетин до образования ЮОАО. Тбилиси, 1985.
- 5 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа» (Владикавказ, 2010 г. Архив автора).
- 6 См.: Маркедонов С. М. Азербайджан и Дагестан : разделенные народы и общие проблемы. URL: <http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1247> (дата обращения: 02.07.2008).
- 7 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 См.: Чибиров Л. А. [и др.]. История южных осетин : учеб. пособие. Цхинвали, 1990.
- 11 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 12 См.: Балашов Ю. А. Указ. соч.
- 13 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 14 См.: Конфликты в Абхазии и Южной Осетии : документы 1989–2006 гг. / сост. и коммент. М. А. Волхонский, В. А. Захаров, Н. Ю. Силаев. М., 2008.
- 15 Материалы экспертного опроса по теме «Разделенность осетинского народа».
- 16 Там же.

УДК 94(47)+929

«РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» В ДЕЙСТВИИ (к вопросу об идейных воззрениях И. Ф. Наживина)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Mitrokhinva@yandex.ru

В статье рассматриваются идейные воззрения соратника Л. Н. Толстого, русского писателя И. Ф. Наживина, сформировавшиеся к началу 20-х гг. XX в. под влиянием радикальной политической трансформации в России. Анализируется влияние внутриэмигрантской борьбы на эволюцию взглядов писателя на протяжении межвоенного периода (20–30-е гг. XX в.), а также его видение будущего Российского государства и Европы в условиях обострения общественных противоречий.

Ключевые слова: русская эмиграция, идеологические взгляды, политическое преобразование, реальная политика.

«Real Policy» at Work (to a Question of Ideological Views of I. F. Nazhivin)

V. A. Mitrokhin

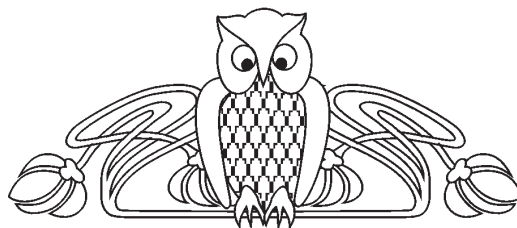
The ideological views of L. N. Tolstoy companion, the Russian writer I. F. Nazhivin, shaped by the beginning of the 20th years of the XX century under the influence of radical political transformation in Russia are considered in article. Influence of intra emigrant struggle of opinions on evolution of views of the writer throughout the intermilitary period (the 20–30th years of the XX century), and also his vision of Russian state and Europe future in the conditions of an aggravation of public contradictions is analyzed.

Key words: Russian emigration, ideological views, political transformation, real policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-231-233

События между мировыми войнами (20–30-е гг. XX в.), во многом определившие политический ландшафт и расстановку сил в наше время, являлись предметом повышенного внимания и детального исследования свидетелей и участников этого процесса. Одним из тех, кто пытался понять смысл и подоплёку грозных событий, кардинально изменивших политическую карту мира, а позже приведших к гибели десятков миллионов людей, стал бывший российский подданный Иван Фёдорович Наживин.

До революции он получил известность как автор вызвавших интерес в русском обществе рассказов и очерков. Печатался в журналах «Природа и охота», «Русская мысль», «Русское богатство», обращаясь в первую очередь к бытописанию столь близкой ему русской деревни¹. И. Ф. Наживин прославился своим знакомством и общением с Л. Н. Толстым, которое во многом

определило направление дальнейшего творческого поиска писателя.

Будучи сторонником и защитником «старой русской жизни», Иван Фёдорович крайне болезненно воспринял революционные катаклизмы начала XX в., определив их как «великое нравственное падение русского народа».

Ещё большее неприятие вызвали у И. Ф. Наживина драматические события 1917 г. Не считая возможным приспособляться к новым веяниям, он очень скоро оказался на стороне добровольческой армии, которая, как тогда казалось, стояла на защите традиционных российских ценностей. Последствия гражданского противостояния хорошо известны. Огромное число бывших подданных Российской империи покинули свою страну, обустроившись на первых порах в европейских странах. Был среди них и первоначально далёкий от политики замечательный русский писатель Иван Фёдорович Наживин, по разным причинам вынужденный кочевать по континенту².

Пребывание за рубежом заставило писателя многое переосмыслить и взглянуть по-новому на события российской истории последних лет. Он пытался разобраться в истоках трагических событий, приведших к гибели Российской империи, всё больше погружаясь в анализ политических, социальных и личностных факторов, во многом предопределивших ход событий.

Эти новые для «почвенника» Наживина мотивы просматриваются как в художественных, так и в публицистических произведениях. Так, в 1923 г. в Лейпциге издаётся роман «Распутин», в котором автор, мастерски используя художественные средства, затрагивает социально-психологические аспекты функционирования российской власти. Он пытается осмыслить глубинные истоки её фиаско, чудовищным образом отразившегося на судьбах русского народа³.

По мнению популярного в своё время германского издания «Hamburger Neueste Nachrichten», в своём романе Наживин стоит над партийной грызней и воодушевлён лишь одним желанием – служить измученной России⁴. Можно с этим согласиться, однако политический контекст прошлого, настоящего и будущего его всё более захватывает. Так, недвусмысленное отношение Наживина к политическим трансформациям 1917 г. легко угадывается в «Записках о революции»⁵.

В мемуарах «Среди потухших маяков» писатель выражает решительный протест про-

тив «нового мирового порядка», придуманного странами-победителями по итогам Первой мировой войны без участия России. Для Наживина слишком очевидны его несовершенства и неизбежность крушения: «...докажите мне, что версальские каннибалы, только вчера оравшие на весь мир о “последней” войне... о союзе народов, действительно знают, что делают...»⁶

Критическая позиция в отношении европейского политического мироустройства, обозначенная И. Ф. Наживиним в начале двадцатых, с годами укрепилась в контексте эволюции и борьбы мнений в среде российской эмиграции.

Представители разных групп, потерявших свою родину русских, пытались разобраться в хитросплетениях политики и определить своё отношение к динамичной западной жизни. Мнения, как водится, разнились. С точки зрения писателя Наживина, Европа уверенно двигалась к очередной бойне. Удивительно точными и проницательными выглядят его суждения, сформулированные ещё в 1930 г., задолго до прихода фашистов к власти в Германии: «Искры тлеют и в России, и в Италии, и в Германии, и в Польше, и на Балканах. Пожар запыхает непременно... впереди не мир, но война»⁷.

Автор, увы, подтвердившегося через несколько лет прогноза в своём «Открытом письме» поясняет, почему это неизбежно: «В основании “новой” Европы лежит огромная бочка с динамитом – Версальский договор»⁸. Особое внимание в изданной в Брюсселе брошюре уделено отношениям России и Германии. В частности, утверждалось, что на этапе преодоления кабального договора эти страны будут союзничать и двигаться в одном направлении. В дальнейшем их пути разойдутся, а отношения, вероятнее всего, обострятся⁹.

Отдельной критики со стороны Наживина подвергались те политические круги российской эмиграции, которые, несмотря на гуманистическую риторику, по сути, поддерживали европейских поджигателей войны. Это, по его мнению, в первую очередь, представители так называемого либерально-демократического крыла эмиграции, одним из лидеров которого являлся П. Н. Милюков.

Эти «наивные интеллигенты» (самого Милюкова Наживин считал далеко не наивным человеком), с точки зрения писателя, именуя себя «реальными политиками», «упорно закрывают глаза на истинное положение дел»¹⁰. Заслуживающая лучшего применения активность по приближению «золотого века счастливых демократий под управлением швейцарских банков»¹¹ будет иметь роковые последствия не только для Европы, но и для России. Это одна из главных идей «Открытого письма» И. Ф. Наживина П. Н. Милюкову, увидевшего свет в 1930 г.:

«Вы слащаво разводите мечты о слиянии великих демократий в одну, а в это время ваши великие демократии, в лице своих генеральных штабов, своё дельце делают у вас под носом весьма исправно...»¹²

Особое возмущение у писателя вызывало стремление эмигрантских либералов «навязать» свой проект России и занять лидирующее положение в её неизбежном будущем преобразовании. Обращаясь к Милюкову, он пишет: «Вы сотни раз оскандалились, но в наивном ослеплении откровенно намечаете себя в приемники товарища Сталина... мните себя “реальным политиком” и стремитесь навязать Новой России то, от чего она теперь с отвращением отворачивается... Вы обязаны знать, как болезненно заострено в живой России и в живой части эмиграции национальное чувство...»¹³. Таким образом, с точки зрения писателя, «политические игрушки» либералов, «сломанные и замызганные», не приемлемы для обустройства «действительно Великой России, грозной для бесчисленных врагов её»¹⁴.

Каким же образом обустроить некогда потерянную страну предлагал писатель? Одним из главных вопросов будущего, с его точки зрения, являлся вопрос кадров. Страной должны управлять «не газетчики, адвокаты и ростовщики, которые везде и всюду осточертели до последней степени», не отбросы, а представители народной элиты. Иван Фёдорович отмечает, что Российское государство веками складывалось как многонациональное и многокультурное сообщество, в котором принято уважительно относиться к традициям и обычаям соседей. Вместе с тем основой национального согласия, с точки зрения писателя, является особая, государствообразующая роль русского народа: «Не будет Россия русской – не будет она и Великой, а будет огромной кучей демократического навоза»¹⁵.

Вопрос восстановления территориальной целостности и исторически сложившегося единства – залог будущего. И. Ф. Наживин был решительным противником отторжения от России исконных земель. Показательна в этой связи его реакция на «заигрывание» лидера эмигрантских либералов с украинскими сепаратистами. Так, жесточайшей критике была подвергнута встреча Милюкова и «самостийников» в Праге, где, в частности, признавалась возможность будущего мирного сосуществования «Великороссии» и «Украины» как самостоятельных субъектов мировой политики. Обращаясь к своему оппоненту, Наживин пишет: «Вы хорошо понимаете, что самостийники – ничтожество, дрянь и должны бы помнить, что за ними стоят, как за Мазепой Карл XII, огромные враждебные России силы»¹⁶.

Для И. Ф. Наживина вопрос восстановления территориальной целостности – это в том числе вопрос возвращения земель «бесстыдно

отторгнутых от неё версальским договором»¹⁷. В лоно Великой, Единой и Неделимой России должны быть включены, по его мнению, Восточная Галиция, Подолия, Буковина и Прикарпатская Русь.

Основой возрождения могущества страны, решения её насущных задач, по мнению писателя, должна стать правильная организация внутренней жизни. «Россия, это прежде всего огромное и сложное хозяйство... управлять им должны люди умелые и творческие – цвет нации...»¹⁸ Вопрос отбора «нужных» людей – это вопрос разрешения неотложных проблем народной жизни. Важнейшими из них на тот момент виделись:

- обеспечение равноправия народов;
- государственный, а не «пугачёвский» переход земли к крестьянам;
- подлинная, а не социалистическая свобода личности.

Решение столь масштабных задач, тем более перед лицом неизбежного столкновения народов, на начало тридцатых годов виделось И. Ф. Наживину с помощью монархии, олицетворяющей собой «пылающий национальным чувством центр»¹⁹. Однако со временем его предпочтения изменились. Он окончательно разочаровался в эмигрантских планах преобразования российской действительности («мертвечина эмиграции поражает!») и с удивлением стал обнаруживать, что некогда ненавистные большевики воплощают в жизнь его идеи по строительству могучей России.

Это неожиданное открытие было обозначено одним из персонажей романа «Неглубокоуважаемые» в обращении к Иосифу Сталину: «Странное дело, вы, интернационалисты, стоите на страже интересов России, а здешние разявы-националисты продают её оптом и в розницу первому встречному...»²⁰

Высказанное устами литературного героя мнение вполне согласовывалось с наживинским видением «реальных политиков»: «...это те, кто строит своё дело, опираясь на грани действительности...»²¹. Очевидно, писатель всё больше склонялся к тому, что линия «реальной политики» постепенно возобладала в Новой России – Советском Союзе.

Примечания

- ¹ После смерти матери в 1878 г. воспитанием будущего писателя занималась его бабушка, проживавшая в деревне Буланово Владимирской губернии. Здесь и прошло его детство. Позже в автобиографии И. Ф. Наживин напишет: «Я сын мужика, выросший среди народа».
- ² За почти два десятилетия эмигрантской жизни И. Ф. Наживин по разным причинам был вынужден неоднократно менять страны пребывания. Он жил в Болгарии, Югославии, Австрии, Германии и наконец в Бельгии (Брюссель), где 5 апреля 1940 г. закончился его жизненный путь.
- ³ Роман имел большой резонанс, переведён на многие европейские языки. Самые высокие оценки «Распутину» дали классик немецкой литературы Томас Манн, лауреат Нобелевской премии Сельма Лагерлёф и многие другие.
- ⁴ См.: Hamburger Neueste Nachrichten. 1925. 14, November.
- ⁵ См.: *Наживин И. Ф.* Записки о революции. Вена, 1921.
- ⁶ *Наживин И. Ф.* Среди потухших маяков. Из записок беженца. Берлин, 1922. С. 4.
- ⁷ *Наживин И. Ф.* Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову. Брюссель, 1930. С. 18.
- ⁸ Там же. С. 17.
- ⁹ Эта точка зрения в дальнейшем нашла поддержку у многих представителей российской эмиграции. Например, А. И. Деникин в изданной в 1934 г. в Париже брошюре «Международное положение, Россия и эмиграция» прямо указывал на опасность германской экспансии и «восточной» программы Гитлера: «Восточная» программа может осуществляться лишь злейшим врагом России и русского народа» (С. 10).
- ¹⁰ *Наживин И. Ф.* Глупость или измена?.. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 18.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 7–8.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 17.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ Там же. С. 19.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Наживин И. Ф.* Неглубокоуважаемые : роман. Тяньцзинь, 1935. С. 302.
- ²¹ *Наживин И. Ф.* Глупость или измена?.. С. 7.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323(470+571)

ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАРМОНИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКОВ И РАБОТОДАТЕЛЕЙ В РАМКАХ ТРИПАРТИЗМА: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

А. П. Великанов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: velikanov.ap@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы эволюции европейского трипартизма как политического института, направленного на гармонизацию интересов работников и работодателей, проводится сравнительный анализ моделей европейского трипартизма, показаны источники страновых различий применительно к роли государственного участия в системе трипартизма.

Ключевые слова: трипартизм, политическая гармонизация интересов работников и работодателей, государство, социальное государство, неокорпоративизм.

Limits of Political Harmonization of Interests of Employees and Employers in the Framework of Tripartism: the Deconstruction of European Experience

A. P. Velikanov

The paper discusses the problems of the evolution of European tripartism as the political institution, aimed at harmonization of interests of employees and employers, the comparative analysis of European models of tripartism is made, the sources of country differences towards the role of public participation in the system of tripartism are disclosed.

Key words: tripartism, harmonization of interests of employees and employers, state, social welfare state, neocorporatism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-234-239

В современной политической науке сохраняют актуальность идеи институционализации позитивного корпоративизма (неокорпоративизма) для решения социальных проблем.

Будучи детищем политической теории и практики неокорпоративизма в части идей о согласовании ассоциированных интересов, трипартизм (от лат. *tripartitus* – тройственный, трехсторонний) рассматривается в российской социальной политике, в первую очередь, как один из важнейших элементов социального государства.

Авторское понимание трипартизма базируется на его представлении как формы политического процесса, отражающей институционализированное взаимодействие представителей органов государственной власти и местного самоуправления, работников, работодателей по вопросам регулирования социально-трудовых

отношений, обеспечивающее согласование индивидуальных интересов с целью достижения максимальной общественной полезности.

В Российской Федерации воплощение практики трипартизма во взаимодействии труда и капитала, соответствующего рыночным отношениям, насчитывает достаточно короткую историю (по сравнению с европейскими государствами), но уже достигнуты определенные результаты: имеются постоянно действующие соглашения, заключенные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также в отдельных отраслях экономики, большинством предприятий крупного и среднего бизнеса заключаются коллективные договоры. Реализуется намерение федеральной власти и иных акторов системы трипартизма на федеральном уровне к децентрализации коллективно-договорного процесса путем формирования трехсторонних комиссий и процедуры ведения коллективных переговоров на региональном, местном и отраслевом уровнях.

В то же время в российском трипартизме с самого начала его формирования наметились проблемы, скрадывающие сам смысл существования данного института, решение которых в ближайшем будущем нам не представляется реалистичным. Речь здесь идет, главным образом, о пассивности профсоюзов и засилии интересов крупного бизнеса в коллективно-договорном процессе, следовательно, об отсутствии реального равноправия сторон; под сомнение следует поставить и общую эффективность действий государства как независимого арбитра и партнера. Подобные проблемы характерны и для регионального уровня взаимоотношений между властью и обществом¹.

Принимая во внимание то обстоятельство, что российский трипартизм создавался не на пустом месте, а с заимствованием, пусть и формальным, зарубежного опыта, неполным было бы исследование государственной политики развития системы трипартизма без изучения зарубежного опыта деятельности государства по гармонизации интересов работников и работодателей.

В этой связи, в первую очередь, необходимо обратиться к опыту так называемых «социальных государств», или «государств всеобщего благосостояния».

В науке зачастую для описания одного и того же феномена используются два понятия «социальное государство» и «государство «всеобщего благосостояния»»², мы также признаем их идентичными по содержанию.

Понятие «социальное государство» в социальных науках приобрело междисциплинарную значимость и нескрываемую привлекательность для общественного сознания.

Большинство исследователей, как правило, стремятся определить социальное государство путем обращения к смежным понятиям «справедливость», «солидарность», «равенство», «достоинство», «прогресс»³, однако при таком подходе нередко происходит смешение их смыслов.

Нам представляется более верным обращение к первоисточнику термина «социальное государство». Данный термин был впервые употреблен в 1850 г. Лоренцом фон Штейном⁴. Он включил в перечень функций государства обеспечение посредством государственной власти абсолютного равноправия как отдельных общественных классов, так и каждого индивида. По мнению Штейна, обязанностью государства также выступает поддержание общественного и экономического развития всех его граждан без исключения, поскольку прогресс одного является определяющим условием прогресса другого, и указанная обязанность является определяющей именно для социального государства.

Рассуждая о сущности социального государства, И. В. Леонов приходит к выводу, что социальное государство является тем идеалом, к которому стремится человечество в процессе эволюции, оно выступает таким типом государства, деятельность которого базируется на соблюдении, признании и защите социально-экономических и политических прав и интересов, а также высших нравственно-духовных ценностей⁵. Для России это особенно важно с учетом ментальной закрепленной склонности «русского населения к социальной справедливости, к определенному патернализму, к функциональному пониманию социальной роли государства»⁶.

Элементы социального государства были внедрены в Европе после завершения Второй мировой войны. Их целью выступало устранение разрушительных последствий войны и предотвращение повторения Великой депрессии⁷.

Особый интерес здесь представляет опыт стран Скандинавского полуострова ввиду устойчивости социально-партнерских отношений и позитивного влияния трипартизма на экономическое развитие. В этой связи рассмотрим специфику законодательного и институционального обеспечения в социальных государствах на примере Швеции и Дании.

Швеция долгое время рассматривалась как образцовое социальное государство, государство «всеобщего благосостояния», а традиционная

шведская модель социального партнерства, несмотря на возникающие проблемы, до сих пор принимается в качестве образца централизованного диалога между работниками и работодателями (трудом и капиталом). Шведская система социального партнерства, ярко отражая специфику скандинавской модели социального партнерства, характеризующейся активным вмешательством государства в регулирование трудовых отношений, в то же время имеет свои отличительные черты.

Существующая в Швеции система социального партнерства начала формироваться одной из первых в Европе еще в начале XX в. В это время в стране произошла институционализация индустриальных отношений: так, в 1900 г. основано ведущее национальное объединение профсоюзов – Центральное объединение профсоюзов Швеции (ЦОПШ, в оригинале – LO); в 1902 г. создано ведущее национальное объединение работодателей – Объединение работодателей Швеции (ОПШ, в оригинале – SAF). Исходной точкой социального диалога между трудом и капиталом в стране принято считать так называемый «декабрьский компромисс» 1906 г., обозначивший взаимное признание прав со стороны шведских профсоюзов и со стороны Объединения работодателей Швеции⁸.

Идеологической основой шведского трипартизма стала идея о строительстве в отдельном государстве «народного дома» (Folkhemmet) или «государства всеобщего благосостояния», где каждый должен был иметь равные права и возможности. В существующем виде шведское социальное партнерство обрело свои черты в 1938 г. в результате подписания при участии правительства Сальтшёбаденского мирного соглашения 1938 г., которое, по сути, означало заключение договора между Центральным объединением профсоюзов Швеции (LO) и Объединением работодателей Швеции (SAF).

С принятием Сальтшёбаденского соглашения в Швеции завершился процесс создания целостной коллективно-договорной системы и системы разрешения трудовых споров. Благодаря длительному периоду постоянного усиления позиций профсоюзов в стране был принят ряд социальных законов, инициированных профсоюзами и весьма эффективно защищающих интересы трудящихся. Особенно важные законы, касающиеся здравоохранения, обеспечения безопасности труда, профессионального образования, рабочих советов, были приняты в период 1940-х гг. В 1970-х гг. была принята еще одна серия законов, наиболее значимыми из которых для профсоюзов стали закон гарантированной занятости и закон об участии профсоюзных представителей в управлении производством.

Уже к середине XX в. в Швеции сложились основные элементы системы трипартизма, которые характеризуются следующим⁹:

– каждый второй год на национальном уровне заключаются централизованные коллективные договоры;

– государство в коллективно-договорном процессе выполняет роль арбитра и обеспечивает формирование компромиссных решений при недостижении профсоюзами и объединениями работодателей соглашения по спорным вопросам;

– субъектный потенциал трипартизма составляют в основном крупные национальные объединения работодателей и профсоюзы;

– в период действия коллективных договоров государство, при соблюдении сторонами коллективных договоров их положений, не принимает дополнительных регулятивных мер по отношению к сторонам;

– исполнение сторонами коллективных переговоров достигнутых соглашений гарантирует низкий уровень трудовых конфликтов.

В последующем в условиях экономического спада произошла рецентрализация системы договорных отношений. Так, например, соглашение Ренберга сводилось к навязыванию модели трипартизма, где центральные организации двух субъектов выступили в качестве координаторов. Несмотря на указанный выше шаг работодателей, они все же согласились участвовать в регулировании зарплаты в рамках системы трипартизма.

Несмотря на проблемы, возникающие в системе социального партнерства, в настоящее время Швеция остается социальным государством, обладая большинством признаков такового. Даже после экономического спада в начале 1990-х гг. здесь сохранился широкий спектр мер социальной защиты населения. К примеру, каждому шведу начиная с 65-летнего возраста предоставляется государственная пенсия по старости. Эти пенсии индексируются в зависимости от изменения стоимости жизни. С 1960 г. стали выплачиваться дополнительные пенсии за счет работодателей. К 1981 г. эта программа охватила всех пенсионеров. Государство выплачивает дополнительную пенсию за выслугу лет, размер которой зависит от стажа и заработной платы. В итоге суммарная пенсия составляет не менее 2/3 средней заработной платы за 15-летний период получения максимальных окладов¹⁰. Пенсии предоставляются также вдовам и инвалидам.

Политические системы всех стран Скандинавии так или иначе знакомы с трипартизмом, но говорить о единой модели трипартизма для Скандинавии не приходится, поскольку между трипартизмом в Дании, Норвегии и Швеции имеются значительные различия. В Норвегии и Швеции все стороны трипартизма обладают автономностью в инициировании коллективных переговоров, чего нельзя сказать о Дании, где, несмотря на наличие обширной практики принятия коллективных договоров, отсутствуют какая-либо регулятивная деятельность государства по

установлению минимальных стандартов и требований к коллективным договорам.

Как отмечает С. П. Перегудов, уровень достигнутой обществом социально-политической стабильности, а также возможность ее постоянного поддержания выступает в ряду наиболее значимых индикаторов здоровья самого общества и предопределяет его нормальное развитие¹¹.

Хотя со вступлением в Европейский союз в странах стал расти уровень безработицы, по обобщающим показателям качества жизни Швеция регулярно демонстрирует высокие результаты. Так, в рейтингах качества жизни стран, составленных на основе индекса развития человеческого потенциала, на протяжении последних лет Швеция входит в число 10 лучших стран в мире.

Подобные показатели демонстрируют и другие скандинавские страны: Дания по итогам 2014 г. находится в рейтинге на 4-м месте, значительно опережая общемировой уровень ИРЧП; а Норвегия в последние несколько лет лидирует в данном рейтинге. В Норвегии объем фонда будущих поколений уже к 2006 г. составил 243 млрд долл., а в 2014 г. превысил 800 млрд долл. США, причем на каждого норвежца приходилось 162 тыс. долл.

Существуют полярные мнения относительно будущего скандинавских стран как социальных государств и будущего трипартизма в их политической системе. К примеру, В. Т. Кривошеев считает, что возвращение к тому, что называется «шведским социализмом», невозможно, отчасти именно из-за того, что декорпоратизация начала 1990-х гг. увеличила разрыв между системой принятия политических решений и тесным сотрудничеством общественных организаций с государством, что, собственно, и отличало Швецию в течение многих лет¹².

Как бы то ни было, нам представляется очевидным, что в условиях глобализации экономики, устраняющей национальные границы для бизнеса, и обострения демографических проблем (в первую очередь проблемы общего старения населения) скандинавским странам необходимо будет искать новый баланс между социальной стабильностью и экономической эффективностью.

На примере современной Швеции мы можем наблюдать ситуацию, когда в условиях развитого социального государства и формирования устойчивой модели социальной политики трипартизм перестает играть существенную роль в жизнедеятельности общества.

Тем не менее, остается бесспорной значимость трипартизма на этапе становления социально-справедливого демократического общества как инструмента, обеспечивающего поддержку социально-политической стабильности.

В большинстве стран Северной Европы (Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия,

Швеция) государство сегодня так или иначе принимает активное участие в регулировании трудовых отношений. Характерной тенденцией развития трипартизма на разных этапах становится его децентрализация, в системе трипартизма выделяется не менее трех уровней, вплоть до уровня предприятий.

Одним из примеров успешной имплементации трипартизма в политическую систему является Бельгия. Еще в 1944 г. здесь был заключен так называемый «Социальный пакт», ставший одним из первых документов в Европе, закрепляющих взаимодействие профсоюзов, государства и бизнеса в социально-трудовой сфере.

Впоследствии на основе принципов трипартизма здесь были сформированы Национальный совет по труду и Государственный совет, ответственные за проведение трехсторонних переговоров на национальном уровне в социальной и экономической сферах соответственно. На нижестоящих уровнях также были созданы органы трипартизма, контролируемые правительством, – так называемые «паритетные комиссии» и «службы примирения».

Особый интерес представляет взаимодействие акторов трипартизма в процессе принятия в Бельгии национального трехстороннего соглашения на 2009–2010 гг. в условиях системного кризиса экономики. Вступая в трехсторонние переговоры, профсоюзы настаивали на минимальном повышении заработной платы работников, улучшении статуса частично занятых работников и повышении социальных гарантий трудящимся в случае потери работы, особенно временным и сезонным рабочим. Федерация предпринимателей Бельгии (FEB) категорически отказалась от повышения заработной платы работников и выступила с предложением отменить действующую в стране систему индексации заработной платы.

В конце декабря 2008 г. состоялось заключение трехстороннего соглашения на 2009–2010 гг., которое было названо сторонами, его подписавшими, «историческим» и «исключительным».

Дело в том, что при принятии этого соглашения государству пришлось применить роль арбитра и отклонить ряд предложений, выдвинутых и профсоюзами, и работодателями. В принятом соглашении, несмотря на протесты работодателей, была поддержана и пролонгирована система индексации заработной платы, в то же время размер такой индексации был весьма ограничен, против чего выступали профсоюзы¹³.

В бельгийском варианте трипартизма государство выполняет системообразующую и регулятивную роль, осуществляя нормативное обеспечение переговорного процесса между сторонами, арбитраж и медиацию в целях разрешения возникающих в ходе переговоров разногласий между сторонами.

Уже на протяжении тридцати лет (с 1980-х гг.) трипартизм выступает одним из институтов политического ландшафта Ирландии. Постепенно он превратился здесь в форму политического процесса, образно поименованную исследователем Н. Хардимэном «гибким сетевым управлением»¹⁴.

Особенность его состоит в том, что ирландский трипартизм создал сложную, но в то же время гибкую сеть двусторонних и трехсторонних переговорных возможностей, групп по разработке политики и консультативных механизмов. Они, как правило, связаны с непосредственным вовлечением в коллективные переговоры государства, а также профсоюзов, работодателей и представителей общественного сектора некоммерческих организаций, правозащитных групп и групп интересов, деятельность которых в той или иной мере урегулирована законодательно.

Система трипартизма в Ирландии начала оформляться де-юре в октябре 1987 г. с принятием на федеральном уровне Программы национального оздоровления (PNR). В дальнейшем последовали важнейшие федеральные соглашения по вопросам социального партнерства – Программа экономического и социального прогресса (PESP) в 1993 г., Программа конкуренции и труда (PSW) в 1996 г., Программы процветания и справедливости (PPF) в 1987, 1990, 1993, 1996, 2000 гг. и др.

Именно с внедрением продуманной системы трипартизма связывают феномен так называемого «ирландского экономического чуда». Так, в начале 1987 г. уровень безработицы в Ирландии достигал 16,8%, в то время как размер внешнего долга составлял 118,2% от валового внутреннего продукта.

При активном использовании коллективно-договорных ресурсов трипартизма в стране были проведены экономические реформы, направленные на разумное перераспределение части доходов – совершенствование налоговой политики (включая установление специальных налоговых режимов для граждан с низкими доходами), а также на установление минимальных размеров заработной платы. В результате экономическая ситуация в Ирландии значительным образом стабилизировалась, существенно уменьшился уровень безработицы и эмиграции труда.

Несмотря на то что соглашения, принимаемые в ходе практик трипартизма, в части, не затрагивающей вопросы оплаты труда и налогообложения, не заменяют здесь традиционных методов выработки политики, они порождают новые системы связей между акторами, посредством которых спорные вопросы могут быть решены на «выходе» политического процесса.

В Германии период расцвета практики трипартизма пришелся на послевоенное время и связан с деятельностью Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Председатель

этой партии Л. Эрхард предложил концепцию так называемого «социального рыночного хозяйства». Один из основных элементов этой концепции – вмешательство государства в производственные отношения при сохранении автономии предпринимателей и профсоюзов.

Со своей стороны, западногерманские профсоюзы предложили свой вариант «согласованных действий», задействованный в 1957 г.

с приходом в правительство ФРГ социал-демократов. Суть «согласованных действий» заключалась в создании при правительстве специального Комитета для сотрудничества представителей властных структур, объединений предпринимателей и профсоюзов. Комитету были предоставлены широкие полномочия, вплоть до возможности фактического изменения курса социально-экономической политики государства, в то же время служащие Комитета не имели возможности самостоятельного принятия политических решений, а были обязаны выработать приемлемые решения в ходе трехсторонних консультаций с профсоюзами и объединениями предпринимателей. Вместе с тем с нарастанием кризисных явлений в 1970-х гг. роль такой формы политического диалога в германской политической системе стала неуклонно ослабевать. Последнее заседание Комитета для сотрудничества представителей властных структур, объединений предпринимателей и профсоюзов датируется 1977 г.

В конце 1998 г. по инициативе нового правительства Германии был создан Альянс по поддержке занятости, профессиональной подготовки и конкуренции (Bündnis für Arbeit, Ausbildung und Wettbewerbsfähigkeit). Альянс состоял из рабочих групп, образованных на основе принципов трипартизма. Между тем уже в 2003 г. данный временный институт трипартизма был ликвидирован по инициативе федерального канцлера во многом по причине постоянных трений между профсоюзами и представителями бизнеса в составе альянса и невозможности принятия компромиссных решений¹⁵.

Современная политика в социальной сфере направлена на достижение таких приоритетных задач, как создание условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества базовых социальных благ, защита социально уязвимых групп населения, которые не могут самостоятельно решить свои социальные проблемы и нуждаются в государственной поддержке¹⁶.

Также длительную историю и устойчивые политические традиции имеет трипартизм в Нидерландах, где с 1945 г. существует Совет по труду, на базе которого проводятся трехсторонние консультации и переговоры с участием бизнеса и профсоюзов. Дважды в год Советом проводятся совместные обсуждения вопросов формирования бюджета и ведения коллективных пере-

говоров по установлению минимального уровня оплаты труда.

В 1950 г. в Нидерландах также создан и постоянно действует Социально-экономический совет, куда, помимо представителей бизнеса и профсоюзов, входят представители государства на правах экспертов. На регулярной основе здесь с участием государства, бизнеса и профсоюзов заключаются генеральные соглашения, устанавливающие на национальном уровне ряд взаимных обязательств сторон в социально-трудовой сфере на будущий период.

В отличие от указанных выше государств, Великобритании на любом этапе ее развития с трудом можно было назвать государством с развитой системой трипартизма. Как правило, большинство исследователей исторически относят Великобританию (наравне, к примеру, с Соединенными Штатами Америки) к государствам с бипартистской системой социального партнерства, где взаимодействие труда и капитала сводится к двустороннему диалогу «объединения профсоюзов – ассоциации работодателей»¹⁷.

Тем не менее, внедрение практик трипартизма существовало и здесь, но применение данного института было связано с определенной расстановкой политических сил. Лейбористская партия Великобритании, несомненно, являлась апологетом трипартистских идеалов и при получении большинства голосов имела возможность проводить реформы, формируя трипартистские структуры, чем неоднократно пользовалась.

По иронии судьбы, впервые трипартизм ступил на британскую землю в 1962 г., когда у власти были консерваторы. В это время при правительстве был создан Национальный совет экономического развития, сформированный по трипартистским принципам на основе членства представителей бизнеса, профсоюзов и государства. Совет являлся совещательным органом по вопросам реформирования экономики, принимаемые им решения носили статус рекомендаций.

Впоследствии итоги деятельности Национального совета экономического развития и практики трипартизма были восприняты при проведении политики «социального контракта» в 1970-е гг. Строилась данная политика на основе взаимных уступок правительства и профсоюзов, зафиксированных в совместном соглашении «Коллективные переговоры и социальный контракт» 1974 г.

В дальнейшем значение трипартизма в британской политической системе стало угасать. Лишь с возвращением к власти Лейбористской партии Великобритании (1997, 2001 гг.) отдельные практики трипартизма вновь стали здесь внедряться с учетом сопутствующей экономической ситуации.

Необходимо заметить, что в условиях современных европейских интеграционных процессов и распространения кризисных экономи-

ческих явлений на всю территорию еврозоны в последние годы национальным правительствам отдельных европейских государств, при всем стремлении к самостоятельному выстраиванию социального диалога на внутривластной арене, приходится руководствоваться указаниями наднациональных органов власти Европейского союза.

Так, в 2013–2014 гг. не менее восьми государств-членов Европейского союза получили рекомендации от Европейской комиссии по изменению курса национальных политик в сфере оплаты труда. Так, в отношении Словении и Финляндии Европейской комиссией были высказаны пожелания в том, чтобы применяемые механизмы индексации заработной платы поддерживали конкурентоспособность в отраслях экономики и создание новых рабочих мест; в отношении Франции рекомендации состояли в существенном снижении стоимости услуг и материальных благ, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Бельгии, Италии, Люксембургу и Мальте было рекомендовано системно пересмотреть государственную политику в сфере оплаты труда с задействованием позитивных механизмов трипартизма – в переговорном процессе при участии профсоюзов и объединений работодателей как социальных партнеров¹⁸.

Рассмотрев европейский опыт деятельности государства по гармонизации интересов работников и работодателей, резюмируем, что роль государства в регулировании социально-партнерских отношений, взаимодействия труда и капитала в большинстве стран Европы различна.

К причинам таких различий, на наш взгляд, следует отнести характер политической системы, наличие либо отсутствие развитой законодательной базы взаимодействия труда и капитала, наличие/отсутствие сильного профсоюзного движения, которое могло бы на равных условиях взаимодействовать с объединениями работодателей, степень и традиции государственного вмешательства в экономические процессы и т. д.

Однако даже в тех странах, где государство не принимает либо принимает минимальное участие в системе социального партнерства, можно обнаружить периоды усиления координационной деятельности государства по отношению к взаимодействию социальных партнеров, в первую очередь, в период экономических стагнаций и кризисов, что свидетельствует о стабилизирующей и системообразующей роли государства в системе трипартизма.

Примечания

¹ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // *Власть*. 2014. № 7. С. 186–191.

- ² Танчев Е. Социальное государство (всеобщего благосостояния) в современном конституционализме // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2007. № 4. С. 61.
- ³ См.: Сигарев А. В. Социальное государство как конституционно-правовая проблема // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 12. С. 10.
- ⁴ См.: Бирюков С. Классик государственного социализма. URL: <http://www.apn.ru/publications/article17749.htm> (дата обращения: 29.02.2016).
- ⁵ См.: Леонов И. В. Современное социальное государство : сущность, признаки, проблемы формирования / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М. : МГИМО (У), 2006. С. 12.
- ⁶ Вилков А. А., Николаева А. А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в современной России. Саратов : Саратовский источник, 2009. С. 231.
- ⁷ См.: Кокшаров А., Сумленный С. Союз для хорошей погоды // *Эксперт*. 2010. № 19. С. 21.
- ⁸ См.: Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах : опыт исследования / под ред. Т. В. Павловой и С. В. Патрушева. М. : ИСПРАН, 2005. С. 95.
- ⁹ См.: Антюшина Н. М. Развитие системы социального диалога в странах Северной Европы в условиях глобализации и интеграции // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2006. № 6. С. 42–47.
- ¹⁰ См.: Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах : опыт исследования. С. 92–93.
- ¹¹ См.: Перегудов С. П. Трипартистские институты на Западе и в России : проблемы обновления // *Полис*. 2007. № 3. С. 78–90.
- ¹² См.: Кривошеев В. Т. Социальное партнерство и корпоративизм : российская специфика // *Социс*. 2004. № 6. С. 38–44.
- ¹³ См.: Freyssinet J. Tripartite Responses to the Economic Crisis in the Principal Western European countries. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_dialogue/-dialogue/documents/publication/wcms_158356.pdf (дата обращения: 29.02.2016).
- ¹⁴ См.: Hardiman N. Politics and Social Partnership : Flexible Network Governance // *The Economic and Social Review*. 2006. Vol. 37, № 3. P. 343–346.
- ¹⁵ См.: Rehfeldt U. La réforme du marché du travail et l'échec du pacte pour l'emploi // *Chronique internationale de l'IRES*. 2003. № 81, mars. P. 43–51.
- ¹⁶ См.: Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах : опыт исследования. С. 88–89.
- ¹⁷ См.: Hethy L. Social Dialogue and the Expanding World. European Trade Union Institute, Bruxelles, 2001. P. 6.
- ¹⁸ См.: Papadakis K., Ghellab Y. The Governance of Policy Reforms in Southern Europe and Ireland : Social Dialogue Actors and Institutions in Times of Crisis. ILO, Geneva, 2014. P. 14.

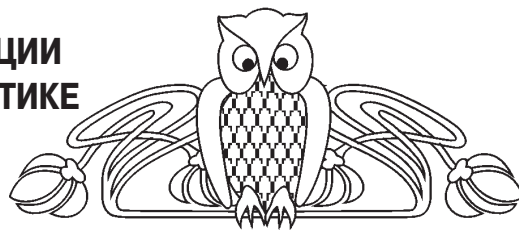

УДК 32.019.5

РИСКОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ПОЛИТИКЕ

Е. Г. Бахтеева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ket_rin_07@mail.ru

В статье изучаются категории политической трансформации, политических рисков через призму гендерного подхода. Рассматриваются тенденции по изменению процесса формирования и восприятия женщин и мужчин в обществе и политике. Анализируются возможные механизмы и этапы трансформации образов женщины и мужчины в политике и рискогенный потенциал данного процесса, в рамках которого возникает перспектива изменения современного гендерного порядка и становления нового.

Ключевые слова: политические риски, политическая трансформация, образ женщины-политика, гендерные стереотипы, гендерный порядок, феминные и маскулинные качества.

Risk-causing Potential of Transformation of Images of Women and Men in Politics

E. G. Bakhteeva

The article examines the category of political transformation, political risks through the prism of gender approach. Examines trends in change the process of formation and perception of women and men in society and politics. The possible mechanisms and stages of transformation of images of women and men in politics and the risky potential of this process in which there is the prospect of changes in contemporary gender order and formation of the new.

Key words: political risks, political transformation, image of the female politician, gender stereotypes, gender order, feminy and masculine qualities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-240-244

Современная наука динамично развивается, разрабатываются новые методики существующих проблем, возникают как абсолютно новые самостоятельные научные направления, так и на стыках различных отраслей. Задачей исследователей становится выработка нового видения настоящего миропорядка, различных отраслей жизни. В связи с этим возникает необходимость использования методов, методик и категорий различных отраслей науки. Понятия, их трактовки и определения могут быть интерпретированы в неоклассической форме в зависимости от подхода исследователя и его методологической основы. Стоит обратить внимание на возможность использования некоторых междисциплинарных категорий для изучения поставленных исследователем задач.

Так, категория политических рисков применима в большей степени в экономической отрасли. В рамках данной статьи интерпретация этого

понятия иная. Мы произведем попытку ее использования в рамках изучения заявленной нами проблематики при использовании гендерного подхода. По нашему мнению, «политический риск» возникает на основе динамики развития какого-либо процесса. В нашем случае таким процессом становится трансформация образов женщины и мужчины в политике.

С нашей точки зрения, в макро-политическом масштабе весь современный социум можно охарактеризовать как трансформационное общество, целью которого становится формирование эффективно функционирующей модели развития всех сфер общественно-политической жизни. В настоящее время достаточно большое количество исследователей занимаются изучением трансформационного процесса. Многие из них акцентируют внимание не только на изучении его этапов и стадий, но и на анализе возможных политических рисков как его последствий. Трансформационные риски можно определить как вероятность неблагоприятного и благоприятного исхода самого процесса трансформации, имеющей место в условиях начальной (и последующей) неопределенности как базового состояния социальной системы трансформирующегося общества¹.

Мы считаем, что процесс политической трансформации носит всеобъемлющий характер, и субъекты политического процесса, их сущностные и функциональные особенности претерпевают изменения. В рамках сложившихся современных трансформационных условий мы наблюдаем некоторые преобразования в восприятии обществом женщин и мужчин (в том числе в политике) с точки зрения феминных и маскулинных характеристик их образов и свойственных им гендерных ролей. Человек по своей природе ориентирован на визуальную и образную основу мотивации выбора. В политике образ кандидата становится основой его избирательной кампании. Более того, образ политика направляет электоральное сознание к тем или иным гендерным установкам, которые впоследствии могут воспроизводиться обществом как приемлемые или, напротив, недопустимые нормы гендерного поведения. Поэтому столь важно обращать внимание на формирование образа политика, учитывая его гендерные аспекты. Образ политического

лидера – это отражение психологических черт политика в сознании избирателя, преломленное через призму глубинных массовых установок².

В ряду массовых установок особую роль занимают гендерные стереотипы как устойчивые, укоренившиеся в массовом сознании представления о роли феминности и маскулинности в политике. По мнению исследователя Т. В. Федоровой, базовые группы гендерных стереотипов содержат представления о социально-политических статусах мужчины и женщины, о распределении семейных и социальных ролей между мужчинами и женщинами, о специфике содержания труда, что определяет гендерные модели поведения политических акторов. Они выступают идеологической основой конструирования маскулинности и феминности в процессе формирования образа политика. Также Т. В. Федорова указывает, что имидж (и образ в целом) политика, как мужчины, так и женщины, определяется гендерными стереотипами, детерминирующими стандартизированные гендерные модели поведения, каждой из которых соответствуют свои имиджевые характеристики³.

В рамках нашего видения в данный момент преобладают две основные тенденции по изменению процесса формирования и восприятия женщин и мужчин в обществе и политике. Во-первых, это преобладание образа маскулинизированной женщины, а во-вторых, феминизация мужчины⁴. Необходимо обратить внимание на интерпретацию понятий «феминные» и «маскулинные» качества. В самом общем виде в контексте нашего исследования определим феминные качества как совокупность психологических и социальных особенностей, традиционно приписываемых женщине, в рамках существующих в общественном сознании гендерных стереотипов, сложившихся в процессе исторического развития социума. Тогда маскулинные качества – совокупность психологических и социальных особенностей, традиционно приписываемых мужчине, в рамках существующих в общественном сознании гендерных стереотипов, сложившихся в процессе исторического развития социума.

Исходя из данных нами определений, мы обращаем внимание на культурную и стереотипную основу феминных и маскулинных качеств. Интересным для примера становится одно из исследований, проведенное Дж. Мак-Ки и А. Шериффс, которые пришли к выводу, что типично мужской образ – это набор черт, связанный с социально неограничивающим стилем поведения, компетенцией и рациональными способностями, активностью и эффективностью. Типично женский образ, напротив, включает социальные и коммуникативные умения, теплоту и эмоциональную поддержку. В целом мужчинам приписывается больше положительных качеств, чем женщинам. При этом авторы считают, что чрезмерная акцентуация как типично маскулинных,

так и типично феминных черт приобретает уже негативную оценочную окраску: типично отрицательными качествами мужчины признаются грубость, авторитаризм, излишний рационализм и т. п., женщин – формализм, пассивность, излишняя эмоциональность и т. п.⁵

Выводы, полученные в рамках различных исследований, подтверждают тот факт, что качества, определяемые испытуемыми как ассоциируемые с мужчинами или женщинами (маскулинные и феминные), формируются под влиянием факторов исторического, социокультурного, национально-этнического порядка.

Социум, существующий в рамках исторически сложившихся условий, традиций, гендерных стереотипов, формирует собственное представление о феминных или маскулинных качествах. Учитывая указанную зависимость, можно предположить, что при трансформационных процессах, происходящих в современном мире, интеграция культурных ценностей и традиций может привести к изменению гендерных стереотипов. В настоящее время происходит постепенное изменение общего понимания роли мужчины и женщины в обществе и тех качеств, которые можно отнести к женским или мужским.

Процесс самоидентификации индивидуума в рамках существующих в общественном сознании представлений о феминности и маскулинности влияет на формирование в образе женщины-политика качеств, которые будут позитивно восприниматься обществом в данных условиях. В процессе воспитания, социализации, обучения и постижения существующей реальности человеческое сознание накапливает совокупность представлений о том или ином явлении, впоследствии воспроизводит в своем поведении данные установки. Однако следует помнить, что если меняются условия, в которых существует индивидуум, он может воспринимать влияние данных условий и адаптироваться к ним, и, соответственно, личные стереотипные установки также могут видоизменяться.

Вопрос о характеристике феминных или маскулинных качеств, составляющих образ женщины-политика, зависит от востребованности данных установок в предпочтениях избирателей и общества в целом. Даже если в личном пространстве женщина, может быть, и не использовала бы некоторые из механизмов и рычагов управления, ассоциируемых как феминные или маскулинные, то в рамках политической деятельности она должна делать акцент на тех качествах, которые необходимы в существующей действительности, со всеми ее социокультурными, историческими и стереотипными составляющими.

Следует понимать, что тенденции преобладания образа маскулинизированной женщины и феминизации мужчины несут в себе особый рискогенный потенциал, включающий возможные угрозы в трансформации иных общественно-по-

литических подсистем и изменения функционирования традиционных политических институтов общества.

В рамках первой тенденции женщины в политике часто для самореализации и отстаивания собственной позиции в политической деятельности используют своего рода мимикрирование (подражание) мужской половине политиков, а также применяют исключительно мужской стиль поведения и методы управления. Более того, при условии, что женщина-политик в начале карьеры в своем образе могла использовать сочетание как феминных, так и маскулинных качеств, то в ходе своей политической деятельности маскулинные становятся преобладающими. Это приводит к тому, что женщина-политик осознанно использует именно образ, подобный мужскому, и считает его не методом «проходного билета» в политику, а естественным образом, в рамках которого ей комфортно осуществлять свои полномочия.

Если рассматривать вопрос мотивации выбора электоратом, то здесь возможен перевес в сторону женщины-политика с маскулинными характеристиками, нежели женщины, которая предпочитает в своем образе феминную составляющую. Впоследствии это может привести к некоторому «обесцениванию» основы гендерной дифференциации политики, когда методы управления женщин и мужчин различаются, и каждый может «занимать свою нишу», а также привносить в политику свой опыт.

Следствием маскулинизации женщины-политика становятся политические риски, возникающие на основе авторизации и ужесточения методов принятия решений и проводимой политики. Данные последствия можно проиллюстрировать на примере отношения к России бывшего госсекретаря США (2008–2013 гг.) Хиллари Клинтон, которая официально объявила о своем участии в президентской гонке 2016 г. и у которой, по мнению достаточного большинства экспертов, шансы на победу вполне убедительные⁶. Касаемо перспектив российско-американских отношений, при условии победы Хиллари Клинтон многие политологи разделяют точку зрения, что она будет придерживаться «жестких» мер в отношении России⁷.

Излишняя маскулинизация образа женщины-политика, либо, напротив, акцентирование внимания электората только на ее феминном предназначении в политике создают основу для возникновения стереотипов. Более того, тенденции маскулинизации женщины и феминизации мужчины являются предпосылками кризиса восприятия гендерных ролей и дифференциации характеристик образов женщины и мужчины в общественном сознании. Данные явления начинают свое развитие в социальной сфере, где могут протекать без явных последствий и на протяжении длительного периода времени. В политической сфере они приобретают динамиче-

ский и гипертрофированный характер. Как нам представляется, в настоящее время наблюдается дезорганизация гендерных идентификационных и самоидентификационных процессов субъектов социума в целом и политики в частности. Особо актуальным этот вопрос становится в связи с «массовыми явлениями сексуальных дифференциаций, обусловленных тенденциями различных субкультур: женской, мужской, подростковой, молодежной и т. д., связанных с поиском индивидов новых форм презентации, деконструкции телесности, практики гендерной самоидентификации индивида вне организованных социальных ценностей (смена пола, трансвестизм, активная бисексуальность)⁸.

Здесь следует обратить внимание на двустороннее развитие последствий данных общественных гендерных трансформаций. С одной стороны, если мы наблюдаем соответствующие изменения границ нормы и девиации взаимодействия индивидов в сфере политики и государственного управления, в дальнейшем данная трансформация может транслироваться на социум. В обратном направлении происходит такая же схема преобразований. Если в обществе, где происходит постоянный поиск форм взаимодействия индивидов между собой, произойдут изменения в ценностной структуре политического сознания, то политические деятели, которые ориентируются на общественное мнение, не смогут оставить без внимания вектор развития социума и также будут модернизировать свой образ, принципы работы и манеру сотрудничества со своими коллегами.

Общество, государство и политическая система ориентированы на сохранение стабильности и безопасности, так как данные потребности являются основополагающими и приоритетными. Последствия подмены гендерных ролей в обществе в целом и в политике в частности могут быть самыми непредсказуемыми. В европейских странах одним из оснований для возникновения конфликта между иммигрантами и гражданами страны является разница в оценке существующего гендерного порядка. Многие переселенцы не могут принять складывающегося в западных странах гендерного уклада, и речь в данный момент уже идет не столько о дискриминации или равноправии полов, сколько о смене гендерных ориентиров и традиций восприятия гендерных ролей.

Интересным становится тот факт, что одни страны, где по сей день существует ограничение прав женщин (и не только политических), начинают путь к гендерному равенству. А другие, пройдя данный этап уже достаточно давно, «манипулируют» и «используют» данное равенство для осуществления абсолютно сторонних интересов. Под эгидой гендерного равенства осуществляются попытки завуалировать и заретушировать зарождающиеся проблемы, например, сексуальных

меньшинств в политике. Игнорирование проблемы изменения гендерного порядка несет в себе последствия абсолютно иного характера. Если представить, что общество в будущей перспективе откажется от дифференциации половых ролей, тогда женщины и мужчины будут гендерно дезориентированы. Современное общественное сознание, освобождаясь от ранее сложившихся гендерных стереотипов, создает благотворные условия для возникновения проблем, касающихся репродукции социума в целом. Для человека XXI в. постепенно становятся допустимы тенденции маскулинизации женщин и феминизации мужчин. При этом широко распространяющимся и приобретающим особое значение становится вопрос сексуальных меньшинств, которые в рамках политики гендерного равноправия и защиты прав и интересов различных социальных групп пытаются усилить свои позиции. Естественно, что общество должно быть толерантно к разнонаправленным мировоззренческим течениям составляющих его групп, однако не стоит абсолютизировать данную нейтральность и допускать преобладания каких-либо интересов в ущерб других, особенно если это касается в дальнейшем угрозы продолжения человеческого рода.

Представленный пример конфликта между иммигрантами и гражданами страны, который набирает в данный момент обороты в европейских государствах, иллюстрирует возможные риски, связанные с разницей восприятия и самореализации в нынешней форме взаимодействия полов. При рассмотрении этой стороны вопроса следует выделить два основополагающих аспекта, на основании которых и осуществляется формирование и восприятие гендерного порядка (в том числе в политике) представителями разных полов. Это процессы гендерной социализации и гендерной самоидентификации субъекта. Актор приобретает определенные черты и характеристики в рамках этих процессов. Общество, в свою очередь, на основе этих же процессов впоследствии определяет нормы и девиации гендерного порядка, распределения гендерных ролей, основных характеристик, присущих женщине или мужчине. Трудно не согласиться с исследователем Б. И. Красновым, который указывает, что «ни одна система не сможет достигнуть достаточного уровня интеграции и стабильности, если ей не удастся выработать у своих членов определенной суммы общепринятых в обществе политических знаний, ценностей, установок»⁹. Естественными становятся изменения во всех указанных подсистемах в связи с трансформацией формирования и восприятия образов женщины и мужчины в политике, так как она выступает неким отражением существующего в обществе мировосприятия и ощущения и в то же время стимулирует социум на развитие/стагнацию в определенном для этого момента векторном направлении.

Проанализировав социокультурные аспекты и возможные варианты политических рисков, связанных с трансформацией формирования и восприятия образов женщины и мужчины в обществе и политике, их можно определить как риски, которые возникают вследствие внешнего воздействия системы и транслируют данные изменения на социум в целом.

Кроме того, следует обратить внимание на политические риски, которые можно определить как внутрисистемные. А именно, как нам представляется, политические риски с точки зрения их гендерного аспекта – это последствия, которые могут определять развитие не только всей общественной системы, но и отдельных субъектов политики. Так, женщина как политический субъект сама может столкнуться с определенными политическими рисками при осуществлении своей деятельности. Иллюстративным примером становится ситуация, когда половая принадлежность политика может повлиять на формирование его команды, с которой ему предстоит впоследствии работать. Попробуем рассмотреть два основных варианта сценария развития ситуации. Первый чаще всего предполагает, что команду женщины-политика составляют чиновники, которые ей «достаются по наследству» от предыдущего лидера, и последующего кардинального рекрутирования правящей элиты не наблюдается. Вторым распространенным явлением становится ситуация, когда женщина-политик остается, в принципе, без какой-либо поддержки и сформированного аппарата. При таком раскладе сил женщине приходится использовать манеру поведения с преобладанием маскулистных характеристик, для того чтобы коллеги идентифицировали как «свою» и начали воспринимать ее. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при осуществлении политической деятельности женщина сама по себе, являясь политическим актором, может быть подвержена влиянию политических рисков.

В координации существования любого общества большое значение имеет определение и дифференциация роли полов. Только обратив внимание на изучение связанных с этими процессами вопросов, наука обнаружила иную проблему – определение специфики каждого пола. Подход к изучению зависит от типа культуры, уровня научных знаний и идеологической основы данного общества. В современных условиях мировых трансформационных процессов меняются и наши представления о роли, обязанностях и специфических чертах мужчин и женщин, хотя относительно недавно эти характеристики считались бесспорно однозначными.

Гендерный аспект современной политики приобретает новые очертания. Если в период становления гендерной проблематики мы акцентировали внимание на изучении гендерной

дифференциации политики, дискриминации политических прав женщин, различий в методах управления представителями разных полов, то сейчас актуализируется вопрос трансформации гендерного порядка с характерными последствиями и политическими рисками данного процесса для традиционного порядка функционирования общества.

Примечания

- ¹ См.: *Щупленков О. В.* К вопросу понимания издержек и рисков политических реформ // *Вестник СВГУ: Экономика, тренды и управление.* 2014. № 3. С. 20.
- ² См.: *Шелекасова Н. П.* Неосознаваемые аспекты образа политика в массовом сознании : на материалах исследований региональных избирательных кампаний 2001 и 2003 гг. : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 15.
- ³ См.: *Федорова Т. В.* Гендерные стереотипы как фактор формирования имиджа политика : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. С. 10.
- ⁴ См.: *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб. : Питер, 2003. С. 25.
- ⁵ См.: *McCree J. P., Sherriffs A. C.* The differential evaluation of males and females // *J. of Personality.* 1957. № 25. P. 356–371.
- ⁶ См.: *Полунин А.* США примеряет юбку. URL: <http://svpressa.ru/issue/news.php?id=118620&aam=1> (дата обращения: 19.04.2015).
- ⁷ См.: Следующий Президент США планирует устроить России настоящий апокалипсис. URL: <http://politrussia.com/world/babe-tsarstvo-po-amerikanski-461/> (дата обращения: 19.04.2015).
- ⁸ См.: *Храмцова Ф. И.* Гендерное измерение политической социализации // *Социальная политика и социология.* 2008. № 3. С. 340.
- ⁹ *Общая и прикладная политология : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова.* М. : МГСУ ; Изд-во «Союз», 1997. С. 714.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова А. В. – аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: medellen@hotmail.com

Антропова Ю. Ю. – доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: ayy2102@mail.ru

Барашков Г. М. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: eternity65@yandex.ru

Бахтеева Е. Г. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ket_rin_07@mail.ru

Бегина И. А. – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Бочарова Е. В. – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: kirill1979may@mail.ru

Великанов А. П. – соискатель кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, преподаватель АНО «Межрегиональный центр подготовки кадров» Волгоградской торгово-промышленной палаты. E-mail: velikanov.ap@yandex.ru

Головченко А. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Гончарова Е. Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры туризма и гостиничного сервиса, Пятигорский государственный лингвистический университет. E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Данилов М. В. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: super9999@yandex.ru

Ефанова Е. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Волгоградский государственный университет. E-mail: efanova8282@mail.ru

Изергина Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и политологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: ninaini@yandex.ru

Казаков А. А. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Калинин И. А. – кандидат социологических наук, президент Благотворительного фонда «Свои дети», Екатеринбург. E-mail: igor_kalinin@hotmail.com

Калинкин А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Колотилина А. А. – студентка Института права, Волгоградский государственный университет. E-mail: missn@list.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Ксенофонтова Е. Г. – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; ведущий консультант ГК «Топ-Менеджмент Консалт», Москва. E-mail: eksen@mail.ru

Ларин О. Н. – соискатель кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: 2306185@mail.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Митрохин В. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Мохнаткина К. В. – старший преподаватель кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: kse339@yandex.ru

Назаров Н. О. – соучредитель АНО «Центр региональных политических исследований», Саратов. E-mail: crpi@yandex.ru

Попонов Д. В. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: poponovdv@mail.ru

Рассадина Т. А. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт). E-mail: t.rassadina@mail.ru

Санаков И. Б. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Владикавказский научный центр РАН. E-mail: inal59@mail.ru

Сергеев С. Г. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: sergeevsg6684@lenta.ru

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: skareva@yandex.ru

Судьин С. А. – доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского. E-mail: sudjin@mail.ru

Федотов А. С. – доктор политических наук, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: as.1953.ru@yandex.ru

Хаутиев Ш. М. – соискатель кафедры связей с общественностью и рекламы, Ульяновский государственный университет. E-mail: sharp1974@yandex.ru

Шедловская М. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Юренков И. Н. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: www.igor1992@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonova A. V. – post-graduate student of the Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: medellen@hotmail.com

Antropova Yu. Yu. – doctor of sociological sciences, candidate of pedagogical sciences, professor of the Department of theory and history of international relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg. E-mail: ayy2102@mail.ru

Bakhteeva E. G. – post-graduate student of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: ket_rin_07@mail.ru

Barashkov G. M. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: eternity65@yandex.ru

Beginina I. A. – candidate of philosophical sciences, professor of the Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

Bocharova E. V. – candidate of sociological sciences, senior researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov. E-mail: kirill1979may@mail.ru

Danilov M. V. – doctor of political sciences, associate professor, professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Efanova E. V. – candidate of political sciences, associate professor of the Department of political science, Volgograd State University. E-mail: efanova8282@mail.ru

Fedotov A. S. – doctor of political sciences, professor of the Department of economic sociology, advertising and public relations, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: as.1953.ru@yandex.ru

Golovchenko A. V. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of criminal law, penal law and criminology, Saratov State University. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Goncharova E. N. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of tourism and hotel services, Pyatigorsk State Linguistic University. E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Izergina N. I. – doctor of political sciences, professor of the Department of regional studies and political science, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: ninaini@yandex.ru

Kalinin I. A. – candidate of sociological sciences, President of the Foundation «His children», Ekaterinburg. E-mail: igor_kalinin@hotmail.com

Kalinkin A. A. – post-graduate student of the Department of sociology regions, Saratov State University, Ekaterinburg. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Kazakov A. A. – candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Khautiev Sh. M. – post-graduate student of the PR-Department, Ulyanovsk State University. E-mail: sharp1974@yandex.ru

Kolotilina A. A. – student of the Department of law, Volgograd State University. E-mail: missn@list.ru

Kravchenko N. Yu. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Ksenofontova E. G. – candidate of psychological sciences, associate professor of the Department of sociology of organizations and management sociology, Lomonosov Moscow State University, senior consultant of the Civil Code «Top Management Consult». E-mail: eksen@mail.ru

Larin O. N. – applicant of the Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: 2306185@mail.ru

Mirzakhonov D. G. – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Mitrokhin V. A. – doctor of historical sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Mohnatkina K. V. – senior lecturer of the Department of social informatics, Saratov State University. E-mail: kse339@yandex.ru

Nazarov N. O. – cofounder of the ANO «The Regional Political Research Center», Saratov. E-mail: crpi@yandex.ru

Poponov D. V. – candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political science, Saratov State University. E-mail: poponovdv@mail.ru

Rassadina T. A. – doctor of sociological sciences, associate professor, professor of the Department of humanities and social sciences, Ulyanovsk Higher Civil Aviation School (Institute). E-mail: t.rassadina@mail.ru

Sanakoev I. B. – candidate of political sciences, senior researcher, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: inal59@mail.ru

Sergeev S. G. – candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of constitutional and municipal law, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: sergeevsg6684@lenta.ru

Shedlovskaya M. A. – post-graduate of the Department of sociology regions, Saratov State University. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociological sciences, assistant professor of the Department of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

Sudin S. A. – associate professor of the Department of general sociology and social work, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. E-mail: sudjin@mail.ru

Velikanov A. P. – applicant of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: velikanov.ap@yandex.ru

Yurenkov I. N. – post-graduate student of the Department of sociology regions, Saratov State University. E-mail: www.igor1992@gmail.com

Подписка на II полугодие 2016 года

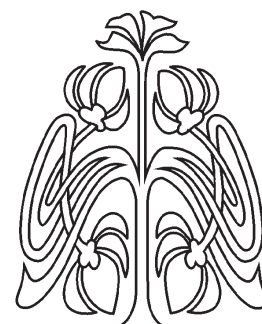
Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016.

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru

ПОДПИСКА

